

ПИР–ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

~~НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ~~

№ 17

**РОЛАНД ТИМЕРБАЕВ
АЛЕКСАНДР ШИЛИН
ВИТАЛИЙ ФЕДЧЕНКО**

**ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И
НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ В ЮЖНОЙ АЗИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

МОСКВА, 2001

Научные Записки ПИР-Центра №17

ПИР-ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

№ 17

Роланд Тимербаев
Александр Шилин
Виталий Федченко

ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ В ЮЖНОЙ АЗИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Роланд Тимербаев. Ядерная ситуация в Южной Азии и ее влияние на региональную и международную безопасность.....	5
Александр Шилин. Эскалация вооружений в Южной Азии.....	36
Виталий Федченко. Российско-индийские отношения в ядерной области и вопросы экспортного контроля.....	62
Приложение 1. Отношение к международным соглашениям и режимам ограничения ядерных вооружений и регулирования ядерной деятельности.....	84
Приложение 2. Запасы оружейного урана и плутония Индии и Пакистана.....	85
Приложение 3. Ракетная программа Индии.....	85
Приложение 4. Ракетная программа Пакистана.....	86
Приложение 5. Соотношение вооруженных сил Пакистана и Индии.....	87
Приложение 6. Военные расходы Индии.....	88
Приложение 7. Военные расходы Пакистана.....	89
Приложение 8. Базы ВВС Индии.....	90
Приложение 9. Базы ВВС Пакистана.....	91
Об авторах.....	92
Summary.....	93

Научные Записки ПИР-Центра №17

Москва, Декабрь 2001 г.
Выходят три раза в год
Издаются с января 1996 г.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017536 от 30 апреля 1998 г.

Настоящие «Записки» подготовлены в рамках научно-исследовательского
проекта ПИР-Центра
«Южная Азия: проблемы и перспективы нераспространения»

Редакционная коллегия:

Ильдар Ахтамзян
Дмитрий Евстафьев
Андрей Загорский
Евгений Маслин
Владимир Орлов
Роланд Тимербаев
Юрий Федоров

Редакция:

Виталий Федченко, редактор номера
Карина Фуралева, технический редактор
Елена Полидва, секретарь редакции
Валентина Березницкая, литературный редактор
Вячеслав Зайцев – бухгалтерия
Олег Кулаков – компьютерное обеспечение
Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, Москва, 103001,
Трехпрудный пер., д.9, стр.1Б
Телефон редакции: +7+095–234–0525
(многоканальный)
Факс: +7+503–234–9558
Интернет-представительство:
www.pircenter.org
Электронная почта:
info@pircenter.org (общие вопросы)
orlov@pircenter.org (письма директору)
fedchenko@pircenter.org (письма редактору номера)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Владивостоке, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Димитровграде, Днепрпетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железногорске, Заречном, Звездном Городке, Зеленогорске, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Мурманске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Одинцово, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Твери, Томске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Арлингтоне, Атланте, Афинах, Бирмингеме, Бонне, Бостоне, Брюсселе, Вашингтоне, Вене, Женеве, Иерусалиме, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Париже, Пекине, Праге, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Тель-Авиве, Токио, Франкфурте, Чикаго и Шарлотсвиле.

Подписку можно оформить в редакции за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. +7+095–234–0525.
Annual subscription overseas: please, send requests to fax +7+095–234–9558 or e-mail: info@pircenter.org. Checks or wire transfers. Express mail delivery.

Тираж 450 экз.

Подписано в печать 8 апреля 2002 г.

Отпечатано в России

- Материалы «Научных Записок» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя.
- Исследование по проблемам тактического ядерного оружия и издание данного номера «Научных Записок» осуществлено ПИР-Центром при финансовом содействии Фонда Форда.
- Публикуемые в «Записках» материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов.
- ПИР-Центр приветствует направление рукописей в редакцию. Пожалуйста, предварительно запрашивайте описание требований, предъявляемых нами к рукописям (высылаются по почте, электронной почте или факсу). Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Андрей В. Загорский, член Совета ПИР-Центра
Владимир А. Мау, член Совета ПИР-Центра
Евгений П. Маслин, член Совета ПИР-Центра
Владимир А. Орлов, директор и член Совета ПИР-Центра
Юрий А. Рыжов, член Совета ПИР-Центра
Роланд М. Тимербаев, председатель Совета ПИР-Центра
Юрий Е. Федоров, член Совета ПИР-Центра
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета ПИР-Центра

© ПИР-Центр, 2001-2002

Научные Записки ПИР-Центра №17

ПРЕДИСЛОВИЕ

Распространение ядерного оружия и эскалация вооружений в Южной Азии приковывают к себе пристальное внимание мирового сообщества, которое небезосновательно считает этот регион одним из самых опасных в мире с точки зрения угрозы возникновения здесь ядерного конфликта. Особую остроту и взрывоопасный характер ядерный кризис в регионе приобрел начиная с 1998 г., после ядерных испытаний, проведенных Индией и Пакистаном, которые возвестили миру о появлении фактически двух новых ядерных государств.

Актуальность рассматриваемой проблемы в последнее время неизмеримо и весьма опасно возросла в связи с трагическими нападениями террористов на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г. Антитеррористическая операция, проводимая Соединенными Штатами в Афганистане при поддержке других государств, в том числе России, ведет к дестабилизации и без того неустойчивого режима в Пакистане, что создает угрозу овладения пакистанским ядерным оружием экстремистски настроенными элементами.

В связи с большим интересом, проявляемым к этой проблеме правительственными кругами, законодателями и широкой российской общественностью, ПИР-Центр приступил к осуществлению нового проекта – «Южная Азия: проблемы и перспективы нераспространения». Первым его результатом является настоящая работа из серии *Научных Записок ПИР-Центра* – «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы».

В работе Роланда Тимербаева «Ядерная ситуация в Южной Азии и ее влияние на региональную и международную безопасность» дается краткая история развития ядерных программ Индии и Пакистана, вскрываются внутренние пружины возникновения кризисной ситуации в регионе,

анализируются военно-стратегические и геополитические последствия появления новых ядерных государств, а также высказываются соображения о возможных перспективах ослабления ядерного противостояния в регионе и вокруг него.

Александр Шилин в работе «Эскалация вооружений в Южной Азии» показывает, как разворачивалась гонка вооружений на южноазиатском субконтиненте в результате острых этнических, религиозных и территориальных конфликтов, явившихся следствием сложного колониального прошлого региона и последующего образования там независимых государств.

Наконец, в исследовании Виталия Федченко «Российско-индийские отношения в ядерной области и вопросы экспортного контроля» рассматриваются вопросы развития сотрудничества между двумя странами в области использования мирного атома, перспективы его дальнейшего развития и влияние этого сотрудничества на будущее международного режима экспортного контроля.

Мы надеемся, что настоящий выпуск *Научных Записок* поможет как специалистам, так и более широкому кругу общественности глубже познакомиться с проблемами нераспространения в Южной Азии и будет способствовать процессу принятия решений, адекватных складывающейся ситуации в регионе.

ПИР-Центр ожидает, что читатели откликнутся на настоящую публикацию своими замечаниями и комментариями, что поможет нам в дальнейшей работе и будет способствовать развитию и углублению проводимых нами исследований в рамках данного проекта.

**Директор ПИР-Центра
Владимир Орлов**

Научные Записки ПИР-Центра №17

ЯДЕРНАЯ СИТУАЦИЯ В ЮЖНОЙ АЗИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ И МЕЖДУНАРОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Роланд Тимербаев

Распространение ядерного оружия в Южной Азии в течение многих лет приковывает к себе внимание мирового сообщества, которое небезосновательно считает этот регион одним из самых опасных в мире с точки зрения угрозы возникновения здесь ядерного конфликта. Кризисная ситуация развивалась в регионе на протяжении десятилетий, но особую остроту и взрывоопасный характер она приобрела после ядерных испытаний, проведенных Индией и Пакистаном в 1998 г., которые возвестили миру о появлении двух новых ядерных государств.

Представляется очевидным, что ядерная напряженность в Южной Азии носит не только региональный характер. Само ее возникновение обязано как многолетнему военно-политическому противостоянию двух государств Южноазиатского субконтинента, так и наличию в Азии другого, не менее существенного вектора соперничества – индо-китайского. Существует и еще одна доминанта, влияющая на развитие кризисной ситуации в регионе, – совершенно определенные претензии Индии на занятие роли ведущей мировой державы, что ассоциируется в сегодняшнем мире (увы, практически неизбежно) с обретением ядерного статуса.

Настоящая работа имеет целью дать краткую историю развития ядерных и ракетных программ Индии и Пакистана, вскрыть внутренние пружины возникновения опасной ситуации в регионе и проанализировать военно-стратегические и геополитические последствия появления новых ядерных государств, а также высказать соображения о возможных перспективах ослабления ядерного противостояния в регионе и вокруг него. Нас особенно интересует, какие действия Россия и Соединенные Штаты совместно с другими государствами могли бы предпринять для вовлечения обоих южно-азиатских государств в процесс контроля над вооружениями и ядерного нераспространения и, следовательно, ослабления ядерной угрозы, исходящей из данного региона. Возникает и вопрос о том, как мировому сообществу реагировать на то обстоятельство, что происходит фактическое расширение *ядерного клуба*.

Актуальность рассматриваемой проблемы в настоящее время неизмеримо и весьма опасно возросла в связи с трагическими нападениями террористов на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 года. Антитеррористическая операция, проводимая Соединенными Штатами в Афганистане при поддержке своих союзников и других государств, в том числе России, ведет к резкой дестабилизации и без того неустойчивого военного режима в Пакистане, что создает угрозу овладения пакистанским ядерным оружием экстремистски настроенными элементами.

Стратегическая ситуация в Южной Азии, связанная с появлением там ядерного оружия, в течение многих лет является предметом всестороннего анализа как политиков и стратегов данного региона, так и западных исследователей. Вышло в свет немало солидных трудов и исследований, особенно после ядерных испытаний 1998 г. Из значительного числа американских исследований следовало бы выделить недавно появившиеся капитальные труды Джорджа Перковича, Стивена Козна и Эшли Теллиса¹. Эти работы, при всей их глубине и основательности, все же в основном отражают присущий американской политологии специфический подход к анализу и решению проблем международной безопасности, что в общем-то представляется вполне естественным.

Весьма активно ведется аналитическая работа по ядерной проблематике в самом регионе, особенно в Индии. Среди индийских исследователей следовало бы в первую очередь назвать таких известных специалистов различных направлений – от сторонников скорейшего развертывания ядерного оружия и умеренных аналитиков и вплоть до поборников одностороннего ядерного разоружения, – как К. Субраманиам, Джасджит Сингх, К. Сундарджи, Раджа Менон, Виджай Рагхаван, Б. Карнад, Л. Рамдас, Раджа Мохан, Б. Челлани, Ашок Капур, П.Р. Чари, Прафуль Бидвай и др.² Их работы представляют большую важность для анализа обстановки в регионе и вокруг него, поскольку авторы хорошо знакомы и глубоко понимают интересы своего региона. Можно было бы отметить также таких

Научные Записки ПИР-Центра №17

пакистанских исследователей, как Первез Худбхой и Самина Ахмед.

Вклад российских исследователей в изучение ядерных проблем Южной Азии пока что весьма скромен и ограничивается немногими статьями в периодической печати³. Между тем значение региона и всей Азии с точки зрения интересов поддержания международной безопасности в XXI веке неуклонно возрастает. Можно с достаточным основанием предполагать, что по мере дальнейшего сокращения ядерных арсеналов США и России и в продолжающейся, и даже усиливающейся нуклеаризации азиатских государств (Индия, Пакистан, Китай, а к ним потенциально могут подключиться и другие страны Азии, например Япония) центр ядерной напряженности в перспективе может переместиться с Запада на Восток. Это не может не вызывать вполне законного интереса России, с точки зрения ее безопасности как евроазиатской державы, к проблемам ядерного распространения в Южной Азии, которая является близким соседом нашей страны и наших союзников в Центральной Азии.

Предлагаемая вниманию читателей настоящая работа, как и помещенные в этом выпуске исследования Александра Шилина и Виталия Федченко, имеет своим назначением стимулировать широкое обсуждение ядерной ситуации в Южной Азии среди российских политологов и специалистов и способствовать выработке последовательного и обращенного в будущее стратегического подхода России к тем геополитическим изменениям, которые уже происходят и будут и дальше развиваться в Южной Азии и за ее пределами.

Развитие ядерной и ракетной программ Индии

Ядерная программа

Движение Индии к ядерному статусу началось свыше полувека назад и еще полностью не завершилось. В этом состоит очевидное своеобразие индийской модели овладения ядерным оружием. Если взять какое-либо другое ядерное государство, неважно какое – официально признаваемое⁴ или нет: Соединенные Штаты, СССР/Россию или, скажем, Израиль, то был гораздо более короткий период создания ядерного оружия, – несколько лет (США – три-четыре года, СССР – четыре-пять лет, Израиль – около десяти лет)⁵. А у Индии создание и испытание первого ядерного взрывного устройства

заняло почти три десятилетия, а перерыв между первым и вторым ядерным испытаниями составил 24 (!) года (с 1974 до 1998 г.). Факт поразительный и для тех, кто недостаточно знаком с индийской историей, философией и менталитетом индийского народа, видимо, малопонятный, но тем не менее вполне очевидный.

История индийской атомной программы действительно не похожа ни на одну другую, она прошла сквозь много зигзагообразных перипетий. Ее начало следует отнести к 1945 г., когда в рамках индийского Совета по научным и промышленным исследованиям была создана Комиссия по атомной энергии (КАЭ) под председательством выдающегося физика, получившего образование в Кембриджском университете, – Хоми Баба. Бытует мнение, что первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру был сторонником исключительно мирного использования атомной энергии. Как широко известно, он первым в мире выступил в апреле 1954 г. с призывом о прекращении ядерных испытаний, которые проводились тогда только тремя державами – Соединенными Штатами, Советским Союзом и Великобританией. Однако, судя по многим свидетельствам, Джавахарлал Неру всячески поддерживал усилия Хоми Баба в направлении развития независимой атомной программы, которая при необходимости была бы способна создать научно-техническую и промышленную основу для производства и ядерного оружия⁶.

Полномочная Комиссия по атомной энергии Индии была образована тоже достаточно рано – в 1948 г. – на основе закона, принятого индийским парламентом, т.е. еще до создания КНР и, следовательно, задолго до того, как Мао Цзедун заинтересовался атомной бомбой⁷. Поэтому довольно традиционное среди некоторых специалистов мнение, что Индия приступила к военному атомному проекту только после первого китайского ядерного испытания в 1964 г., расходится с историческими фактами. Точка зрения многих аналитиков, что именно китайская ядерная угроза вынудила Индию создать атомный противовес для обеспечения своей безопасности, не вполне соответствует действительности, хотя она и сыграла существенную, но, по-видимому, не самую решающую роль в ядерном выборе Индии⁸.

Научные Записки ПИР-Центра №17

В тот период значительно большую озабоченность в Дели вызывал факт присоединения Пакистана к созданной в 1955 г. Организации Центрального договора (СЕНТО), поскольку это могло бы повести к размещению на его территории американского ядерного оружия. В январе 1956 года, Джавахарлал Неру впервые объявил в парламенте Индии о возможности создания атомного оружия, заявив, что в случае выделения необходимых ресурсов на это потребуется три–четыре года.

Дальнейшее развитие индийского атомного проекта достаточно хорошо известно. Канада поставила Индии во второй половине 1950-х гг. тяжеловодный реактор CIRUS, не потребовав установления гарантий и только под честное слово, что он будет использоваться исключительно в мирных целях, и уже в 1964 г. на установке в Тромбее был получен оружейный плутоний. А в ноябре того же года после китайского ядерного взрыва премьер-министр Лал Бахадур Шастри объявил, что будет вестись подготовка к созданию мирных ядерных взрывных устройств для таких гражданских целей, как, например, прорытие тоннелей в горах. Если принять во внимание внутреннюю обстановку в стране, следует признать, что это, видимо, было единственно правильным решением, поскольку необходимо было должным образом реагировать на китайское испытание и в то же время учитывать широко распространенные в стране антиядерные настроения.

В тот период, т.е. после появления китайской атомной бомбы, Соединенные Штаты лихорадочно пытались противопоставить КНР военный заслон в Азии. Американский специалист Джордж Перкович рассказывает о факте, до недавнего времени не известном и рассекреченном только в 1998 г., что в госдепартаменте США по инициативе госсекретаря Дина Раска были подготовлены предложения о возможности размещения ядерного оружия под контролем США в дружественных азиатских государствах, в первую очередь в Индии, в качестве стратегического противовеса Китаю, однако они не были одобрены министром обороны Робертом Макнамарой⁹.

Последующее движение Индии к ядерному статусу также отличалось непоследовательностью. После смерти Лала

Бахадур Шастри и гибели Хоми Баба в авиакатастрофе в начале 1966 г. пришедшая к власти Индира Ганди отменила решение об ускорении ядерной программы. Среди некоторых индийских аналитиков и по сей день существует мнение, что Индия уже в 1966 г. имела возможность взорвать примитивное ядерное устройство и затем войти в состав участников Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в качестве ядерного государства¹⁰. Новый руководитель ядерной программы Викрам Сарабхаи был убежденным противником атомного вооружения Индии по моральным мотивам. Именно при нем Индия согласилась на применение гарантий МАГАТЭ к строящейся при содействии Канады Раджастанской АЭС. Но в то же время в октябре 1967 г. министр обороны Сваран Сингх объявил в ООН, что Индия не присоединится к ДНЯО как к *дискриминационному* договору.

Лишь в 1968 г., т.е. через четыре года после китайского взрыва, под руководством Раджагопалана Чидамбарам, который в дальнейшем возглавил индийскую атомную комиссию и при котором были проведены испытания 1998 г., начались работы по конструированию ядерного устройства. Но в индийском парламенте продолжались острые дебаты между сторонниками и противниками ядерного оружия. И окончательное компромиссное решение приступить к сборке первого мирного ядерного устройства было принято Индирой Ганди только в сентябре 1972 г.

По мнению Джорджа Перковича, главнейшими факторами, которые привели к взрыву ядерного устройства в Похране в 1974 г., были «решимость Комиссии по атомной энергии проявить свой характер и осознание Индирой Ганди того факта, что Индия тем самым приобретет уверенность в себе как нация, а она сама – в качестве лидера нации». Таким образом, ни внешнеполитические соображения, ни соображения безопасности не играли основной роли в решении Индиры Ганди произвести взрыв и в выборе момента¹¹. Вряд ли можно согласиться с довольно распространенным мнением, что война с Пакистаном 1971 г. и ввод в Бенгальский залив американского авианосца *Enterprise* сделали императивным создание ядерного оружия с точки зрения обеспечения

Научные Записки ПИР-Центра №17

безопасности страны. Решение о взрыве на полигоне Похран, судя по всему, все же проистекало из соображений внутреннего порядка, и его последствия тоже были в основном внутренне.

Следует отметить, что в Москве спокойно (и, по-видимому, не без удовлетворения, учитывая характер советско-китайских отношений в тот период) восприняли известие о взрыве и не оспаривали утверждение о его якобы мирном характере. Пекин ограничился публикацией сообщений телеграфных агентств о проведенном взрыве в мирных целях. В Вашингтоне госдепартаментом было подготовлено заявление с резкой критикой Индии и обвинением, что ее действия подрывают международные усилия по ядерному нераспространению, однако государственный секретарь Генри Киссинджер предпочел сделать более нейтральное заявление¹². Французский Комиссариат по атомной энергии направил поздравительное послание в адрес КАЭ Индии. Как свидетельствует один из руководителей Комиссариата Бертран Гольдшмидт, это послание не согласовывалось с МИД Франции. Однако в дальнейшем именно индийский ядерный взрыв послужил одним из основных побудительных мотивов для принятия ядерными экспортерами, в том числе и Францией, мер по ужесточению ядерного экспорта и созданию Группы ядерных поставщиков (ГЯП)¹³.

Возникает вопрос: почему между первым ядерным взрывом в 1974 г. и серией испытаний в мае 1998 г. прошло без малого четверть века? Наиболее очевидной причиной следует считать конфликтующие интересы различных фракций индийской политической элиты, руководствовавшихся преимущественно внутренними мотивами. Сменявшие друг друга премьер-министры «жали на тормоза», писал Джордж Перкович, а «стратегический анклав», со своей стороны, «давил на акселератор»¹⁴. В марте 1977 г. в результате парламентских выборов к власти пришел премьер-министр Морарджи Десаи, который был убежденным противником создания ядерного оружия и проведения нового взрыва.

В индийской политической и связанной с атомными исследованиями научной элите на протяжении всего времени и по сей момент существовали и, вероятно, в обозримом будущем будут существовать самые

различные и даже прямо противоположные подходы к обретению полного ядерного статуса. Что касается военных, то они традиционно фактически отстранены от участия в принятии решений по ядерным вопросам. Об этом не раз писали и индийские, и западные исследователи¹⁵.

Определенную роль в замедлении темпов развития ядерной программы играл и тот фактор, что в середине 1970-х гг. ядерные поставщики ужесточили правила ядерного экспорта через Комитет Цангера и ГЯП, а Конгресс США при президенте Картере принял в 1978 г. Закон о ядерном нераспространении, который требовал установления полноохватных гарантий в качестве условия ядерных поставок. В результате США прекратили поставки топлива для двух реакторов в Тарапуре, построенных в конце 1960-х гг. при их содействии. Франция взяла на себя роль заместителя, а когда сама Франция приняла принцип полноохватных гарантий, то с 1995 г. топливо стал поставлять Китай, который не признает этот принцип и сейчас, но прекратил поставки после индийских испытаний 1998 г.

После Похранского испытания Канада приняла решение о прекращении помощи, и Индия в течение ряда лет испытывала нехватку тяжелой воды для реакторов канадской конструкции – как промышленных, так и гражданских. В этих условиях индийское правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой о поставке тяжелой воды для Раджастханской АЭС.

По решению советского правительства от 29 февраля 1976 г., Москва согласилась поставить 200 т тяжелой воды, но с учетом своих международных обязательств, то есть на условиях ДНЯО и первоначальных Руководящих принципов для ядерного экспорта, принятых ГЯП в конце января того года. Последовали длительные переговоры, продолжавшиеся несколько месяцев. В июне 1976 г. был подписан контракт с индийской стороной, который полностью соответствовал международным обязательствам СССР. Однако правительство Индии не утвердило его, поскольку в нем содержалось обязательство о предоставлении гарантий неиспользования тяжелой воды для создания *мирных* ядерных взрывных устройств. Переговоры были продолжены, и в конце концов индийское правительство, остро

Научные Записки ПИР-Центра №17

нуждавшееся в поставках, согласилось с условиями, выдвинутыми советской стороной. В сентябре в Дели был подписан контракт, в котором предусматривалось, что получатель представит продавцу официальное заявление правительства Индии о том, что «покупатель не будет использовать расщепляющийся ядерный материал, полученный или используемый в атомных электростанциях, для которых поставляется тяжелая вода, для производства ядерного оружия, и будет использовать такой материал для производства электроэнергии на атомных реакторах и радиоизотопов для сельскохозяйственных, промышленных или медицинских целей. Полученный расщепляющийся ядерный материал не будет также использоваться для производства какого-либо ядерного взрывного устройства»¹⁶. Но и после окончательного заключения контракта правительство Индии тянуло с заключением соглашения о гарантиях с МАГАТЭ. Первая партия тяжелой воды была отправлена в Индию после заключения контрольного соглашения – в октябре-ноябре 1976 г., о чем МАГАТЭ было проинформировано¹⁷.

В конце 1982-го или в начале 1983 г. индийские специалисты убедили Индиру Ганди, вновь пришедшую к власти, дать согласие на проведение испытания ядерного устройства новой конструкции, однако буквально сразу же по не установленной причине она отменила свое решение¹⁸. В конце 1984-го – начале 1985 г., по данным американской и западногерманской разведок, в Индии приступили к работам над водородным оружием¹⁹.

После убийства Индиры Ганди в 1984 г. сменивший ее на посту премьер-министра сын Раджив Ганди также скептически относился к ускорению развертывания атомной программы, несмотря даже на тот факт, что соседний Пакистан, как стало широко известно, интенсивно создавал ядерный потенциал. Находясь с визитом в США, индийский премьер заявил в интервью 4 июня 1985 г.: «Мы не имеем ядерного оружия. Мы взорвали экспериментальное устройство в 1974 г., но больше не вели никаких работ в этой области. Мы больше не взрывали устройства. У нас нет запасов. Мы не имеем ядерного оружия»²⁰.

Однако на деле именно в конце 1980-х гг. и в Индии, и в Пакистане начались активные приготовления к созданию минимального ядерного сдерживающего средства. Прошли испытания баллистических ракет *Притхви* и *Агни*. К 1990 г. Индия, как считает Джордж Перкович, обладала по меньшей мере двумя десятками ядерных устройств, приготовленных к быстрой сборке и доставке на базы ВВС²¹. Пакистан тоже овладел способностью быстро собрать ядерное оружие. Каждая из сторон в этих условиях стала исходить из того, что противоположная сторона располагает сдерживающим средством. Тем не менее обе страны воздерживались от открытого развертывания ядерного оружия. В мае 1990 г. США получили информацию, что имеется опасность ядерного обмена между Индией и Пакистаном, и направили в Дели и Исламабад специальных эмиссаров, но тревога оказалась не слишком опасной, хотя и были сведения о том, что в Пакистане имели место ядерные приготовления²².

Тем временем индийское общественное мнение постепенно склонялось к необходимости ядерного выбора. Проведенный осенью 1994 г. опрос среди образованной элиты показал, что 57% опрошенных высказались за «свободу ядерного выбора», 33% за овладение ядерным оружием и только 8% за отказ от этого оружия. Рубежом в приближении Индии к полному ядерному статусу стало, по всей вероятности, решение Конференции участников ДНЯО 1995 г. о бессрочном продлении договора, которое было расценено в Индии как увековечение системы *ядерного апартеида*. Премьер-министр Нарасимха Рао распорядился провести ядерные испытания, но американская разведка обнаружила подготовительные работы, в декабре 1995 г. в прессу была сделана утечка информации об этом, и Нарасимха Рао не решился проводить испытания.

Но в мае 1996 г. в стране прошли новые парламентские выборы, в результате которых к власти пришло правительство Бхаратия Джаната Парти и премьер-министром стал ее руководитель Атал Бихари Ваджпай. Это было, пожалуй, первое в истории Индии правительство, которое взяло курс на скорейшее обладание ядерным оружием. И, судя по всему, одним из первых решений Атал Бихари Ваджпай было указание

Научные Записки ПИР-Центра №17

руководителям индийского атомного проекта Абдулу Каламу и Раджагопалану Чидамбараму приступить к ядерным испытаниям.

Очередной вехой в движении Индии к ядерному оружию явился отказ от поддержки проекта Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), подготовленного на Женевской конференции по разоружению (КР) в 1996 г. При этом индийским представителем на конференции в качестве «ключевого фактора при принятии [...] решения» первый раз публично были названы «соображения национальной безопасности» Индии. Принятие консенсуса в КР Индией было заблокировано, и сторонникам договора пришлось впервые в практике КР внести проект соглашения непосредственно на одобрение Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН. Решение индийского правительства было с большим подъемом воспринято внутри страны.

Многие индийские аналитики полагают, что заключение ДВЗЯИ (и тем более без согласия Индии) явилось последней каплей, ускорившей решение о проведении испытаний 1998 г. Этот договор считают в Индии не нераспространенческой, а разоруженческой мерой, только увековечивающей наличие в мире *ядерной пятерки* и вообще направленной прежде всего против Индии²³. Обращает на себя внимание и то, что решение об испытательной серии премьер Атал Бихари Ваджапай принял в марте – через два дня после испытания пакистанской ракеты *Гхори*²⁴.

Серия ядерных испытаний из пяти взрывов была проведена на полигоне Похран 11-го и 13 мая 1998 г. 11 мая были произведены три взрыва мощностью 12 и 43 кт, а также менее одной килотонны, а 13 мая – два взрыва мощностью менее одной килотонны «в целях получения, – как было объявлено, – дополнительных данных для компьютерного моделирования». В прессе было много спекуляций относительно термоядерного взрыва мощностью 43 кт (цифра была названа Раджагопаланом Чидамбарамом на пресс-конференции 17 мая). Утверждалось, в частности, что этот взрыв был не двухступенчатым (деление + синтез), а лишь одноступенчатым, но с тритиевым усилением. Однако большинство специалистов все же склоняется к тому, что это был взрыв водородного устройства²⁵. Раджагопалан

Чидамбарам объявил позднее, что Индия располагает «тремя отработанными конструкциями бомбы»²⁶.

По мнению специалиста по мировым запасам оружейных расщепляющихся материалов Дэвида Олбрайта – соавтора широко известного исследования «Plutonium and Highly Enriched Uranium 1996. World Inventories, Capabilities and Policies», – к 1998 г. индийские запасы оружейного плутония составляли от 250 до 300 кг. Экстраполируя эти расчеты, можно предположить, что в 2000 г. Индия имела около 450 кг плутония, что достаточно для изготовления порядка 90 взрывных устройств. Такую же цифру называет и Грегори Джоунс из *РЭНД Корпорэйшен*²⁷. Раджа Менон полагал, что к 2002 г. Индия должна иметь примерно 600 кг оружейного плутония²⁸. При неизбежной сложности определения размеров ядерного потенциала Индии большинство экспертов склоняются к тому, что Индия, возможно, располагает запасами оружейных ядерных материалов для создания даже нескольких сотен ядерных боезарядов. Что же касается уже изготовленных и полностью или частично собранных боеголовок, то чаще всего называют цифру порядка ста. Приведенные расчеты и факт подтверждения проведенными испытаниями технических возможностей создания ядерного арсенала свидетельствуют о том, что потенциально Индия может стать достаточно крупной ядерной державой.

Кроме того, Индия последовательно развивает производство высокообогащенного урана, который необходим и как компонент термоядерного оружия, и как ядерное топливо для будущих атомных подводных лодок. По данным *РЭНД Корпорэйшен*, ежегодно производится до 10 кг ВОУ²⁹.

В Индии, имеющей несколько АЭС, естественно, накапливается энергетический плутоний. По данным Дэвида Олбрайта и др. в облученном ядерном топливе (ОЯТ) имеется около 3700 кг такого плутония, не находящегося под гарантиями МАГАТЭ, из которого выделено 700 кг. Однако Индия не располагает технологией для обогащения этого плутония до оружейного качества³⁰.

Среди специалистов нет единого мнения о том, насколько продвинулась программа по развертыванию индийского ядерного оружия.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Но в любом случае отсутствие адекватных средств управления, контроля и связи, а также объединенного командования ядерными силами – причем подобная ситуация сохранится, по мнению бывшего командующего ВМС Индии адмирала Рамдаса и многих других специалистов и в Индии, и в США, и других странах еще в течение определенного времени³¹ – не позволяет рассматривать даже имеющиеся ядерные боезаряды в качестве средства «минимального сдерживания»³². К этому следует добавить, что Индия не располагает спутниковой системой раннего предупреждения. Не имеет Индия и кодо-блокировочных устройств (КБУ)³³. Эмбриональное состояние системы контроля и управления ядерными силами³⁴ не дает оснований на сегодняшний день и в ближайшем будущем считать Индию полноценной ядерной державой.

По некоторым данным, имеющееся ядерное оружие находится в физическом владении индийской атомной организации, что вызывает «глубокое раздражение вооруженных сил»³⁵. Индийские дипломаты подчеркивают, что ядерное оружие находится под полным политическим контролем правительства.

В 2001 г. было образовано командование стратегическими ядерными силами, возглавляемое командующим ВВС Индии, которое объединит средства доставки ядерного оружия сухопутных войск, ВМС и ВВС³⁶. Индийское правительство утвердило пятилетнюю программу развития ракетной стратегической группировки, реализация которой начнется в 2002 г. Группировка будет состоять из трех ракетных полков баллистических ракет *Агни*³⁷.

В целом можно с определенным основанием говорить о том, что решение индийского руководства о проведении ядерных испытаний явилось решительной заявкой на утверждение Индии в качестве мощного фактора силы и влияния в системе современных международных отношений и формальное обретение международного статуса высокого ранга. При принятии этого решения Индия исходила из многих соображений – как внутреннего, так и внешнего характера. Принимались в расчет и стремление широких слоев населения страны к утверждению Индии в качестве великой державы мирового (а не только регионального) уровня, и

заинтересованность правящей партии в своем сохранении у власти, и проблемы взаимоотношений с Китаем и Пакистаном, и возможность возобновления гонки вооружений в случае коренной перемены в геостратегической ситуации в результате изменения баланса стабильности между нападением и обороной, который существовал до последнего времени в результате заключения договора по ПРО 1972 г.

Ракетная программа

Индира Ганди приняла решение приступить к программе создания баллистических ракет в 1983 г., которая включала бы разработку и производство не только ракет малой и средней дальности, способных нести ядерные боезаряды, но и космических ракет-носителей для вывода на орбиту искусственных спутников Земли мирного и военного назначения.

Испытания *Притхви* – мобильной одноступенчатой оперативно-тактической ракеты класса *земля–земля* дальностью от 150 до 350 км – начались в 1988 г. Разработаны также варианты ракеты для ВВС и ВМФ. Полезная нагрузка – до 1000 кг. Официально все варианты ракеты предназначены для обычных боеголовок, но после ядерных испытаний 1998 г. нельзя исключить, что она может быть оснащена ядерной боеголовкой. *Притхви* – единственная индийская ракета, находящаяся в состоянии оперативной готовности. Специалисты полагают, что ее инвентарный запас насчитывает 50–75 единиц³⁸. Испытание в 2000 г. морской разновидности ракеты *Дхануш* дальностью 350 км завершилось лишь частичным успехом.

Второе поколение ракет – *Агни-1* и *Агни-2* дальностью соответственно 1500 и 2000 км и той же полезной нагрузки (1000 кг) также прошли испытания. *Агни-1* представляет собой двухступенчатую ракету, первая ступень – твердотопливная, вторая – жидкостная. 17 января 2001 г. состоялся второй успешный пуск ракеты *Агни-2* – полностью твердотопливной и могущей быть запущенной с мобильной пусковой установки, а в январе 2002 г. – третий запуск, но по сокращенной схеме дальностью 700 км. Сроки подготовки этой ракеты к пуску существенно сократились. Теперь стартовый цикл занимает 15 минут, в то время как у *Агни-1* он продолжался несколько часов³⁹. В связи с этим работы над *Агни-1* были прекращены. Что касается ракеты

Научные Записки ПИР-Центра №17

Агни-2, то начато ее *ограниченное* производство, взятие на вооружение запланировано на 2001–2002 гг.⁴⁰ Серийное производство *Агни-2* начнется в 2002–2004 гг. Сообщалось о планах доработки ракеты с тем, чтобы дальность *Агни-3* достигла 3500 км. По мнению американского специалиста Эшли Теллиса, полная разработка этой ракеты потребует еще около пяти лет, а развертывание – порядка десяти лет⁴¹.

Разрабатывается совместная российско-индийская сверхзвуковая крылатая ракета *Брахмос* с радиусом действия 280 км. Ее успешное испытание прошло в Индии в июне 2001 г.⁴²

Кроме того, Индия располагает военными самолетами иностранного, в том числе российского, производства, которые могут рассматриваться в качестве потенциальных носителей ядерного оружия – *Jaguar*, *Mirage-2000*, *MiG-27* и *Su-30MK*. По мнению американских военных специалистов, по ряду показателей наиболее приспособленными из них в качестве носителей ядерного оружия являются *Mirage* и *Jaguar*⁴³. В октябре 2001 г. вице-премьер РФ Илья Клебанов заявил, что в ближайшие месяцы может быть подписан контракт с Индией на лизинг четырех дальних бомбардировщиков *Ty-22M3*⁴⁴.

Индия приступила к разработке и морской составляющей триады, рассматривая ее в качестве средства ответного удара. В 1988 г. индийский военно-морской флот получил на правах аренды во временное пользование советскую АПЛ проекта 670А, эксплуатировавшуюся в учебных целях до 1991 г. По сообщению *United Press International* от 28 января 2002 г., Индия намеревается на основе лизинга получить от России в 2004 г. две атомные подлодки типа *Акула*. По мнению *Jane's Defence Weekly*, ввод в строй первой атомной подводной лодки национального производства состоится в 2006–2007 гг.⁴⁵, а всего планируется построить пять–шесть атомных субмарин. Илья Клебанов объявил во время визита в Россию премьер-министра Ваджпай в ноябре 2001 г., что до конца года Москва и Дели планируют окончательно согласовать проект контракта по продаже Индии авианесущего крейсера *Адмирал Горшков*⁴⁶.

Таким образом, у Индии имеются ракетные и воздушные средства доставки, потенциально позволяющие поражать все объекты на территории Пакистана и наносить удары по значительной части территории КНР. Однако межконтинентальная баллистическая ракета *Сурья* может появиться только к 2010 г.⁴⁷ *Сурья* будет представлять собой трехступенчатую ракету с дальностью 9000–12000 км и может быть оснащена разделяющимися головными частями с двумя–тремя ядерными боеголовками мощностью 15–20 кт каждая⁴⁸.

Ядерная доктрина. С 1970-х гг. существовала и широко поддерживалась индийской политической элитой так называемая формула К. Субраманиана: Индия должна овладеть ядерным оружием, чтобы защитить себя от ядерного шантажа и чтобы заставить ядерные державы разоружиться⁴⁹.

После испытаний 1998 г. специально созданным органом – Консультативным советом по национальной безопасности для выработки индийской ядерной доктрины, состоящим из правительственных чиновников и независимых экспертов, был подготовлен проект ядерной доктрины, который был официально представлен прессе советником по национальной безопасности Браджемешем Мишрой 17 августа 1999 г., т.е. вскоре после Каргильского конфликта из-за Кашмира. Проект основывается на концепции минимального ядерного сдерживания и на развертывании триады сил сдерживания и системы управления и контроля, при этом имеется в виду нацеливание ядерного оружия на крупные населенные и промышленные центры потенциальных противников (т.е. Пакистана и Китая). В проекте утверждается, что Индия будет придерживаться политики неприменения ядерного оружия первой и его неприменения против неядерных стран ни при каких обстоятельствах. Примечательно, что в проекте ничего не говорится об источниках или характере угроз, которые могут оправдать использование ядерного оружия.

Проект до сих пор (апрель 2002 г.) правительством не утвержден, и совершенно очевидно, что изложенная в нем доктрина основана на предполагаемой структуре ядерных сил, а не на той, которая существует в настоящее время. В связи с многочисленными вопросами о статусе доктрины министр иностранных дел Джасвант Сингх разъяснил в

Научные Записки ПИР-Центра №17

ноябре 1999 г., что проект доктрины «не является документом о политике правительства Индии». Он объявил при этом, что Индия будет иметь надежное, но минимальное средство ядерного сдерживания; будет придерживаться моратория на испытания, но будет проводить субкритические эксперименты и компьютерное моделирование; также «будет принята система развертывания, обеспечивающая выживаемость (ядерных) объектов»⁵⁰. В ежегодном докладе министерства обороны за 2001–2002 гг. подтверждается, что достижение цели создания и поддержания «убедительного минимального ядерного сдерживающего средства» является «суверенной ответственностью» Индии⁵¹. Как разъясняют индийские представители, Индия на деле придерживается политики неприменения ядерного оружия первой и неприменения его против неядерных государств ни при каких обстоятельствах (т.е. данное положение проекта доктрины можно считать официальной политикой).

Незавершенность статуса ядерной доктрины, по всей видимости, следует объяснить как технической неготовностью Индии к масштабному развертыванию ядерного оружия, так и неуверенностью правительства в целесообразности проявления поспешности в этом отношении как по внутри-, так и по внешнеполитическим причинам (в частности, и из-за американских санкций, введенных после испытаний 1998 г., которые были отменены только в 2001 г., после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября)⁵². В то же время, как представляется, индийское правительство при необходимости может, по-видимому, в относительно короткие сроки развернуть свой ядерный арсенал.

Но в любом случае индийские стратеги безусловно исходят из того, что в настоящий момент Китай располагает превосходящими ракетно-ядерными силами, способными в первом ударе подавить вооруженные силы Индии, а также превосходством в обычных силах. Провозглашенная Китаем в 1964 г. политика неприменения ядерного оружия первой с военной (а не политико-пропагандистской) точки зрения могла иметь смысл, а потому, очевидно, принималась в расчет при недостаточной точности средств доставки. Когда же у КНР появились более

точные ракеты, имеющие контрсиловые свойства, то эта политика вряд ли стала всерьез приниматься во внимание. Но в то же время в Индии, по-видимому, не могут не учитывать и того, что Китай в своем военном строительстве должен иметь в виду не только наличие своего южного соседа, но и других возможных противников. Точно так же и в Китае не могут не понимать, что Индия имеет в непосредственной близости соседа, обладающего ядерным оружием, да к тому же постоянно раздираемого часто сменяющимися неустойчивыми режимами. В Дели, конечно же, четко отдают отчет в том, что непрекращающаяся военная помощь, оказываемая Китаем Пакистану, в том числе в ракетно-ядерной области, имеет целью поставить Индию на положение страны, вынужденной считаться с наличием двух потенциальных ядерных противников⁵³.

Отношение к соглашениям по ограничению ядерных вооружений

Хотя индийское правительство на международных форумах публично выступает за полное ядерное разоружение, Индия не является участником ни одного многостороннего соглашения по контролю над ядерными вооружениями (за исключением Договора 1963 г. о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой) – ни ДНЯО, ни ДВЗЯИ. Индия отказалась подписать в 1968 г. Договор о нераспространении, но не блокировала направление согласованного в Женевском комитете 18-ти государств по разоружению проекта договора на одобрение ГА ООН. При этом в качестве главной причины своего негативного отношения к договору Индия тогда ссылалась на *дискриминационный* характер договора и на отказ ядерных держав предоставить ей приемлемые для нее гарантии безопасности (прежде всего на случай нападения на нее Китая с применением ядерного оружия)⁵⁴.

В новых условиях, после проведения Индией ядерных испытаний, индийское правительство официально объявило, что считает себя государством, обладающим ядерным оружием, и что, «хотя Индия и не является участником ДНЯО, ее политика согласуется с ключевыми положениями ДНЯО, относящимися к государствам, располагающим ядерным оружием. Эти положения содержатся в статьях I, III и VI [...]. Индия является ответственным участником международного режима ядерного

Научные Записки ПИР-Центра №17

нераспространения и будет продолжать проявлять инициативу и сотрудничать с теми, кто придерживается аналогичных взглядов в целях достижения стабильного, подлинного и прочного нераспространения, ведущего к миру, свободному от ядерного оружия»⁵⁵. Обращает на себя внимание, что статья IX ДНЯО, устанавливающая, что для целей договора ядерными считаются государства, которые произвели и взорвали ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г., индийским министром упомянута не была, не утверждается индийской стороной более, что этот договор является *дискриминационным*⁵⁶.

Заявляя о своей согласии со статьей III и, следовательно, с пунктом 2 этой статьи, в котором устанавливается международно-правовая норма контроля за ядерным экспортом, Индия, не будучи участником ДНЯО, естественно, не может быть членом ГЯП. Но это не мешало бы ей иметь статус ассоциированного члена ГЯП, в пользу установления которого Россия выступила в 2001 г.

Возражая против ДВЗЯИ, Индия на этот раз – в 1996 г. – заблокировала на Женевской конференции консенсус при направлении проекта договора в ГА ООН. Основное ее объяснение – включение Индии в состав тех 44 стран, ратификация которыми договора необходима для его вступления в силу. Впрочем, теперь уже очевидно, что на деле главной причиной было решение о проведении серии испытаний. После этого Индия объявила мораторий на взрывы, который, как разъясняют индийские представители, будет действовать до вступления ДВЗЯИ в силу. Премьер-министр Ваджапайи довольно определенно говорил на сессии ГА ООН 1998 г. о намерении вскоре подписать договор, заявив, что Индия ведет обсуждение этого вопроса с ключевыми государствами и выражает готовность довести его до успешного завершения с тем, чтобы договор вступил в силу не позднее сентября 1999 г. Но он как в воду глядел: после отклонения ДВЗЯИ Сенатом США и в связи с крайней проблематичностью его вступления в силу индийскому правительству теперь вообще нет нужды спешить с подписанием договора. В Индии многие продолжают рассматривать ДВЗЯИ как договор *дискриминационный*. Так, известный военный эксперт отставной адмирал Менон считает, что присоединение к

договору означало бы «крупную потерю суверенитета, поскольку страна не располагала ядерным оружием, в то время как для России и США это просто вопрос об отказе от технического усовершенствования уже сложившегося ядерного потенциала»⁵⁷. Специалисты считают, что главным в решении правительства не подписывать ДВЗЯИ является то обстоятельство, что если одновременное подписание его с Пакистаном закрепит превосходство Индии в развитии ядерного потенциала, то в отношении Китая ее отставание будет только увеличиваться, особенно с учетом китайской программы модернизации своего ракетно-ядерного арсенала⁵⁸.

Касательно договора по ПРО индийские представители заявляли, что Индия выступает против его односторонней отмены. Их опасения заключаются в том, что в этом случае Китай будет вынужден пойти на увеличение своего ракетно-ядерного арсенала. Впрочем, некоторые другие индийские комментаторы высказывают мнение, что создание национальной ПРО прямо Индию не затронет⁵⁹.

Что касается проблемы запрещения производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ) и выработки соглашения на этот счет, то после проведения ядерных испытаний Индия стала занимать позицию, практически сходную с подходом ядерных держав, очевидно, считая, что накопила запасы таких материалов, достаточные с точки зрения ее стратегических интересов. Однако она отказывается объявить мораторий на прекращение производства и исходит из того, что в скором времени соглашения не будет.

В отношении международного режима контроля ракетных технологий (РКРТ) Индия, как следует из выступления индийского представителя на ГА ООН 16 октября 2001 г., придерживается позиции создания нового, недискриминационного режима: «Существует широкое признание того, что дискриминационные меры экспортного контроля в рамках узкого клуба не смогли решить ракетную проблему. Индия хотела бы, чтобы нормы нераспространения ракетных технологий были укреплены путем транспарентных многосторонних соглашений на основе равной безопасности»⁶⁰.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Из сказанного следует, что после проведения ядерных испытаний, очевидно, можно говорить о том, что Индия эволюционирует в направлении более позитивного подхода к международным режимам нераспространения оружия массового уничтожения. Следует вместе с тем иметь в виду, что Индия традиционно отрицательно относится и далее будет так же относиться к открытости и транспарентности своего ядерного потенциала.

Развитие ядерной и ракетной программ Пакистана

Ядерная программа

В отличие от Индии, где, как было показано выше, создание ядерного оружия шло зигзагообразным путем и заняло несколько десятилетий, в Пакистане руководство страны – как при гражданских, так и при военных администрациях – неуклонно, без колебаний развивало военную атомную программу. Благодаря этому процесс создания ядерного оружия после принятия соответствующего решения занял значительно меньше времени, несмотря на гораздо более слабый экономический и технический потенциал, – менее 20 лет. Следует вместе с тем отметить, что хотя обе страны в той или иной мере пользовались помощью промышленно развитых государств, Пакистан в существенно большей степени полагался на иностранное содействие.

Атомными исследованиями в Пакистане начали заниматься еще в 1960-х гг., но к реализации военной ядерной программы страна приступила в 1972 г. по решению премьер-министра Зульфикар-Али Бхутто – вскоре после поражения в войне с Индией 1971 г. Вначале предполагалось пойти по *плутониевому* пути, и с Францией в 1976 г. была достигнута договоренность о закупке завода по переработке ОЯТ, но под нажимом США в 1977 г. сделка была расторгнута. Тогда было решено построить обогатительную установку на основе газоцентрифужного разделения изотопов урана, и эту программу возглавил Абдул Кадыр Хан, работавший на подобной установке в Голландии, который вернулся в страну в 1975 г., и эффективно использовал свой опыт и связи с различными западноевропейскими, особенно германскими, фирмами. Параллельно функционировала Комиссия по атомной энергии во главе с Мунир Ханом, которая занималась развитием гражданских применений атомной энергии.

Работы по созданию обогатительных мощностей начались в 1974 г. Серьезную роль в налаживании производства исходного сырья (гексафторида урана) сыграли немецкие фирмы. В 1980 г. в Мултане вошел в строй завод по производству гексафторида урана годовой мощностью 218 т, спроектированный и построенный одной из немецких фирм в нарушение экспортных законов ФРГ. К 1984 г. была смонтирована первая линия промышленного обогатительного завода в Кахуте. Научно-техническая документация обогатительной установки методом центрифугирования была получена нелегальным путем в Нидерландах; в Швейцарии были закуплены вакуумные клапаны, испарители и конденсаторы для центрифуг; в Великобритании, Канаде и США – электрические инвертеры; во Франции – испарители, растворители и другие компоненты и т.д.⁶¹

В начале 1984 г. Абдул Кадыр Хан объявил, что на заводе в Кахуте получен обогащенный уран, впрочем позднее президент Пакистана Зия уль-Хак уточнил, что это еще не был уран оружейного качества. Такой уран, скорее всего, был получен не раньше середины 1986 г.⁶² По всей видимости, впервые пакистанцы собрали ядерное взрывное устройство в первой половине 1990 г., при этом, по данным американской разведки, его конструкция основывалась на китайской, испытанной еще в 1966 г.⁶³ В пользу такого вывода говорит и тот факт, что впервые администрация Буша не подтвердила отсутствие у Пакистана ядерного оружия в октябре 1990 г. (В соответствии с так называемой поправкой Пресслера 1985 г., военная помощь Пакистану могла оказываться правительством США только в том случае, если президент в начале каждого финансового года подтвердит, что Пакистан не располагает ядерным взрывным устройством.)

То, что Пакистан произвел ядерные испытания лишь в мае 1998 г., но буквально сразу же после индийских, свидетельствует только о том, что у него уже длительное время существовали ядерные взрывные устройства и был в полной готовности Чагайский испытательный полигон. По сообщениям официальных пакистанских лиц, 28 мая было проведено испытание одного боезаряда мощностью 30–35 кт и четыре малой мощности и два дня спустя, по официальному заявлению Пакистана, еще одного взрывного

Научные Записки ПИР-Центра №17

устройства мощностью 18 кт. Судя по ряду сообщений, одно из устройств было с тритиевым усилением. Пакистанское руководство после проведения испытаний поспешило объявить, что Пакистан стал ядерной державой.

Наряду с накоплением высокообогащенного урана Пакистан в последние годы стал развивать и производство оружейного плутония. В Кхушабе развернулось строительство исследовательско-промышленного реактора мощностью 40 МВт (по другим данным, 50–70 МВт), который был введен в эксплуатацию в 1998 г.⁶⁴ и может нарабатывать ежегодно 10–14 кг оружейного плутония⁶⁵. Выделение плутония производится на установке *New Labs*, находящейся в Равалпинди⁶⁶.

По оценкам Дэвида Олбрайта и его коллег из американского Института по проблемам науки и международной безопасности, к концу 1999 г. Пакистан располагал 585–800 кг оружейного урана и 1,7–13 кг плутония, что достаточно для изготовления 30–50 ядерных бомб или боеголовок. По этим же данным, сделанным на основе сообщений различных СМИ, ядерные и неядерные компоненты оружия хранятся отдельно⁶⁷. Можно с уверенностью сделать вывод о том, что по общим запасам ядерных взрывных устройств Пакистан уступает Индии по крайней мере в два–три раза. А как считает американский эксперт Родни Джоунс, число ядерных зарядов, которые Индия теоретически может применить против Пакистана, находится в соотношении с пакистанскими запасами «в лучшем случае как 4 к 1, а в худшем – как 8 к 1»⁶⁸.

Кроме того, ключевой для пакистанцев является проблема минимизации ядерных устройств и создание компактных боезарядов. На данный момент имеющиеся у Исламабада ядерные взрывные устройства произведены на основе высокообогащенного урана. По своим габаритам и весовым параметрам (более 1300 кг) они не могут быть установлены ни на *Хатфы*, ни на ракеты средней дальности. Фактическими средствами их доставки могут служить лишь самолеты *Ф-16*, *Mirage-111/5*, *Su-130* (испытания с муляжами бомб проводились в начале 1990-х гг.). В связи с этим, по некоторым данным, все больший упор сегодня пакистанцы делают именно на плутониевый проект.

Хотя в Пакистане создано ядерное командование – Национальный командный центр, а также отдел стратегического планирования⁶⁹, ядерных сил как таковых пока не существует. Система ядерного командования, контроля, связи, компьютеризации и разведывательного обеспечения находится в зачаточном состоянии. Пакистану понадобится один–два года для создания компактных боезарядов и еще больший срок для создания легких плутониевых боеголовок⁷⁰.

Ракетная программа

Для военного ракетостроения создан *режим наибольшего благоприятствования*, поставлена задача ее развития форсированными темпами. Несмотря на то, что при этом подчеркивается ее национальный характер, изначально она осуществлялась во многом на базе китайских и северокорейских технологий, прямых поставок из КНР в начале 1990-х гг. и заимствования НИОКР на Западе.

Основу пакистанского ракетного парка сегодня составляют оперативно-тактические ракеты *Хатф-1*, *Хатф-1А* (китайские технологии, твердотопливные, дальность 80–100 км, боезаряд 500 кг) и *Хатф-2* (прототип – китайская ракета *М-11*, твердотопливная, дальность 280–300 км, боезаряд 500 кг). Только эти типы ракет были запущены в серийное производство и поставленные на боевое дежурство. Западные эксперты к резерву первой очереди относят также импортированные ранее и якобы складированные собственно китайские *М-11* (боезаряд 800 кг).

Главную ставку в ракетной программе Исламабад в настоящее время делает на создание баллистических ракет средней дальности, которые, однако, пока не доведены до технологической готовности. Ракета *Шахин-1* (прототип – китайская *М-9*, твердотопливная, дальность 600–750 км, боезаряд 1000 кг), *Гхори-1* (прототип – северокорейская *Нодонг*, жидкотопливная, дальность 1500 км, боезаряд 500–750 кг), *Гхори-2* (прототип – северокорейская *Тэпходонг*, жидкотопливная, дальность 2000 км, боезаряд 700–1000 кг), прошли разовые испытания, но их серийное производство еще не начато.

Исследовательские лаборатории в Кахуте, разрабатывающие *Гхори*, и пакистанская

Научные Записки ПИР-Центра №17

Комиссия по атомной энергии, отвечающая за *Шахин*, испытывают серьезные трудности в связи с сужением возможностей технологической подпитки из внешних источников. Заявления руководителей лабораторий и Комиссии о полной готовности к испытаниям *Гхори-3* (жидкотопливная, дальность 2700 км, боезаряд 1000 кг) и *Шахин-2* (твердотопливная, дальность 2700 км, боезаряд 1000 кг) до сих пор остаются нереализованными.

В Исламабаде встревожены сложившейся ситуацией и предпринимают шаги с целью структурной перестройки и централизации ракетной отрасли, страдавшей от соперничества между лабораториями в Кахуте и Комиссией по ядерной энергии. В марте 2001 г. руководители этих организаций были сняты со своих должностей. В результате создано единое Управление ядерного регулирования, которое курирует все объекты и институты, связанные с ракетно-ядерными разработками.

Как представляется, даже при условии успешного осуществления ракетно-ядерной программы Пакистан не сможет рассматриваться как непосредственная угроза странам, расположенным за пределами южноазиатского региона. Дальность новейших образцов *Шахин* и *Гхори* не будет превышать 2500–3000 км⁷¹.

Как сообщали СМИ в июне 2001 г., правительство Пакистана поручило министерству обороны разработать стратегический план на ближайшие 15 лет, предусматривающий оснащение ядерным оружием всех трех видов вооруженных сил, о чем заявил командующий ВМФ адмирал Абдул Азиз Мирза. По его словам, речь идет о вооружении ядерными ракетами дальнего действия подводных лодок. В настоящее время Пакистан располагает подводными лодками французского производства, не имеющими пусковых установок для запуска ядерных ракет, и поэтому предполагается модернизация подлодок. Вместе с тем, в начале 2001 г. в пакистанских СМИ появились сообщения о намерении оснастить ракеты подводных лодок ядерными зарядами.

Интерес к сотрудничеству с Пакистаном проявляет Украина, имеющая кораблестроительные заводы. Абдул Азиз Мирза заявил, что делегация военно-

технических экспертов планирует поездку на Украину для изучения на месте ряда проектов⁷².

Ядерная политика

К настоящему времени пакистанское руководство не сформулировало публично свою ядерную стратегию. Поэтому приходится прибегать к сторонним оценкам намерений пакистанских лидеров, как они станут выстраивать систему ядерного сдерживания и обеспечивать военную стабильность с учетом имеющейся структуры ядерного потенциала в условиях географической и ресурсной асимметрии между Пакистаном и Индией.

Учитывая эту асимметрию, ограниченность своего ядерного потенциала и его уязвимость, пакистанские власти скорее всего и далее будут придерживаться политики непрозрачности и предосторожности в этом отношении и вряд ли в обозримом будущем предадут огласке конкретные принципы своей ядерной стратегии и военной доктрины. По мнению некоторых экспертов, в частности Родни Джоунса, пакистанцам с целью поддержания максимально убедительного ядерного сдерживания было бы «логично организовать свой сравнительно небольшой ядерный потенциал как силу, предназначенную для нанесения первого удара, хотя применяемую лишь в крайнем случае в качестве последнего средства». При этом, считает Родни Джоунс, хотя такой первый удар не способен обезоружить Индию, в случае его внезапности и полномасштабности он привел бы к катастрофическим последствиям⁷³.

С этим мнением трудно не согласиться, тем более что Индия неоднократно предлагала Пакистану заключить двустороннее соглашение о неприменении ядерного оружия первыми, но Пакистан неизменно отказывался. Эти обращения Индии явно свидетельствуют о том, что индийское руководство сознает вероятность приверженности Пакистана доктрине первого удара. Очевидно и то, что стратегия первого удара не нуждается в публичном декларировании. Впрочем, в январе 2002 г. президент Мушарраф прямо заявил, что он «не ответит взаимностью» на предложение Индии о том, чтобы Пакистан взял на себя обязательство о неприменении ядерного оружия первым⁷⁴.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Отношение к соглашениям по ограничению ядерных вооружений

Как и Индия, Пакистан не присоединился ни к ДНЯО, ни к ДВЗЯИ. Так же как и его восточный сосед, Пакистан является участником Договора 1963 г. о частичном запрещении ядерных испытаний.

В прошлом Пакистан, отставая от Индии в развитии своей ядерной программы, всячески демонстрировал приверженность идее демилитаризации южноазиатского субконтинента, предлагая создать в Южной Азии зону, свободную от ядерного оружия, и высказываясь за одновременное присоединение Пакистана и Индии к ДНЯО, одновременное распространение всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ на всю ядерную деятельность обоих государств и т.п., что, разумеется, совершенно неприемлемо для Индии.

После майских взрывов 1998 г. Пакистан, как и Индия, воздерживается от дальнейших ядерных испытаний. Однако весной 2000 г. появились сообщения, что Пакистан и Индия были бы готовы провести еще по одному испытанию ядерных боезарядов. Для Дели якобы было бы важно осуществить испытание термоядерного боезаряда, чтобы не только получить необходимые новые данные, но и подтвердить успешность первого испытания, поскольку у некоторых зарубежных специалистов имелись сомнения в этом. Для Исламабада же нужно было бы провести испытание плутониевого устройства⁷⁵. Эти сообщения, однако, вызывают сомнения в серьезности подобных намерений, поскольку трудно предположить, что в нынешних условиях и Индия, и Пакистан рискнули бы бросить такой вызов мировому сообществу.

Пакистан придерживается подхода к РКРТ, который аналогичен индийскому.

В отношении предложения о заключении конвенции о ЗПРМ Пакистан неизменно высказывается в пользу необходимости распространения запретов такой возможной конвенции не только на будущее производство, но и на накопленные запасы расщепляющихся материалов. Как известно, против этого возражают и ядерные державы, и Индия. Так, представитель Пакистана на Конференции по разоружению Мунир Акрам заявил 30 июля 1998 г., что его страна будет «добиваться решения проблемы неравных

запасов» делящихся материалов, которая «может подорвать стабильность ядерного сдерживания»⁷⁶, а министр иностранных дел военного режима Абдул Саттар подтвердил 25 ноября 1999 г., что Пакистан примет участие в переговорах по конвенции о ЗПРМ, но «вопросы верификации и наличия запасов будут иметь для Пакистана первоочередное значение»⁷⁷.

Из сказанного следует, что подход Пакистана к вопросам ограничения вооружений в целом характеризуется постоянным стремлением к ослаблению асимметрии в военно-стратегическом отношении с Индией и, во всяком случае, к уменьшению такой асимметрии.

Ситуация в Южной Азии после проведения ядерных испытаний

После проведения Индией и Пакистаном ядерных испытаний в 1998 г. риск возникновения вооруженных конфликтов между обеими странами на территориальной, этнической и религиозной почве серьезно возрос, несмотря даже на то, что в феврале 1999 г. в Лахоре состоялась встреча премьер-министров обеих стран, Атала Бихари Ваджапаи и Наваза Шарифа, в ходе которой были подписаны двусторонние декларация и меморандум с набором мер укрепления доверия между двумя государствами.

Однако не успели просохнуть чернила, которыми были подписаны эти документы, как в мае 1999 г. произошла острая вспышка медленно тлевшего в течение длительного времени конфликта из-за Джамму и Кашмира. Но на этот раз обе стороны в процессе крупномасштабных военных операций *имели за спиной* ядерные арсеналы. Как подсчитали индийские эксперты Прафул Бидвай и Ачин Ванаик, в ходе продолжавшихся пять недель военных действий, число жертв которых составило около полутора тысяч человек (по индийским данным – 1300, а по пакистанским – 1750), стороны 13 раз (!) обменялись прямыми или косвенными ядерными угрозами⁷⁸.

Аналогичную оценку высказал и пакистанский специалист, профессор физики университета Каид-э-Азм Первез Худбхой: «Ядерные ястребы (в Пакистане и Индии) обычно объявляли, что ядерное оружие в такой степени обеспечит безопасность обеих сторон, что войн больше не будет. Но год назад

Научные Записки ПИР-Центра №17

Каргильский конфликт доказал, что это утверждение является абсолютно ошибочным. В действительности, может быть даже впервые в истории, можно утверждать, что ядерное оружие привело к возникновению войны (даже если оно и сыграло какую-то роль в ограничении ее масштабов). Хотя Пакистан и стремится к освобождению Кашмира, Исламабад не хотел вести войну с Индией из-за относительного дисбаланса в области обычных вооружений. Но ядерный щит придал Пакистану смелости, он начал скрытые операции, тайком развернул военные действия и нанес Индии большие потери в людской силе. В конце концов Пакистан потерпел дипломатическое поражение, хотя, может быть, и одержал военную победу.

Вопреки классической теории сдерживания Каргильский конфликт показывает, что ядерное оружие может привести на деле к осложнению обстановки и к возникновению войны»⁷⁹.

Таким образом, ядерное оружие не только не способствовало сдерживанию многолетнего конфликта, а, наоборот, только еще более обострило его, и не случайно президент США Билл Клинтон в ходе визита в Южную Азию в 2000 г. заявил, что индийский субконтинент является «самым опасным местом в мире»⁸⁰. Ачин Винаик писал в октябре 2000 г., что «отношения между двумя соседними странами сейчас находятся, возможно, на самой низком уровне со времени получения ими независимости»⁸¹. Другой индийский эксперт, директор Института исследований проблем мира и конфликтов П.Р. Чари также считает, что индо-пакистанские отношения «резко ухудшились после ядерных испытаний, и каждая страна стала периодически раздражаться ядерными угрозами»⁸². Кто мог бы взять на себя смелость утверждать, что во время следующего конфликта по поводу Кашмира у одной из сторон не дрогнут нервы и она не совершит непоправимый шаг?

В результате довольно плачевного для Пакистана итога Каргильского конфликта в стране в октябре 1999 г. произошел очередной правительственный переворот, и к власти вновь пришел военный режим, который возглавил генерал Мушарраф.

На основании опыта развития Каргильского конфликта индийские военные эксперты делают вывод, что наиболее возможный

сценарий нанесения ядерных ударов между Пакистаном и Индией и Китаем и Индией – эскалация конфликта с применением обычных вооружений в конфликт ядерный, независимо от его происхождения⁸³.

Реакция на индийские и пакистанские испытания ядерных и других государств

Международное сообщество оперативно и остро отреагировало на ядерные испытания в Южной Азии 1998 г. Сразу же после проведения индийских испытаний *большая восьмерка*, собравшаяся в Бирмингеме (Великобритания), в заявлении от 15 мая 1998 г. «осудила»⁸⁴ их и призвала Индию «безоговорочно стать участником ДНЯО и ДВЗЯИ». Вскоре после пакистанских взрывов последовали резолюция 1172 Совета Безопасности от 6 июня 1998 г. и заявление министров иностранных дел *восьмерки* и представителя Европейской комиссии, принятое в Лондоне 12 июня, в которых содержались аналогичные положения. В резолюции Совета подчеркивалось также, что Индия и Пакистан не могут иметь статуса государств, обладающих ядерным оружием.

Наиболее жесткие действия в отношении Индии и Пакистана были предприняты Соединенными Штатами, которые в соответствии с законом 1994 г. (1994 Nuclear Proliferation Prevention Act, известный также как поправка Гленна) и рядом других законодательных актов наложили запрет на экспорт чувствительных технологий, прекратили военную и иностранную помощь, а также предоставление кредитов и запретили американским коммерческим банкам предоставлять займы правительствам Индии и Пакистана. По оценке Вашингтона, общая сумма потерь от санкций должна была составить для Индии 20 млрд долл. и для Пакистана – 4 млрд⁸⁵.

Администрация Клинтона в течение ряда лет вела переговоры с Индией (состоялось не менее 10 раундов консультаций) в целях сдерживания дальнейшего развития индийского ядерного потенциала, при этом администрация США постепенно смягчала режим санкций на том основании, что Индия, за исключением начального периода, самостоятельно развивала свою ядерную программу. В то же время в отношении Пакистана, который получал существенную помощь извне, в том числе от Китая, действовал более жесткий режим санкций⁸⁶.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Американцы добивались принятия Индией следующих обязательств и условий:

- США признают Индию ядерной державой;
- Индия присоединяется к ДВЗЯИ;
- Индийская ядерная программа не будет угрожать США;
- Индия четко фиксирует лимит своего ядерного арсенала с тем, чтобы он не был безграничным;
- Индия будет свободна, как и США, проводить субкритические испытания для улучшения своего арсенала⁸⁷.

Договоренность на подобной основе, как и следовало ожидать, не могла быть достигнута, поскольку это входило бы в противоречие с принципиальной линией Индии на обретение статуса полноценной ядерной державы.

Новая американская администрация после трагических событий 11 сентября 2001 г. отменила все санкции против Индии и Пакистана. Президент Буш, действуя на основании принятых Конгрессом в 1998 и 1999 гг. поправок Браунбека (Brownback Amendments I and II), уполномочивающих исполнительную власть отменять санкции, если это отвечает национальным интересам страны, 22 сентября 2001 г. подписал соответствующее распоряжение, немедленно вступающее в силу⁸⁸. Объявляя о нем, госсекретарь Колин Пауэл заявил: «Мы поддерживаем наших друзей, которые поддерживают нас»⁸⁹.

США определенно взяли курс на улучшение отношений с Индией и Пакистаном. После известного заявления Джорджа Буша о планах создания ПРО от 1 мая 2001 г. Индия была включена в число стран, куда были направлены высокопоставленные американские эмиссары для разъяснения планов США и их отношения к Договору по ПРО. Министр иностранных дел Джасвант Сингх поддержал идею создания «новой стратегической структуры (framework)», предусматривающей развертывание противоракетной обороны. В то же время он сказал, что эта инициатива предусматривает кардинальные сокращения ядерных арсеналов. Об этой позиции Дели поставил в известность своего стратегического партнера – Россию, она также была доведена до сведения Китая⁹⁰. В то же время авторитетный индийский аналитик Джасджит Сингх, возглавляющий официальный Институт оборонных исследований и анализа, высказал мнение, что

контрмеры, которые может принять Китай в ответ на действия США, отразятся и на стратегических целях Индии по «вероятному минимальному сдерживанию» угроз и на ее доктрине неприменения первой ядерного оружия. «Индия будет вынуждена увеличить количество ракет или оставить возможность нанесения первого удара», – сказал Джасджит Сингх⁹¹.

Россия, поддержав резолюцию 1172 Совета Безопасности ООН и заявления ведущих держав в связи с ядерными испытаниями Индии и Пакистана, в целом занимает более умеренную, чем другие ядерные державы, позицию в отношении Индии. Россия довольно взвешенно реагировала на ядерные испытания и какой-либо инициативы в оказании воздействия на Индию не проявляла и не проявляет.

Президент Владимир Путин 1 октября 2000 г., накануне визита в Индию, дал интервью индийским СМИ и российскому телевидению, в котором на вопрос о позиции России в отношении ядерного статуса Индии сказал: «Мы давно и плодотворно сотрудничаем с Индией в области атомной энергетики, в сфере мирного освоения атома. Мы считаем, что будет правильно, если Индия урегулирует все свои вопросы с международными организациями, контролирующими работы в этой сфере, прежде всего с МАГАТЭ. У нас есть определенные договоренности с индийским руководством по этому вопросу. Все планы России в этой области находятся в строгом соответствии с теми обязательствами, которые Россия взяла на себя по соответствующим международным соглашениям».

«Мы не считаем, что на международной арене появились новые ядерные государства, и не думаем, что если бы мы признали этот факт, то последствия от такого признания были бы положительными для тех стран, которые на это претендуют. Мы призываем все страны, которые проявляют известную активность в этой сфере, не спешить. Мы призываем их подумать вместе с международным сообществом над теми последствиями, которые их могут ожидать с точки зрения их национальных интересов внутри страны, в отношениях с соседями и с точки зрения отношения к этому со стороны мирового сообщества».

Научные Записки ПИР-Центра №17

Мне кажется, что на сегодняшний день обстановка и в регионе, и в мире такова, что нет необходимости принимать скоропалительных решений, а, напротив, есть полные основания для того, чтобы спокойно обсудить все за и против, конечно, имея в виду создание такой архитектуры международных отношений, которая гарантировала бы всем государствам мира, и в данном случае региона, территориальную целостность, суверенитет, гарантировала бы их национальные интересы. Такие варианты при эффективном международном содействии, конечно же, есть».

Выступая в Бомбее в Индийском ядерном центре, Владимир Путин заявил: «Мы хотели бы видеть Индию в числе государств-участников Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия, а также и Договора о нераспространении ядерного оружия». Он, вместе с тем, подчеркнул: «Мы осознаем, что этот вопрос требует политического решения с учетом интересов страны, а также понимания обществом преимуществ таких шагов» (выделено мной. – Р.Т.).

В ходе визита Атала Бихари Ваджпай в Россию в ноябре 2001 г. и по завершении его переговоров с Владимиром Путиным стороны заявили в совместном заявлении по стратегическим вопросам, что Россия и Индия поддерживают сохранение существующих соглашений в области контроля над вооружениями и разоружения, включая договор по ПРО от 1972 г. Они поддерживают продвижение к всеобщему и полному разоружению, в частности «посредством систематических и последовательных усилий по сокращению ядерных вооружений во всем мире для достижения конечной цели – ликвидации таких вооружений».

«С тем чтобы не допустить милитаризации космического пространства и в то же время обеспечить его использование для осуществления самых разных видов деятельности, направленной на укрепление сотрудничества, мира и развития, Россия и Индия призвали международное сообщество приложить усилия к тому, чтобы заключить в этих целях соответствующие юридически обязывающие договоры, в том числе достичь всеобъемлющей договоренности о размещении оружия в космосе, неприменении силы или угрозы ее

применения в отношении космических объектов».

Приветствуя готовность РФ и США «и далее сокращать свои стратегические наступательные вооружения», Индия призвала другие государства, обладающие ядерным оружием, «на определенном этапе также присоединиться к процессу сокращения ядерных вооружений» (выделено мной. – Р.Т.)⁹².

В совместном заявлении по итогам визита премьера Атала Бихари Ваджпай в Россию было также сказано: «Россия и Индия полны решимости и далее укреплять свои системы национального контроля за экспортом материалов и технологий двойного назначения в соответствии с поставленными целями нераспространения во всех его аспектах без ущерба для мирного использования» (выделено мной. – Р.Т.).

И далее: «Россия и Индия достигли согласия о целесообразности расширения состава Совета Безопасности ООН с тем, чтобы сделать его более представительным и повысить его эффективность». Россия «заявила о своей поддержке Индии как влиятельного члена международного сообщества, сильного и достойного кандидата в постоянные члены расширенного Совета Безопасности ООН».

«Россия и Индия подтвердили решимость содействовать формированию справедливого многополюсного мироустройства, основанного на принципах верховенства права, равенства, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела, в интересах устранения угроз стратегической стабильности и международной безопасности»⁹³.

В развитие соглашения 1988 г. о строительстве двух энергоблоков типа ВВЭР-1000 для АЭС в Куданкуламе в ноябре 2001 г. была достигнута окончательная договоренность об условиях ее сооружения⁹⁴. (О российско-индийском сотрудничестве в атомной области см. подробнее в работе Виталия Федченко «Российско-индийские отношения в ядерной области и вопросы экспортного контроля», публикуемой в настоящем сборнике).

Характерно, что в документах и заявлениях в ходе и по итогам визита Атала Бихари Ваджпай в Россию ничего не сообщалось о том, обсуждались ли в его переговорах с

Научные Записки ПИР-Центра №17

президентом России вопросы, относящиеся к ДНЯО. В том, что касается Договора о запрещении ядерных испытаний, то в совместном заявлении говорилось, что «Россия приветствовала добровольный мораторий Индии на ядерные испытания и положительно оценила усилия индийского правительства по созданию широкого национального консенсуса по ДВЗЯИ»⁹⁵.

Недавний обмен визитами между российским и индийским руководителями, как отмечали многие наблюдатели, – важный шаг к восстановлению былого влияния СССР в Индии⁹⁶.

Из ядерных государств, как и можно было ожидать, особенно остро на индийские ядерные испытания реагировал Китай. На Конференции 2000 года по рассмотрению действия ДНЯО китайская делегация представила на обсуждение рабочий документ, предлагавший включить в Заключительный документ конференции текст, в котором выражалась бы «глубокая озабоченность ядерными взрывами, проведенными сначала Индией, а затем Пакистаном»⁹⁷. В окончательном тексте принятого конференцией документа было лишь «выражено сожаление» по поводу этих взрывов⁹⁸.

Резко отреагировали на ядерные испытания также Канада и Япония, которые ввели экономические санкции.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. и их влияние на ситуацию в Южной Азии

Трагические события в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г., явившиеся результатом акций международного терроризма, самым непосредственным образом коснулись Южной Азии. Соединенные Штаты, предпринявшие при широкой международной поддержке контртеррористические операции в Афганистане, поспешили вовлечь Пакистан в свои действия по искоренению очагов международного терроризма в Афганистане. Но это вызвало в Пакистане взрыв симпатий широких кругов общественности к движению талибов⁹⁹, что в свою очередь спровоцировало очередную дестабилизацию обстановки в стране.

В этой связи стали возникать опасения в отношении безопасности и сохранности

пакистанского ядерного арсенала. По сообщению газеты *Boston Globe*, администрация Буша рассматривает возможность оказания помощи Пакистану в обеспечении физической сохранности ядерных взрывных устройств, включая предоставление кодо-блокирующих устройств. По словам газеты, в прошлом году генерал Мушарраф уже обращался к администрации Клинтона за такой помощью, но получил отказ по той причине, что это повело бы к легитимизации пакистанского ядерного статуса¹⁰⁰. Как сообщила лондонская *Times*, в Вашингтоне стали распространяться кошмарные сценарии того, что может произойти в случае потери Пакистаном контроля над ядерным оружием. При этом было обращено внимание на то, что генерал Мушарраф отправил в отставку обоих конкурирующих руководителей пакистанских ядерных организаций¹⁰¹ – Абдула Кадыра Хана и Асфада Ахмада Хана с тем, чтобы установить более жесткий контроль над ядерными программами Пакистана¹⁰².

23 сентября 2001 г. в Вашингтоне, на семинаре, который был проведен Фондом Карнеги за международный мир, пакистанский эксперт Ширин Тахир-Хели подчеркнул, что в данной неустойчивой обстановке важно сохранить механизм военного режима, который один только способен поддерживать стабильность в стране. Действительно, по мнению многих южноазиатских экспертов, военные представляют собой наименее коррумпированный и наиболее профессиональный элемент пакистанского общества. Американский исследователь Джордж Перкович, со своей стороны, отметив важность раздельного хранения ядерных и неядерных компонентов ядерных взрывных устройств, заявил, что на Западе ошибочно считают, что пакистанская бомба является *исламской*, на самом же деле она всегда была, как подчеркивают и сами пакистанцы, национальной пакистанской бомбой¹⁰³.

Оказание Пакистану содействия в обеспечении физической сохранности и безопасности его ядерного арсенала – сложная и юридически небезупречная проблема. Некоторые эксперты считают, что помощь в улучшении хранилищ ядерных взрывных устройств, возможно, допустима, но содействие в обеспечении безопасности самих боезарядов, например предоставление кодо-блокирующих устройств, может помочь пакистанцам в усовершенствовании и

Научные Записки ПИР-Центра №17

развертывании ядерного оружия, что несовместимо с обязательствами по ДНЯО. Высказывалась даже идея вывоза всего ядерного арсенала Пакистана в какое-либо безопасное место за пределами страны¹⁰⁴, на что генерал Мушарраф, конечно, вряд ли пойдет. По словам генерала Мушаррафа, ядерные взрывные устройства страны были передислоцированы и режим их охраны был значительно ужесточен.

По сообщению агентства *Associated Press* от 3 ноября 2001 г., госсекретарь Колин Пауэл в ходе октябрьского визита в Исламабад предложил помощь по подготовке в США пакистанских специалистов в области охраны гражданских атомных объектов и оружейных расщепляющих материалов, на что Пакистан дал согласие¹⁰⁵.

Установление в Пакистане исламо-радикалистского режима, разумеется, имело бы самые тяжелые последствия для региона и мира в целом, ведь в его распоряжение попал бы ядерный потенциал. По всей видимости, не является реальной возможностью изготовления Усамой бен Ладеном ядерного оружия, но очевидную опасность представляет возможность использования его организацией ядерных материалов в качестве радиологического оружия. Пока генерал Мушарраф держит бразды правления в своих руках, но развитие дальнейших событий во многом зависит от ситуации в Афганистане: длительность боевых действий будет отрицательно влиять на обстановку в Пакистане. Поэтому крайне важно, чтобы военная фаза антитеррористической кампании была максимально короткой и чтобы ее участники как можно скорее приступили к политическому урегулированию, восстановлению и развитию экономики Афганистана. 27 октября 2001 г. министр иностранных дел России Игорь Иванов заявил: «В интересах России и всех государств, чтобы ситуация в Пакистане не вышла из-под контроля. Мы реально представляем, какая в этом случае могла бы быть угроза, и не только для региона, а для всего мира в целом, учитывая, что Пакистан имеет ядерное оружие, там немало экстремистских религиозных организаций, заинтересованных в дестабилизации ситуации. Поэтому мы вместе с другими странами предпринимаем все необходимые усилия для того, чтобы не допустить дестабилизации ситуации. Конечно, ситуация в Пакистане оценивается сейчас как

сложная. Она напрямую связана с развитием обстановки в Афганистане. Мы уверены, чем быстрее там завершится военная фаза операции и начнется политическое урегулирование, тем легче будет контролировать ситуацию и в самом Пакистане»¹⁰⁶.

Эволюция стратегической ситуации на региональном и международном уровнях после проведения ядерных испытаний Индией и Пакистаном

Касаясь прежде всего региональной безопасности, следует отметить, что в результате ядерных испытаний в Южной Азии соотношение сил между Индией и Пакистаном не претерпело заметных изменений, существовавший и ранее дисбаланс в пользу Индии продолжает сохраняться, однако он приобрел качественно новое содержание, поскольку взрывоопасность противостояния существенно возросла. Попытка договориться о некоем *модусе вивенди*, предпринятая сторонами в Лахоре в феврале 1999 г., не только не смягчила напряженность, но и вскоре привела к новому вооруженному конфликту. Последний индо-пакистанский саммит в Агре в июле 2001 г. завершился полным провалом.

И все же мы склонны полагать, что появление ядерного оружия у Пакистана дает ему, во всяком случае теоретически, определенную компенсацию, создавая противовес значительному преимуществу Индии в отношении ее военного потенциала. Поэтому вряд ли прав независимый аналитик Хуман Пеймани, который, рассуждая о состоянии региональной безопасности после взрывов 1998 года, писал, что «в практическом смысле ни одна страна (ни Индия, ни Пакистан) не стала сильнее, чем была раньше. Достигнутая ими (ядерная) способность не меняет дела в том, что касается существующих угроз, и потому не гарантирует безопасности этих стран»¹⁰⁷. Безопасности-то она действительно не гарантирует, но кардинально новый элемент в расклад сил вносит.

После начала американской антитеррористической операции в Афганистане, осуществляемой при поддержке Пакистана и с его территории, индийское руководство, вполне естественно, проявляло значительную сдержанность в отношениях с Пакистаном¹⁰⁸, но это не снимает с повестки дня коренные расхождения сторон по многим

Научные Записки ПИР-Центра №17

разделяющим их проблемам, накопившимся на протяжении десятилетий. Поэтому никак нельзя исключать того, что как только американские военные операции против талибов пойдут на убыль, конфликтный характер ситуации вновь может приобрести остроту, и возможно, даже еще большую. И действительно, по мере того как эти операции стали затягиваться, и несмотря на то, что госсекретарь США Колин Пауэл специально посетил в октябре 2001 г. Дели и Исламабад, чтобы призвать лидеров обеих стран проявлять взаимную сдержанность, руководители Индии и Пакистана обрушили друг на друга потоки резких заявлений. Генерал Мушарраф пригрозил «преподать Индии урок», а Атал Бихари Ваджпай назвал Пакистан «ненадежным» соседом¹⁰⁹.

В конце октября – начале ноября 2001 г. произошла новая вспышка напряженности в отношениях между обоими государствами, а во второй половине декабря, после нападения на индийский парламент боевиков из военизированных экстремистских группировок, – еще одна, сопровождавшаяся вооруженными стычками, которая вызвала большое беспокойство в мире. Для улаживания конфликта в регион в начале января 2002 г. вынужден был направиться премьер-министр Великобритании Тони Блер, а также госсекретарь США Колин Пауэлл. Положение было весьма сложным, стороны не останавливались перед обменом угрозами применения «всех находящихся в их распоряжении средств». К тому же во второй половине января Индия провела испытания баллистической ракеты *Агни-2*, что еще более накалило обстановку. Директор ЦРУ Джордж Тенет заявил 6 февраля 2002 г. на заседании сенатского комитета по разведке: «И Индия, и Пакистан публично принижают опасность ядерного конфликта в нынешнем кризисе. Мы, однако, глубоко обеспокоены тем, что обычная война, начавшись, может перерасти в ядерную конфронтацию»¹¹⁰.

Показателем остроты отношений между двумя странами является брошенное генералом Мушаррафом в адрес Индии 12 февраля 2002 г. обвинение в подготовке к возобновлению ядерных испытаний, что было категорически опровергнуто официальным представителем МИД Индии.

Представляется вполне реальным, что стороны будут и дальше наращивать свой ракетно-

ядерный арсенал, создавать системы контроля и управления этим арсеналом и другие необходимые военно-технические атрибуты поддержания его, несмотря на то, что все это ложится тяжелым бременем на их экономику и социальные условия жизни. Укрепление уверенности в надежности ядерного оружия и средств доставки будет придавать сторонам, особенно наиболее непримиримо настроенным кругам в обоих государствах, еще большую склонность к решению существующих проблем силовым путем. Каргильский конфликт 1999 г. показал, что фактор ядерного сдерживания в данном регионе не работает, и пока что нет никаких оснований полагать, что с тех пор что-то в этом отношении изменилось. И если учесть остроту территориального вопроса и этнических, религиозных и других противоречий между сторонами, то не может быть никакой уверенности в том, что со временем Пакистан и Индия будут воспринимать ядерный фактор как играющий отрезвляющую и умиротворяющую роль в нынешнем противостоянии. При этом наибольшую озабоченность вызывает сейчас и несомненно будет и дальше вызывать непрекращающаяся внутренняя нестабильность пакистанского режима, более непримиримая (чем в Индии) борьба за власть между различными группировками.

Происходящее в Южной Азии наглядно свидетельствует о том, что и Индия (в большей мере), и Пакистан (в меньшей мере) осуществляли, осуществляют и будут и далее осуществлять свои ядерные и ракетные программы практически независимо от того, как на это реагируют или какое давление на них оказывают внешние силы. Фактическая безрезультативность американских санкций в отношении обеих стран и попыток политического влияния в ходе интенсивных консультаций с ними, проводившихся администрацией Клинтона, – убедительное тому свидетельство. И хотя есть основания считать, что воздействие извне ими так или иначе учитывается, все же данный фактор не имел и, скорее всего, не будет иметь сколько-нибудь существенного влияния на ускорение или замедление указанных программ. Во всяком случае, для выстраивания реалистической, а не основанной на предположениях политики в отношении обоих государств такой прагматический подход является более трезвым и дальновидным.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Переходя теперь к более широкому геополитическим последствиям появления в Южной Азии новых *де-факто* ядерных государств, можно с большой долей уверенности говорить о неизбежных радикальных изменениях в международной обстановке не только в Азии, но и далеко за ее пределами, особенно если иметь в виду долговременные перспективы.

В Южной Азии, несомненно, находятся на уже довольно продвинутом уровне формирования новые силовые центры международного масштаба, прежде всего индийский, которые будут оказывать все возрастающее воздействие на общую расстановку сил в мире. Это, в свою очередь, со временем может привести к снижению удельного веса и влияния нынешних ядерных держав, включая и Соединенные Штаты, в данном регионе и в более широком контексте.

На данном этапе индийское правительство стремится поддерживать максимально равные отношения с крупными державами, прежде всего со своим давним партнером – Россией, а также с Китаем и Соединенными Штатами. В последнее время Индия стала уделять особое внимание отношениям с США. Можно заметить, что состояние взаимоотношений Индии с США занимает первостепенное место в выступлениях индийских официальных лиц. Так, заместитель министра иностранных дел Индии Р.С. Калха, выступая 11 мая 2001 г. в Национальном оборонном колледже, заявил, что «среди наиболее важных тенденций недавнего прошлого была заметно увеличившаяся вовлеченность Индии в отношения с Соединенными Штатами Америки. [...] Год 2000-й стал переломным в отношениях Индии с США»¹¹¹.

Не подлежит сомнению, что Индия находится в благоприятных условиях, чтобы играть все более влиятельную роль в XXI веке, в конечном счете уверенно выйти на роль одной из крупнейших мировых держав будущего, вровень с нынешними великими державами – постоянными членами Совета Безопасности ООН, и занять подобающее ей место в мировых структурах, в том числе в качестве постоянного члена Совета. Мы убеждены в том, что чем раньше это произойдет, тем более естественным, гладким и безболезненным будет вхождение Индии в систему международных отношений нового столетия. В этой связи следует отметить, что после

ядерных испытаний настойчивость требований индийских политиков о расширении Совета и о получении Индией места постоянного члена Совета Безопасности заметно возросла.

В новом столетии экономический и интеллектуальный потенциал нации станет определяющим источником силы и роли государства на международной арене, а реальная ценность ядерного оружия, которая была определяющей в XX веке, судя по всему, должна будет снижаться. Однако, чтобы реализовать свой потенциал, Индии следует отойти от того, что на протяжении десятилетий сдерживало ее переход к дипломатии прагматического толка, – от рассмотрения ядерного фактора с позиции страны с колониальным прошлым, но стремящейся к роли полноправной во всех отношениях мировой державы. Индии следовало бы отказаться от идеалистических мифов и постулатов и перейти к прагматизму в своей внешней политике. Но это требует проявления государственной мудрости и повышения уровня образованности широких слоев населения. При более прагматичном подходе Индия могла бы даже повести за собой международное сообщество к уменьшению угроз, которые исходят от ядерного оружия, и к постепенному построению мира, свободного от ядерного оружия. Не став еще в полной мере державой, обладающей ядерным оружием, со всеми необходимыми для этого атрибутами, Индия способна сейчас больше чем когда-либо быть силой, влияющей на перемены в международной системе в этом направлении.

В то же время в перспективе, как нам представляется, может возникнуть серьезное противостояние и соперничество между Индией и Китаем за верховенство в Азии, что могло бы повлечь за собой втягивание в такой конфликт и других крупных игроков, например Японии. В интересах России и других ядерных держав – не допустить такого развития событий.

В более сложной и более зависимой ситуации как на региональном, так и на международном уровне находится Пакистан, который при всех трудностях и постоянной внутренней неустойчивости неизбежно будет тянуться за своим более могущественным соседом в деле укрепления собственных ядерных активов и средств доставки, – в немалой степени полагаясь на сотрудничество с Китаем.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Дальнейшее развитие его ракетно-ядерного потенциала будет в первую очередь определяться интересами региональной безопасности, т.е. практически полностью зависеть от отношений с Индией и от состояния проблемы Кашмира.

Заключение и некоторые соображения о возможных путях ослабления ядерной угрозы, исходящей из Южной Азии

Анализ сложившейся в Южной Азии ситуации после возникновения там двух новых ядерных государств позволяет сделать некоторые (далеко не исчерпывающие) выводы.

Во-первых, нанесен существенный удар по международному режиму ядерного нераспространения. Хотя и до испытаний 1998 г. было очевидно, что и Индия, и Пакистан (как и Израиль) овладели секретом производства ядерного оружия и потому отказались от участия в ДНЯО, демонстративное проведение испытаний в мае 1998 г. было расценено практически всем мировым сообществом как вызов существующему режиму нераспространения, что нашло свое выражение и в резолюции Совета Безопасности ООН. Среди специалистов нет единого мнения относительно неизбежности *цепной реакции*, т.е. подключения к дальнейшему разрушению режима и других государств. И все же большинство из них склоняется к выводу, что режим выживет. Это было достаточно убедительно продемонстрировано и на Конференции по ДНЯО 2000 года, когда после длительного перерыва был единодушно принят Заключительный документ конференции, который твердо нацеливает на поддержание режима нераспространения. Режим безусловно сохранится, но, по-видимому, в новом измерении, в новом составе. Очевидно, в перспективе встанет вопрос о какой-то форме признания ядерного статуса южноазиатских государств и вовлечения их в режим уже в таком качестве. Но мировое сообщество пока что не готово к такому повороту событий.

Во-вторых, совершенно очевидно, что острота индийско-пакистанских отношений после обретения обоими государствами ядерного статуса существенно возросла, что усугубило угрозу возникновения вооруженных столкновений, превращения их в постоянный взрывоопасный конфликт, который потенциально может перерасти в

широкомасштабную войну с непредсказуемыми последствиями.

В-третьих, представляется очевидным, что Индия будет постепенно (это может занять одно и даже два десятилетия) создавать всю необходимую инфраструктуру для превращения в современную полноценную ядерную державу, располагающую системой управления, контроля, связи и предупреждения о внезапном нападении, а также триадой сил сдерживания, которая будет способна поражать все основные жизненно важные центры не только Пакистана, но и – главное – Китая. В свою очередь, Пакистан также будет стремиться овладеть необходимыми атрибутами ядерной державы, но его возможности в этом отношении являются гораздо более ограниченными. Впрочем, ему определенную помощь может оказать Китай.

В-четвертых, несмотря на предпринимаемые в настоящее время Индией (и в определенной мере Китаем) усилия по поддержанию равных отношений между обеими странами, опасность конфронтации по-прежнему остается весьма вероятной, что может подтолкнуть их к усилению соперничества в Азии и к гонке вооружений. Это обстоятельство будет создавать почву для укрепления позиций тех сил в Индии, которые выступают в пользу скорейшего оснащения вооруженных сил ядерным оружием и их приведения в состояние оперативной готовности. Такая ситуация, в свою очередь, может стимулировать Китай в направлении ускорения модернизации своего ракетно-ядерного арсенала. Планы США по развертыванию национальной ПРО также будут вынуждать Китай действовать в этом направлении.

В-пятых, при подобном развитии событий прослеживается тенденция к усилению роли ядерного фактора в Азии в целом. Там уже сейчас имеются три ядерных государства (Китай, Индия и Пакистан), существует технологически высокоразвитое государство, которое может, в случае принятия соответствующего решения, в короткие сроки наладить производство ядерного оружия (Япония), есть еще две страны, которые пытались создать ядерное оружие (Ирак и Северная Корея), плюс к этому в наличии ядерных амбиций подозревается Иран, а Южная Корея и Тайвань в прошлом лелеяли

Научные Записки ПИР-Центра №17

серьезные планы создания атомного потенциала. В этот список следует включить и Израиль, в отношении существования у которого ядерного оружия ни у кого не имеется сомнений.

Все это – вполне реальные тенденции, из которых, однако, отнюдь не следует спешить делать скоропалительные и окончательные пессимистические выводы. У мирового сообщества, если оно будет обращать больше внимания проблемам южноазиатского региона и проявит надлежащую волю для мобилизации коллективных усилий, есть возможность затормозить, а возможно, и повернуть вспять развитие столь неблагоприятных тенденций¹¹². Основную роль в этом могут и должны сыграть Соединенные Штаты и Россия, которые, хотелось бы надеяться, постараются привлечь к этому процессу крупнейшее азиатское государство – Китай.

В конкретном плане следовало бы прежде всего рассмотреть возможности *регионального* решения проблем, возникших в связи с появлением на южноазиатском субконтиненте ядерного оружия. Попытки в этом направлении предпринимались еще с начала 1980-х гг. Советский Союз и Соединенные Штаты совместно или параллельно не раз обращались к индийскому и пакистанскому руководству с предложением сесть за стол переговоров в целях урегулирования ядерной проблемы, предлагая свои добрые услуги. В связи с позицией Индии, считающей, что проблема носит не только и не столько региональный характер, предлагались различные варианты ее обсуждения на многосторонней основе с участием в том числе Китая – в составе пяти государств (Индия, Пакистан, СССР, США, КНР), одиннадцати стран (с привлечением дополнительно ряда неядерных государств) и др.¹¹³ Эти попытки, однако, не увенчались успехом. Исчерпаны ли возможности движения вперед на региональном уровне в деле уменьшения ядерной угрозы в Южной Азии или нет?

В 1988 г. Индия и Пакистан заключили соглашение о ненападении на ядерные объекты на территории обеих стран, вступившее в силу в январе 1991 г. В соответствии с этим соглашением, стороны обязались обмениваться описаниями и точными данными о расположении ядерных установок к 1 января каждого календарного

года, однако без детального раскрытия характера ядерной деятельности на таких объектах. Первый обмен данными имел место в январе 1992 г. Недавно состоялся очередной обмен данными. Однако каждая из сторон высказывала сомнения в полноте полученных сведений. Механизма их проверки не существует, поэтому реальная ценность соглашения не может не вызывать сомнений.

21 февраля 1999 г., т.е. вскоре после проведения ядерных испытаний, по инициативе самих южноазиатских государств состоялся саммит в Лахоре, в ходе которого была достигнута договоренность об осуществлении целого ряда мер по укреплению доверия между сторонами. В Лахорской декларации, подписанной премьер-министрами Аталом Бихари Ваджапайи и Навазом Шарифом, говорилось, что оба правительства «незамедлительно предпримут шаги для сокращения риска случайного или несанкционированного применения ядерного оружия и обсудят концепции и доктрины с целью выработки мер укрепления доверия в ядерной и обычной областях, направленных на предотвращение конфликта». В развитие Декларации в тот же день был подписан Меморандум о взаимопонимании, в котором дополнительно предусматривалось, что стороны:

- будут заблаговременно уведомлять друг друга о летных испытаниях баллистических ракет и заключат двустороннее соглашение на этот счет;
- примут национальные меры для уменьшения опасности случайного или несанкционированного применения ядерного оружия, находящегося под их контролем;
- будут незамедлительно уведомлять друг друга относительно любого случайного, несанкционированного или необъяснимого инцидента, могущего создать опасность радиоактивного выпадения с нежелательными последствиями для обеих сторон или вызвать ядерную войну между двумя странами;
- примут меры, направленные на уменьшение возможности того, что подобные действия или инциденты могут быть неправильно истолкованы другой стороной;
- определят или установят соответствующий механизм связи для этих целей;
- будут продолжать соблюдать односторонние моратории на проведение

Научные Записки ПИР-Центра №17

дальнейших испытательных ядерных взрывов, если каждая из сторон в порядке осуществления своего государственного суверенитета не решит, что исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы¹¹⁴.

Этот достаточно основательный перечень мер доверия, к сожалению, не содержал положений о транспарентности и взаимной проверке, но так или иначе он остался лишь на бумаге, поскольку, как выше указывалось, вскоре после встречи в Лахоре разразился Каргильский конфликт, а последовавшая в июле 2001 г. новая встреча руководителей обеих стран в Агре завершилась безрезультатно. Встреча Атал Бихари Ваджапаи и генерала Мушаррафа в Катманду в конце декабря 2001 года также не привела к улучшению отношений между двумя государствами.

Мы тем не менее не можем согласиться с мнением, которого придерживаются некоторые специалисты, что любые попытки решения хотя бы некоторых ядерных проблем на региональной основе неизбежно должны быть обречены на провал. Хотя продуктивности имевших место усилий сторон по уменьшению ядерной опасности близка к нулю, следует и дальше поддерживать и активно поощрять их возможные дальнейшие усилия в этом направлении. И нынешнее развитие событий в регионе – развернувшаяся широкомасштабная антитеррористическая операция в Афганистане, которая может поставить под угрозу безопасность ядерного арсенала в Южной Азии, создает весомый стимул для взаимного поиска новых путей преодоления обоюдных подозрений и объединения усилий по ослаблению ядерных угроз в регионе. Сейчас создались благоприятные условия для того, чтобы Россия и Соединенные Штаты действовали как никогда солидарно в этом направлении. И прежде всего им следовало бы предложить практическую помощь Пакистану в обеспечении физической сохранности ядерных материалов при том понимании, что ни Пакистан, ни Индия не будут разворачивать свои ядерные взрывные устройства. Именно в данный момент следовало бы настойчиво призвать обе страны возобновить диалог по мерам уменьшения риска ядерной угрозы, прерванный некоторое время назад.

Пакистанский представитель высказался на сессии ГА ООН 17 октября 2001 г. в пользу достижения договоренности с Индией о мерах укрепления доверия, включая: отказ от придания оперативной готовности ракетным системам, способным доставлять ядерное оружие; неразвертывание баллистических ракет, способных нести ядерные боеголовки, и ненацеливание их; формализацию ранее достигнутой договоренности о заблаговременном уведомлении о летных испытаниях ракет; соблюдение моратория на приобретение, развитие и развертывание систем ПРО; осуществление дальнейших мер доверия и транспарентности для уменьшения опасности случайного или непреднамеренного применения ядерного оружия; обсуждение ядерных доктрин в целях предупреждения широкомасштабной гонки ядерных вооружений; соглашение о неприменении силы, включая неприменение ядерного оружия¹¹⁵.

Со стороны Индии реакции на это предложение не поступило, а имевшие в конце 2001-го и начале 2002 гг. новые столкновения между двумя государствами, и особенно нападение на индийский парламент проникших в Дели из Пакистана экстремистов, сводят на нет, во всяком случае в данное время, возможность возобновления двустороннего диалога.

В связи с тем, что корнем противоречий между Индией и Пакистаном в течение многих десятилетий является конфликт относительно Джамму и Кашмира и этот конфликт после приобретения двумя странами ядерного статуса только усиливается, назрел вопрос о его скорейшем урегулировании и о возможном превращении Линии контроля в Кашмире в международную границу, которая была бы юридически закреплена решением Совета Безопасности или Международного суда ООН. Представляется, что посредническую функцию мог бы осуществить генеральный секретарь ООН с возможным привлечением авторитетных государственных деятелей, например таких, как Джимми Картер, Маргарет Тэтчер, Михаил Горбачев¹¹⁶.

Мировому сообществу следует отдавать отчет в том, что возможный политический и социально-экономический коллапс Пакистана может привести к огромному потоку беженцев, попаданию ядерного оружия в руки экстремистов и террористов, к созданию базы

Научные Записки ПИР-Центра №17

для еще более радикальных движений в стране. Этого все больше и больше начинают опасаться в Индии¹¹⁷.

Кроме дальнейших попыток налаживания контактов на двусторонней основе, возможно не менее, а даже более перспективным представляется решение ядерных проблем региона на многосторонней основе. В этой связи могут быть рассмотрены следующие шаги.

- Совместное подписание ДВЗЯИ с последующей ратификацией договора. Это закрепило бы мораторий, соблюдаемый сторонами с 1998 г. В начале 2001 г. были сообщения, будто режим генерала Мушаррафа рассматривает возможность подписания ДВЗЯИ. С индийской стороны тогда последовала негативная реакция. Хорошо информированный и близкий к правительственным кругам журналист Раджа Мохан, ссылаясь на официальные источники в Дели, писал в газете *Hindu*, что, независимо от решения Пакистана, Индия будет «продолжать придерживаться одностороннего моратория, но оставаться вне договора»¹¹⁸. Теперь же, когда США отменили санкции и против Индии, и против Пакистана, снимается одно из возражений против присоединения к договору. Конечно, этому содействовала бы ратификация ДВЗЯИ Китаем и Соединенными Штатами, как это сделали Россия, Великобритания и Франция. Но в случае, если США возобновят ядерные испытания, договор, подписанный и ратифицированный большим числом государств, практически перестанет существовать.
- Активизация усилий обеих стран в пользу скорейшего начала переговоров на КР относительно заключения конвенции о ЗПРМ. Пакистан уже накопил немало ядерных материалов оружейного качества и мог бы более не настаивать на неприменимом равенстве с Индией в этом отношении. Если бы обе страны выступили с соответствующей инициативой, это помогло бы вывести данную проблему из многолетнего тупика.
- Вовлечение обеих стран в той или иной форме в международный режим нераспространения ядерного оружия. Заявление министра иностранных дел

Индии от 9 мая 2000 г. об отношении к ДНЯО, о котором говорилось выше, создает для этого определенные предпосылки. И Индия, и Пакистан, разумеется, не возражали бы против получения статуса официально признаваемых ядерных держав, но понимают, что это нереально на данном этапе в силу ряда причин. *Во-первых*, против этого возражают официальные ядерные государства и многие другие страны, считая, что их согласие ускорило бы завершение получения южноазиатскими государствами полноправного статуса ядерных держав, вплоть до полного развертывания ядерных взрывных устройств, что чревато углублением ядерной опасности. *Во-вторых*, такое признание формализовало бы нарушение ДНЯО и могло бы послужить стимулом для обретения ядерного статуса другими государствами, прежде всего в Азии. *В-третьих*, это могло бы подтолкнуть к усилению гонки вооружений, особенно в Азии.

Поэтому сейчас речь может идти только о фактическом участии Индии и Пакистана в поддержании режима нераспространения и содействии его укреплению, в чем обе страны не могут не быть заинтересованы, — путем осуществления мер контроля за ядерным экспортом, участия в качестве ассоциированных членов в работе ГЯП, как это предлагает Россия, участия в качестве наблюдателей в Конференции 2005 года по рассмотрению действия ДНЯО и в сессиях ее Подготовительного комитета, которые начинаются в 2002 г.¹¹⁹ Это могло бы подготовить почву для рассмотрения в перспективе возможности создания особого ядерного статуса для Индии и Пакистана¹²⁰.

- Еще одним важным шагом было бы присоединение Пакистана к Конвенции о физической защите ядерного материала, как это сделала Индия в январе 2002 г., и последующее участие обеих стран в работе по совершенствованию конвенции. Было бы целесообразным, чтобы оба государства рассмотрели возможность постановки под гарантии МАГАТЭ дополнительных гражданских АЭС и иных атомных установок невоенного назначения.

Научные Записки ПИР-Центра №17

- Соединенным Штатам и России (при участии и других государств, в том числе Китая) следовало бы обсудить возможность создания для обеих стран программы совместного уменьшения ядерной угрозы (типа программы Нанна–Лугара для бывшего СССР). Было бы уместно и полезно, чтобы в такой возможной программе в какой-то форме участвовало Международное агентство по атомной энергии, накопившее богатый опыт в области обеспечения ядерной безопасности, в деятельности которого активно участвуют как Индия, так и Пакистан.

Вообще же говоря, по большому счету, если и можно как-то воздействовать на обе южноазиатские страны в плане ослабления роли ядерного фактора в их политике и практике, то, скорее всего, ядерные державы наиболее эффективно могли бы добиваться этого своим собственным примером, собственной политикой, своими действиями, по возможности коллективными, в направлении ограничения и сокращения ядерных вооружений. Чем больше Россия, США и Китай будут полагаться на ядерный фактор и свой стратегический потенциал – как наступательный, так и оборонительный, – тем больше это будет подталкивать и Индию, и Пакистан к ускорению развертывания ядерного оружия. И наоборот, возобновление разоруженческого процесса между Россией и Соединенными Штатами, начатое в ходе российско-американского саммита в ноябре 2001 г., и последующее вовлечение в него Китая и других ядерных держав может произвести благоприятный эффект в плане замедления, а может быть, даже и замораживания развертывания ядерных арсеналов на южноазиатском субконтиненте.

Весьма благотворно на позицию Индии по международным проблемам, включая ядерную, повлияло бы ее включение в состав Совета Безопасности в качестве постоянного члена. Ведь ядерные амбиции Индии во многом объясняются ее стремлением войти в *клуб великих держав*. Вопрос о расширении Совета давно назрел, и Россия могла бы сыграть более активную, не только декларативную, но и практическую роль в его решении.

Мы не можем согласиться с теми политиками и исследователями в странах, называемых

западными, которые почему-то считают, что предоставление Индии места постоянного члена явилось бы как бы *вознаграждением* или *премией* за создание ею ядерного оружия. Да, все нынешние постоянные члены Совета Безопасности являются ядерными державами, но это сложилось *исторически* и отнюдь не задумывалось изначально. Когда Устав ООН создавался отцами-основателями Организации, которые были лидерами антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, ни один из постоянных членов Совета не имел ядерного оружия, даже Соединенные Штаты. Кроме пяти постоянных членов *тогда* не было каких-либо других великих держав, и они по решению руководителей США, СССР и Великобритании были облечены особыми полномочиями в вопросах поддержания международного мира и безопасности. Однако времена с тех пор изменились. На карте мира появились государства, которые по праву тоже являются *сейчас* великими державами. Но не потому, что владеют ядерным оружием, а по самым разным признакам – размер территории, численность населения, экономическое развитие, весомость с точки зрения вклада в поддержание мира и соответствующие военные силы и т.д. и т.п. К таким государствам в первую очередь следует отнести Индию, Германию, Японию.

Очень важно и то, что расширение состава постоянных членов Совета Безопасности за счет указанных, а возможно, и других государств может существенно повысить роль и эффективность Совета Безопасности и ООН в целом. Укрепление авторитета Организации особенно необходимо на данном историческом этапе и на обозримое будущее, поскольку при недостаточной эффективности ООН единственная сейчас *сверхдержава* не в состоянии предотвращать и ликвидировать все возникающие в мире вызовы международной безопасности и не всегда проявляет готовность должным образом учитывать законные интересы других государств и мирового сообщества в целом.

России следует исходить из того, что Индия перманентно является для нее ключевым фактором поддержания стабильности в Азии, причем не только как естественный противовес другим державам – в первую очередь Китаю, но – главное – как ближайший партнер в построении возможной системы коллективной безопасности в Азии и в мире в

Научные Записки ПИР-Центра №17

целом. России – в меру ее нынешних возможностей – следовало бы более активно развивать взаимодействие с Индией в самых различных сферах деятельности, в том числе, разумеется, в области военно-технического сотрудничества и мирного использования атомной энергии. Но такое сотрудничество с Индией – а в перспективе и с Пакистаном, что тоже весьма важно, – Россия, как уважающий себя и подающий достойный пример другим странам член мирового сообщества, должна осуществлять при полном и неукоснительном соблюдении своих международных обязательств, в том числе по нераспространению ядерного и других видов оружия массового уничтожения.

¹ Perkovich George. *India's Nuclear Bomb. The Impact on Global Proliferation*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1999 (First Paperback Printing 2001 with an Afterward January 1999 – January 2001); Cohen Stephen. *India: Emerging Power*. Wash. D.C.: Brookings Institution Press, 2001; Tellis Ashley J. *India's Emerging Nuclear Posture: Between Recessed Deterrent and Ready Arsenal*. RAND, 2001.

² Из последних исследований можно было бы выделить следующие работы: Menon Raja. *A Nuclear Strategy for India*. New Dehli, Thousand Oaks, London, Sage Publications, 2000; Bidwai Praful, Vanaik Achin. *New Nukes. India, Pakistan and Global Disarmament*. Olive Branch Press, Interlink Books, 2000; Chari P.R. *India's Nuclear Doctrine: Confused Ambitions*. *Nonproliferation Review*. 2000. Vol.7, No.3, Fall-Winter; Kapur Ashok. *Pokhran and Beyond. India's Nuclear Behaviour*, Oxford University Press, 2001; Ramdas L. *Myths and Realities of Nuclear Command and Control in India and Pakistan*. *Disarmament Diplomacy*. 2001. No.54, February; Raghavan V.R. *Limited War and Nuclear Escalation in South Asia*. *Nonproliferation Review*. 2001. Vol.8, No.3, Fall-Winter.

³ Следовало бы выделить исследование Владимира Москаленко и Татьяны Шаумян, опубликованное СИПРИ: Moskalenko Vladimir, Shaumian Tatiana. *Russia's Security and the Geopolitical Situation in South Asia*. In: *Russia and Asia. The Emerging Security Agenda*. In: Chuftrin Gennady (Ed.). SIPRI. Oxford University Press, 1999. P. 229–246.

⁴ В соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия (статья IX.3) для целей этого договора государством, обладающим ядерным оружием, является государство, которое произвело и взорвало

ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г.

⁵ Эти оценки основаны на следующем. В США решение о начале атомных работ по Манхэттенскому проекту было принято в августе 1942 г., а первое испытание было проведено в июле 1945 г., хотя предварительные работы по урановому проекту стали разворачиваться годом раньше. В СССР решение о создании специального комитета для создания атомной бомбы было подписано в августе 1945 г., а первое испытание проведено в августе 1949 г., но лаборатория ЛИПАН под руководством Игоря Курчатова была образована в 1943 г.. В Израиле решение о производстве атомной бомбы, судя по многим источникам, было принято после Суэцкого кризиса 1956 г., а атомным взрывным устройством израильтяне овладели, также судя по ряду довольно авторитетных источников, в конце 1966 г.

⁶ По свидетельству индийского военного специалиста Раджи Менона, в 1948 г. Хоми Баба направил индийскому правительству меморандум, который «не оставляет сомнения, что Хоми Баба исходил из того, что национальная ядерная программа эвентуально приведет к достижению определенных военных целей», но этот меморандум до сих пор не предан гласности. (Menon Raja. *Op. cit.* P. 66, 117). Есть свидетельство о том, что Джавахарлал Неру лично принял решение о строительстве установки по выделению плутония в Тромбее (Cohen Stephen. *Op. cit.* P. 161, 162).

⁷ На основании многих данных следует считать, что это произошло после Тоцкого боевого учения в Оренбургской области с использованием атомного взрыва в сентябре 1954 г., на котором присутствовали крупные военачальники КНР и других социалистических государств. «Стратегическое решение» о создании атомной бомбы было принято, по свидетельству Лю Цзе, министра второго министерства машиностроения, ведавшего вопросами атомной энергии, секретариатом ЦК КПК 15 января 1955 г. (См.: Тимербаев Р.М. *Россия и ядерное нераспространение. 1945-1968*. М.: Наука, 1999. С. 127–129).

Характерно, что предлагая Китаю помощь в создании атомного оружия, Советский Союз одновременно выразил готовность заключить соглашение с Индией по мирному использованию атомной энергии (Menon Raja. *Op. cit.* P. 69), однако такое соглашение было

Научные Записки ПИР-Центра №17

заключено только в 1961 г. и реальной роли до середины семидесятых годов не играло.

⁸ Это убедительно показывает Джордж Перкович, автор монографии по истории создания индийской ядерной бомбы (Perkovich George. Op. cit, P. 12, 20).

⁹ Perkovich George. Op. cit. P. 91, 92, 498.

¹⁰ Kapur Ashok. Op. cit. P. 139.

¹¹ Ibid. P. 161, 177.

¹² Ibid. P. 183.

¹³ См.: Тимербаев Р.М. Группа ядерных поставщиков: история создания (1974-1978). М.: Библиотека ПИР-Центра, 2000. С. 21–23.

¹⁴ Perkovich George. Op. cit. P. 190.

¹⁵ См., например: Cohen Stephen. Op. cit. P. 13, 44–47, 77–80, 181–184; Ashok Kapur. Op. cit. P. xi, 135–140. Стивен Коэн прямо характеризует роль военных как «аномальную» (р. 77). Показательно, что министр обороны Дж. Рам даже не участвовал в принятии решения о проведении ядерного испытания 1974 г. и был информирован о нем только за несколько дней до взрыва (Ashok Kapur. Op. cit. P. 165).

¹⁶ Архив внешней политики РФ. Ф.47, оп. 22, п. 200, д. 54, лл. 143, 144.

¹⁷ В дальнейшем Индия наладила производство тяжелой воды и сейчас обладает крупными мощностями по ее производству (порядка 300 т в год). В 1994 г. она даже заключила соглашение о поставках тяжелой воды в Южную Корею (Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. Служба внешней разведки РФ. М., 1995. С. 47, 48). В настоящее время в Индии действуют восемь заводов по производству тяжелой воды общей годовой производительностью свыше 700 т. (Новиков Владимир. Проблемы создания Индией ядерного потенциала. *Ядерное Распространение*. 2000. Вып.34, январь–март. С. 8, 32).

¹⁸ Perkovich George. Op. cit. P. 243, 244.

¹⁹ Ibid. P. 271.

²⁰ Ibid. P. 267.

²¹ Ibid. P. 293.

²² Tellis Ashley. Op. cit. P. 191.

²³ См., например: Kapur Ashok. Op. cit. P. 195, 206–209.

²⁴ Tellis Ashley. Op. cit. P. 207, 208.

²⁵ Беседы автора с некоторыми экспертами также позволяют сделать подобный вывод.

²⁶ *Indian Express*. 1999, 4 February.

²⁷ Jones Gregory. From Testing to Deploying Nuclear Forces: The Hard Choices Facing India

and Pakistan. RAND. 2000. P. 14, 15. Цит. по: Tellis Ashley. Op. cit. P. 483.

²⁸ Menon Raja. Op. cit. P. 208.

²⁹ Tellis Ashley. Op. cit. P. 479.

³⁰ Ibid. P. 497, 498.

³¹ Ramdas L.. Op. cit. P. 6; Tellis Ashley. Op. cit. P. 115, 474.

³² *PPNN Newsbrief*. 1998. No. 43, 3rd Quarter, P. 16. Индийские представители, как правило, уходят от ответа на вопрос, означает ли объявленная политика минимального ядерного сдерживания, что Индия уже имеет достаточное количество ядерного оружия для выполнения этой задачи.

³³ Английский термин – Permissive Action Link (PAL).

³⁴ Такой вывод делает и генерал-лейтенант Виджай Рагхаван, который с 1992 по 1994 гг. был генеральным директором оперативного управления Минобороны, а ныне возглавляет Delhi Policy Group (Raghavan V.R. Op. cit. P. 94).

³⁵ Chari P.R. India's Nuclear Doctrine: Confused Ambitions. *Nonproliferation Review*. 2000. Vol. 7, No. 3, Fall-Winter. P. 131.

³⁶ *Независимое Военное Обозрение*. 2001. №41.

³⁷ *Независимое Военное Обозрение*. 2001. №43.

³⁸ Мишра Раджеш Кумар. Ракетно-космическая программа Индии: на пути к самодостаточности. *Ракеты и Космос*. 2001. Т. 1, №3, зима. С. 15.

С учетом ее дальности *Притхви* определенно создавалась с расчетом на сдерживание Пакистана, впрочем, во избежание провоцирования пакистанцев ракеты были отведены от границ восточного соседа в район Сикандерабада (Menon Raja. Op. cit. P. 202).

³⁹ *Независимое Военное Обозрение*. 2001. №5.

⁴⁰ *Ракеты и Космос*. 2001. Т. 1, №2, осень. С. 22.

⁴¹ Tellis Ashley. Op. cit. P. 561, 569.

⁴² Мишра Раджеш Кумар. Цит. соч. С. 17. Заметим в скобках, что Китай не располагает крылатыми ракетами, по мнению некоторых специалистов, они появятся не ранее 2010 г.

⁴³ Tellis Ashley. Op. cit. P. 540.

⁴⁴ *Независимое Военное Обозрение*. 2001. №39.

⁴⁵ Раджа Менон считает, что это произойдет не ранее 2010 г. (P. 226).

⁴⁶ *РИА Новости*. 2001, 6 ноября.

⁴⁷ Мишра Раджеш Кумар. Цит. соч. С. 16.

⁴⁸ Дворкин В.З. Состояние и перспективы развития ракетного вооружения в странах *третьего мира* в период до 2015 года.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Ядерный Контроль. 2002. Т. 8, №1, январь-февраль. С. 46, 47.

⁴⁹ Cohen Stephen. Op. cit. P. 169.

⁵⁰ *Hindu*. 1999, 29 November.

⁵¹ Мишра Раджеш Кумар. Цит. соч. С. 17.

⁵² Среди некоторых исследователей существует и такое мнение, что опубликование проекта доктрины было *ПР-акцией* (Cohen Stephen. Op. cit. P. 90).

⁵³ В частной беседе один индийский официальный представитель откровенно заявил: «Мы живем между двумя ядерными державами».

⁵⁴ Следует отметить, что в ходе консультаций Индии с ядерными державами по гарантиям безопасности в 1967 г. наиболее содержательный характер носили индийско-советские консультации. Индийские представители дважды приезжали в СССР, и в ходе консультаций с ними именно советской стороной была выдвинута идея предоставления неядерным государствам так называемых *позитивных* гарантий безопасности, которая в дальнейшем нашла воплощение в известной резолюции 255 (1968) Совета Безопасности ООН. См.: Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М.: Наука, 1999. С. 333–342.

Для Индиры Ганди решение о неучастии в ДНЯО было непростым. Мнения ее основных советников разделились: Р. Дайал, Р. Джайпал и Джагат Мехта были за участие, а В.К. Триведи (представитель в Женевском комитете 18-ти государств по разоружению), Т.Н. Кауль и С.К. Сингх – против. Первоначальный проект заявления Индиры Ганди в парламенте в конце ноября 1967 г. предполагал положительное отношение к договору. Но, судя по всему, премьер-министр в конце концов приняла отрицательное решение, руководствуясь прежде всего общими настроениями в индийском обществе и перспективами дальнейшего развития обстановки в регионе и в отношениях с Китаем (Кариг Ashok. Op. cit. P. 163).

⁵⁵ Заявление министра иностранных дел Индии в парламенте 9 мая 2000 г. в связи с Конференцией участников ДНЯО, распространенное миссией Индии при ООН в качестве пресс-релиза 10 мая 2000 г. Статья I определяет обязательства ядерных держав о передаче ядерного оружия и информации о нем неядерным странам, статья III – об установлении всеобъемлющего контроля МАГАТЭ в таких странах,

статья VI – о проведении переговоров о ядерном разоружении.

⁵⁶ Следует заметить, что при принятии на сессии ГА ООН 2001 г. резолюции в поддержку проведения в 2005 г. очередной Конференции по рассмотрению действия ДНЯО и осуществления необходимых мер по подготовке к ней Индия была единственной страной, которая голосовала против, три другие государства, не являющиеся участниками ДНЯО (Пакистан, Израиль и Куба), при голосовании воздержались.

⁵⁷ Menon Raja. Op. cit. P. 44.

⁵⁸ Любопытно, что на сессии ГА ООН 2001 г. Индия поддержала решение о сохранении вопроса о ДВЗЯИ в повестке дня ООН, в то время как США в единственном числе голосовали против.

⁵⁹ Cohen Stephen. Op. cit. P. 263.

⁶⁰ NGO Report from General Assembly First Committee. 2001, 20 October, (Flick@igc.org).

⁶¹ Новый вызов после *холодной войны*: распространение оружия массового уничтожения. Служба внешней разведки РФ. М., 1993. С. 98, 99. См. также: Новиков Владимир. Пакистан: исламская бомба. Специальное приложение к сборнику *Ядерное Распространение*. 2000. Вып. 2.

⁶² Spector Leonard S., Smith Jacqueline. Nuclear Ambitions. Boulder, CO: Westview Press, 1990. P. 92; Menon Raja. Op. cit. P. 97; Tellis Ashley. Op. cit. P. 47.

⁶³ Menon Raja. Op. cit. p. 114.

⁶⁴ Ibid. P. 199; Jones Rodney W., McDonough Mark G., Dalton Toby F., Koblenz Gregory D. Tracking Nuclear Proliferation. A Guide in Maps and Charts. Wash.: Carnegie Endowment, 1998. P. 144.

⁶⁵ Новиков Владимир. Цит. соч. С. 71, 72.

⁶⁶ Albright David. Securing Pakistan's Nuclear Weapons Complex. Paper presented at the Stanley Foundation 42nd Strategy for Peace Conference. 25–27 October 2001. P. 3, (www.isis-online.org/publications/terrorism/stanleypaper.html).

⁶⁷ Albright David, O'Neill Kevin, Hinderstein Corey. Securing Pakistan's Nuclear Arsenal: Principles for Assistance. ISIS (Institute for Science and International Security), Issue Brief. 2001, 4 October. P. 1, (www.isis-online.org/publications/terrorism/pakassist.html). Это подтвердил и бывший начальник штаба пакистанской армии генерал Аслам Бег, заявивший, что для сборки ядерных боезарядов требуется «несколько часов или даже дней» (dailynews.yahoo.com/h/ap/200111103/wl/attacks_pakistan_s_nukes_3.html).

Научные Записки ПИР-Центра №17

⁶⁸ Джоунс Родни. Ядерная стратегия Пакистана: в поисках гарантированного сдерживания. *Ядерное Распространение*. 2000, январь–март. Вып. 34. С. 41.

⁶⁹ Ganguly Sumit. Beyond the Nuclear Dimension: Forging Stability in South Asia. *Arms Control Today*. 2001. Vol. 31, No. 10, December. P. 3.

⁷⁰ *Ракеты и Космос*. 2001. Т. 1, №1, лето. С. 5.

⁷¹ Там же.

⁷² *РИА Новости*. 2001, 11 июня.

⁷³ Джоунс Родни. Цит. соч. С. 49.

⁷⁴ *Hindu*. 2002, 24 January.

⁷⁵ Новиков Владимир. Цит. соч. С. 58.

⁷⁶ *Arms Control Today*. 1998. Vol. 28, No. 5, June/July. P. 27.

⁷⁷ *Dawn*. 1999, 26 November.

⁷⁸ Praful Bidwai, Achin Vanaik. *New Nukes. India, Pakistan and Global Nuclear Disarmament*. N.Y.: Interlink Books, 2000. P. xi-xii.

⁷⁹ Сообщение д-ра Худбхоя 7 октября 2000 г. на Московской конференции по нераспространению ядерного оружия, организованной ПИР-Центром и Московским центром Карнеги (www.pircenter.org/Russia/conference/htm).

⁸⁰ *PPNN Newsbrief*. 2000. No. 52, 3rd Quarter. P. 22.

⁸¹ Achin Vanaik. Failing the Test: International Mismanagement of the South Asia Nuclear Crisis. *Disarmament Diplomacy*. 2000. No. 51, October. P. 8.

⁸² Chari P.R. *Nonproliferation Review*. 2000. Vol. 7, No. 3, Fall-Winter. P. 127.

⁸³ Menon Raja. Op. cit. P. 244; Raghavan V.R. Op. cit. P. 97.

⁸⁴ Следует отметить, что в русском тексте этого заявления говорится не об осуждении, а о «выражении сожаления» по поводу взрывов.

⁸⁵ *Arms Control Today*. 1998. Vol. 28, No. 4, May. P. 24.

⁸⁶ Spector Leonard S. Status of U.S. Sanctions Imposed on India and Pakistan. 11 August 2001 (cns.miis.edu).

⁸⁷ Интервью заместителя госсекретаря США Струба Тэлбота с Р. Моханом. *Hindu*. 2000, 12 January. Следует заметить, что после прихода к власти администрации Буша Соединенные Штаты более не добиваются подписания Индией ДВЗЯИ (*Arms Control Today*. 2001. Vol. 31, No. 7, September. P. 38).

⁸⁸ Presidential Determination No. 2001-28 (usinfo.state.gov/topical/pol/terror/01092302.htm). 28 октября Джордж Буш отменил остающиеся санкции против Пакистана, что открывает возможность для предоставления Пакистану

экономической помощи в размере 300–500 млн долл. (www.cnn.com/2001/US/10/29/gen.us.pak.sanctions/index.html). Джордж Буш встречался с генералом Мушаррафом в Нью-Йорке 10 ноября и заверил его в своей полной поддержке. Президент Путин заявил 13 ноября в Вашингтоне, что «все должны поддержать его [Мушаррафа] сегодня» (president.kremlin.ru/events/370.html).

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ *РИА Новости*. 2001, 28 мая.

⁹¹ *РИА Новости*. 2001, 30 мая.

⁹² Там же. После заявления администрации Буша от 13 декабря 2001 г. о решении США выйти из Договора по ПРО, охарактеризованное российским президентом как ошибочное, между Владимиром Путиным и Аталом Бихари Ваджапай состоялся телефонный разговор, в ходе которого индийский премьер-министр, выразив понимание и поддержку позиции России, заявил, что краеугольное значение Договора по ПРО в системе стратегической стабильности было отмечено в ходе встречи на высшем уровне в Москве в ноябре с.г., и эта позиция остается неизменной. (president.kremlin.ru/news/200112.html).

⁹³ *Итап-Тасс, РИА Новости*. 2001, 6 ноября.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ *Ядерный Контроль*. 2002. Т. 8, №1, январь-февраль. С. 27.

⁹⁶ Следует отметить, что некоторые индийские аналитики сетовали на то, что распад СССР привел к ослаблению присутствия России в Индии в качестве «противовеса другим державам» (Kapur Ashok. Op. cit. P. 203). Американский индолог Стивен Коэн, со своей стороны, полагает, что когда «правительство Горбачева начало процесс нормализации отношений с Китаем, поддержка Советским Союзом Индии постепенно стала ослабевать». (Cohen Stephen. Op. cit. P. 211).

⁹⁷ Док. NPT/CONF.2000/MC.II/WF.11.

⁹⁸ Док. NPT/CONF.2000/28. Текст опубликован в: *Ядерный Контроль*. 2000. Т. 6, №5, сентябрь-октябрь. С. 18.

⁹⁹ Проведенный журналом *Newsweek* опрос показал, что 83% пакистанцев симпатизируют талибам (*Los Angeles Times*. 2001, 16 October).

¹⁰⁰ *Boston Globe*. 2001, 20 September.

¹⁰¹ A.Q. Khan Research Laboratories и Pakistan Atomic Energy Organization.

¹⁰² *Times*. 2001, 20 September.

¹⁰³ *Carnegie Endowment Proliferation Brief*. 2001. Vol. 4, No. 17, 1 October.

Научные Записки ПИР-Центра №17

¹⁰⁴ Были даже сообщения, что Пентагон разрабатывает планы принудительного захвата и вывоза или обеспечения безопасного хранения на месте пакистанского ядерного арсенала.

¹⁰⁵ *dailynews.yahoo.com/h/ap/20011103/wl/attacks_pakistan_s_nukes_3.html.*

¹⁰⁶ Департамент информации и печати МИД РФ, 29 октября 2001.

¹⁰⁷ Peimani Hooman. Nuclear Proliferation in the Indian Subcontinent. The Self-Exhausting Superpowers and Emerging Alliances. Westport, CT, and L.: Praeger, 2000. P. 127.

¹⁰⁸ В Индии, конечно, отдадут отчет в том, что ослабление влияния талибов, а еще лучше, полный уход их со сцены будут подрывать позиции Пакистана и его возможные амбиции в отношении расширения своего присутствия в регионе и на более широком пространстве.

¹⁰⁹ Bidwai Praful. India, Pakistan: More Dialogue, Less Rhetoric. *Asia Times*. 2001, 26 October.

¹¹⁰ *Hindustan Times*. 2002, 7 February.

¹¹¹ *Индийский Вестник*. 2001. №7–8, июль–август.

¹¹² Пакистанский эксперт Самина Ахмед, очевидно, права, считая, что развертывание ядерного оружия в Южной Азии «не является неизбежным». (Ahmed Samina. Countering Nuclear Risks in South Asia. Council for a Livable World Education Fund, December 2001. P. 16).

¹¹³ Автор, будучи в тот период представителем СССР в Специальном комитете ООН по объявлению Индийского океана зоной мира, принимал участие в этих усилиях и не раз посещал страны региона для консультаций по данной проблеме.

¹¹⁴ *Disarmament Diplomacy*. 1999. No. 34, February. P. 34, 35.

¹¹⁵ NGO Report from General Assembly First Committee. 2001, 20 October (*Flick@igc.org*).

¹¹⁶ Мнение о возможном компромиссном решении кашмирского вопроса на основе закрепления многолетнего *статус-кво* по Линии контроля было высказано и российскими исследователями Владимиром Москаленко и Татьяной Шаумян (Moskalenko Vladimir, Shaumian Tatiana. Op. cit. P. 242).

Индия, судя по всему, отрицательно относится к американскому посредничеству в кашмирском вопросе. (См.: Ahmed Samina. Op. cit. P. 17). Однако, как представляется, вовлечение в такой процесс авторитетных и уважаемых политических деятелей трех стран – США, Великобритании и России, притом в неофициальном качестве, могло бы сдвинуть процесс урегулирования с мертвой точки.

По индийским источникам, Зульфикар Али Бхутто в свое время говорил Индире Ганди, что он был бы готов урегулировать территориальный спор на основе Линии контроля, но в тот период не мог на это пойти из-за своей слабой политической позиции внутри страны. Пакистанские же источники отрицают этот факт (Cohen Stephen. Op. cit. P. 219).

¹¹⁷ Ibid. P. 227.

¹¹⁸ *Hindu*. 2001, 21 March.

¹¹⁹ В сессиях Подготовительного комитета Конференции 2000 года участвовали нечлены ДНЯО – Пакистан, Куба и Израиль (Док. NPT/CONF.2000/1, P. 3). Пакистан, однако, на саму конференцию наблюдателя не направлял.

¹²⁰ Нельзя не согласиться с прагматическим суждением известного американского эксперта по нераспространению Луиса Данна о том, что невозможно «повернуть назад ядерные часы в Южной Азии» (Dunn Lewis A. The South Asian Nuclear Conundrum: U.S. Interests and Choices. Presentation at the Stanley Foundation's Strategy for Peace Conference, Airlie Conference Center, 25–27 October 2001).

ЭСКАЛАЦИЯ ВООРУЖЕНИЙ В ЮЖНОЙ АЗИИ

Александр Шилин

События в Южной Азии последних месяцев заставили мир вновь пристально взглянуть на подсистему международных отношений в этом регионе.

Особенность политической ситуации в Южной Азии состоит в том, что здесь уже давно сложились совершенно своеобразные межгосударственные отношения. Пожалуй, больше нигде в мире не существует такого сложного, трудноустраняемого комплекса противоречий на всех уровнях межгосударственных связей. При этом насыщенность региона современными вооружениями крайне высока, что заметно повышает степень опасности практически любого события, происходящего там. Один из наиболее важных элементов такого положения – гонка вооружений между Индией и Пакистаном.

Эскалация вооружений в Южной Азии, начавшаяся под влиянием факторов историко-культурного характера, была обязана своим *расцветом* блоковому противостоянию в рамках *холодной войны*. Тем не менее с прекращением советско-американского противостояния и общим потеплением политического климата на планете кривая напряженности в Южной Азии не просто не пошла вниз, но имеет тенденцию к подъему. Причина этого кроется как в растущих амбициях Индии и Пакистана на мировой арене, так и в более или менее явном присутствии в регионе военной мощи крупных держав.

В настоящей работе показано, как наращиваются обычные вооружения обоих южноазиатских соседей. Автор попытался рассмотреть военную эскалацию в ретроспективе с учетом всех тех процессов, которые в конечном итоге привели к современному раскладу сил в военном противостоянии Индии и Пакистана. Особое внимание уделяется современному состоянию вооруженных сил этих государств, их перспективному военному планированию и контрактам в сфере военно-технического сотрудничества (ВТС) в последние годы.

С самого начала независимого развития Индии и Пакистана, с 1947 г., отношения между обоими этими государствами отличались значительной напряженностью, которая три раза приводила к войне – в 1948–1949, 1965, 1971 гг., а совсем недавно, летом 1999 г., они вновь оказались на грани военного

столкновения (так называемый Каргильский конфликт). Индо-пакистанские противоречия уходят своими корнями в глубь веков, и современная подсистема международных отношений в Южной Азии вобрала в себя целый узел проблем не только политического, но и религиозного, этнического, социального характера.

Начавшаяся почти сразу после получения независимости война между обеими бывшими частями Британской Индии стала хорошим индикатором их враждебных отношений и во многом заложила основу дальнейшего противостояния. Конкуренция за гегемонию в Южной Азии, которая, видимо, неизбежно должна была возникнуть между этими странами, нашла выражение в гонке вооружений. Основную проблему, однако, представляет конфликт, связанный с неопределенностью статуса Кашмира, ныне столь же далекий от разрешения, как и в 1948 г. Этот спор о Кашмире является самой крупной проблемой индо-пакистанских противоречий¹.

Начало военной эскалации

Милитаризация Южной Азии началась практически сразу после освобождения Британской Индии от колониальной зависимости.

Вражда и военное противостояние, вызванные нерешенностью двусторонних проблем в контексте ряда исторических причин и тяжелого колониального наследия, требовали ускоренного развития вооруженных сил. Так как в конце 1940-х – начале 1950-х гг. вооруженные силы как Индии, так и Пакистана с технической точки зрения были оснащены неудовлетворительно, а полноценным отечественным ВПК ни одно из этих государств не обладало, роль импорта вооружений в оснащении их армий и флотов с самого начала стала определяющей. Объективная необходимость в военных поставках и помощи стала важным фактором, повлиявшим на политическую ориентацию Индии и Пакистана.

Еще в колониальный период лидерами национально-освободительного движения был выдвинут тезис о том, что Индия, имея весь необходимый потенциал, может и должна в будущем занять место в ряду великих держав.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Сразу после получения независимости руководство Индийского национального конгресса во главе с Джавахарлалом Неру представляло Индию как государство, проповедовавшее идеи *ненасилия*, которые слабость экономики и вооруженных сил заменяли на мировой арене силой моральных убеждений. Такой, могущий показаться несколько наивным с современной точки зрения, подход дал тогда определенные результаты, снискав Индии в целом и Джавахарлалу Неру лично высокий престиж в странах Азии и Африки, освободившихся от колониального господства.

Это, впрочем, не мешало приобретать военную технику. Великобритания, как бывшая метрополия, не желая упускать оба доминиона² из сферы своего влияния, предоставила им широкие возможности по приобретению вооружения и техники английских образцов. В первую очередь это касалось передачи им кораблей и прочей техники ВМС. В течение 12 лет после провозглашения независимости Дели получил 20 английских боевых и вспомогательных кораблей (в том числе авианосец и два крейсера), составивших основу его ВМС в последующие 20 лет. Пакистану в 1949–1952 гг. также были поставлены британские крейсер, пять эсминцев и три фрегата. Лондон, однако, недолго господствовал на рынке, быстро уступив позиции Вашингтону в отношении Пакистана и Москве – в отношении Индии.

Настороженное отношение к Индии Иосифа Сталина, считавшего Джавахарлала Неру пособником Запада, препятствовало развитию нормальных отношений с Москвой, и СССР только в конце пятидесятых годов начинает уверенно заявлять о себе в области оснащения Индии вооружениями. Неприятие индийским руководством западного империализма, а также очевидная прозападная ориентация главного противника – Пакистана подталкивали Индию к более тесному сотрудничеству с Советским Союзом. Политика неприсоединения, активно проводимая Индией, делала невозможным политическое сотрудничество с США и Великобританией, в частности, из-за негативного отношения Дели к агрессии Запада в Корею и повсеместной поддержке американцами реакционных сил в мире. Поэтому тесные отношения Индии с СССР стали логическим результатом индийской и советской внешней политики того времени.

Начало советских поставок относится к 1954 г., когда Дели приобрел три военно-транспортных самолета и партию оборудования и техники для ВМС.

Война с Китаем 1962 г., в которой Индия потерпела жестокое поражение, стала в известной степени поворотным пунктом в развитии стратегической ситуации в Южной Азии. КНР самым непосредственным образом заявила о своей враждебности в отношении Индии, а индийское руководство, по мнению многих аналитиков, с этого момента переменяло отношение к развитию военного потенциала страны, поняв всю необходимость усиления армии. Конфликт с Китаем показал, к каким пагубным последствиям приводит недостаточное внимание, уделяемое обороноспособности, тем более, что в результате этого под китайскую оккупацию попало примерно 130 тыс. кв. км индийской территории. Китайский фактор занял важнейшее место в стратегическом планировании Индии. Процесс увеличения мощи индийских вооруженных сил начиная с шестидесятых годов проходил во многом с учетом соседства Китая.

Сотрудничество с Советским Союзом стало преобладающим в ВТС Индии со второй половины шестидесятых годов. В 1963–1964 гг. Индия получила вместе с партией истребителей *МиГ-21* и лицензию на их производство. ВМС, постепенно списывая устаревшие британские корабли, взамен принимал на вооружение советские. Так, в 1968–1969 гг. Индия обзавелась подводным флотом – четырьмя советскими лодками проекта 641, а непосредственно перед войной 1971 г. в Индию пришли пять малых противолодочных кораблей и пять ракетных катеров.

Что же касается Пакистана, то с начала пятидесятых годов наметилось его тяготение к лагерю США и их союзников. Пакистан присоединился к системе проамериканских блоков, вступив в Организацию Договора Юго-Восточной Азии и Организацию Центрального договора (СЕАТО и СЕНТО) в 1954-м и 1955 гг. соответственно. При этом, как считал бывший премьер-министр страны М. Айюб Хан, единственной целью Пакистана было строить свои отношения с Индией с позиции силы³.

Есть мнение, что Кашмирская проблема специально раздувалась американской стороной, чтобы привязать к себе нового союзника – Пакистан, а также оказать давление

Научные Записки ПИР-Центра №17

на Индию, начавшую сближение с СССР⁴. Близость Пакистана к нефтедобывающим районам Ближнего Востока располагала США к вовлечению его в сферу своего влияния. Индира Ганди указывала, что «Белый дом намерен превратить Пакистан в центральное звено американской стратегии защиты Персидского залива»⁵.

Соединенные Штаты в 1955–1963 гг. поставили Пакистану значительное количество вооружений в рамках специальной Программы военной помощи Пакистану (так называемая программа MAP – Military Assistance Program). Согласно этим планам, экспортируемой американской техники должно было хватить для укомплектования и оснащения пяти с половиной дивизий общего состава. Пакет включал, в частности, более 200 истребителей *F-86*, 24 истребителя *F-104*, 32 бомбардировщика *B-57*, около 1000 танков и 300 бронетранспортеров⁶. Поставки по линии ВМС также были велики – восемь тральщиков типа *Adjutant*, три вспомогательных корабля, большое количество боеприпасов. В 1964 г. в бессрочную аренду Пакистану была предоставлена дизельная подлодка *Diablo* типа *Tench*, ставшая первой подлодкой на вооружении морских сил страны и получившая название *Гази*.

Военное планирование Пакистана, таким образом, уже с пятидесятых годов попало под влияние двух тенденций. Во-первых, благосклонность крупных держав в экономической и политической сферах давала возможность Пакистану динамично наращивать свой военный потенциал. Во-вторых, страна оказалась настолько зависимой от импорта вооружений, что в дальнейшем развитие ВПК Пакистана было неотделимо от зарубежной военной помощи.

Вторым главным поставщиком вооружений Пакистану явился Китай. В первой половине шестидесятых годов наметилось резкое сближение Пакистана с маоцзэдуновским Китаем, у которого обострились отношения с Индией. В поддержании партнерских отношений с Пекином для Пакистана была прежде всего заинтересованность антииндийского характера, Китай также видел в Пакистане союзника в противостоянии с Дели. По мнению политологов, ось Пекин–Исламабад до девяностых годов была краеугольным камнем китайской политики в Южной Азии⁷. Военное сотрудничество с Китаем привело к тому, что к 1980 г. 75% пакистанских танков и 60% самолетов были китайских образцов.

С 1960-х гг. значительную роль играла Франция. В конце 1967 г. был подписан контракт о продаже трех подлодок типа *Daphne* и начале поставок самых современных по тому времени истребителей *Mirage-3* и боеприпасов к ним.

СССР также не оставался в стороне от помощи Пакистану в шестидесятые годы. Его поставки были, впрочем, меньше, чем у других держав – 150 танков *T-55*, 16 вертолетов *Mi-8*, около 200 артиллерийских орудий. После индо-пакистанской войны 1965 г. СССР, однако, полностью вышел из числа поставщиков оружия Пакистану, перейдя к безоговорочной поддержке индийцев.

Развитие военной эскалации в семидесятые–восьмидесятые годы

Война 1971 г. стала, пожалуй, наилучшим индикатором отношения великих держав к южноазиатскому противостоюнию. Если СССР всячески поддерживал Индию, то США совершенно недвусмысленно продемонстрировали тогда поддержку Исламабада. Известно, что во время этой войны эскадра флота США вошла в Бенгальский залив с целью оказания силового давления на Индию, чего индийцы, по словам обозревателей, не могут забыть до сих пор. Советские же корабли были введены в этот район для парирования воздействия на ситуацию присутствующего там американского флота.

Индия выиграла эту войну в основном с помощью советской техники, доказавшей свое высокое качество и надежность. Это стало дополнительным стимулом к дальнейшим закупкам советских вооружений. В то же время неустойчивая в военном отношении обстановка в Южной Азии и рост военного потенциала КНР были основанием для продолжения развития индийских военных программ. Послевоенные годы стали временем ускоренного развития индийского научно-технического и промышленного потенциала. Отечественный ВПК к концу семидесятых годов уже позволял наладить лицензионный выпуск ряда видов военной техники, поэтому Индия вышла тогда в число крупнейших производителей военной техники в мире. Так, индийские заводы с 1979 г. начали собирать танки *T-55*, а с 1983 г. – и *T-72*. Опыт такой деятельности у Дели был, поскольку с 1965 г. велся выпуск британских *Mk-I* фирмы *Vickers Defence* (под названием *Виджаянта*). Советская техника к восьмидесятым годам стала главной в оснащении всех трех видов

Научные Записки ПИР-Центра №17

вооруженных сил Индии, хотя были широко представлены и модели образцов других стран: Индия приобрела в 1986 г. лицензию на сборку англо-французских самолетов *Jaguar*, в 1987 г. заключила контракт с немецкими кораблестроителями на поставку четырех подводных лодок. Все же советские модели стали основой индийских вооруженных сил – к 1988 г. сухопутные силы страны были укомплектованы советской техникой на 60%, ВВС – на 70 и ВМС – на 80%. Немаловажным было здесь и то, что условия платежа, выдвигаемые советской стороной, были, как правило, вполне приемлемы для индийцев.

С конца семидесятых годов роль США в эскалации пакистанских вооружений стала особенно значимой. Во время присутствия в Афганистане советских войск при существовании в Исламабаде режима Зия уль-Хака, США были крайне заинтересованы в оказании ему всесторонней помощи. Вашингтон стремился «устроить Советам собственный Вьетнам», поэтому в тот период в Пакистан хлынул поток американского оружия. Этим Белый дом, *во-первых*, надеялся еще больше привязать Пакистан к себе и иметь, таким образом, плацдарм для антисоветских действий, *во-вторых*, оказывая помощь пакистанскому ВПК, США поддерживали афганские группы, ведшие боевые действия против советского контингента. Кульминацией американо-пакистанского ВТС стало подписание соглашения 1981 г., по которому Пакистан получил военную помощь на 3,2 млрд долл.

Уже к концу восьмидесятых годов вооруженные силы Пакистана (как, конечно, и Индии), были на достаточно современном уровне оснащения.

Сухопутные силы Пакистана в 1988 г. насчитывали 480 тыс. человек личного состава, с резервами первой очереди – около 600 тыс. На их вооружении находилось⁸:

- примерно 1500 танков; из них 1000 типа 59 и 69, около 300 *M-47*, остальные были представлены весьма старыми моделями вроде *M-24*; сохранялось несколько десятков *T-55* советских поставок;
- более 600 единиц легкой бронетехники;
- 1400 артиллерийских систем калибра более 105 мм и реактивных систем залпового огня. В основном это были орудия американских образцов, произведенные как в США, так и в Пакистане. Имелись также орудия советской (130-мм гаубицы) и китайских систем, а также немецкого

производства, которые, были, впрочем, крайне устаревшими – некоторые еще времен Третьего Рейха.

Количество боевых самолетов достигало примерно 400: 30 истребителей *F-16*, около 100 французских *Mirage-3* и *-5*, остальные – китайские *J-6*, *J-7* и *A-5*. Военно-транспортная авиация была представлена 100–120 самолетами и более чем 100 вертолетами. Практически все они были американских и французских моделей.

События восьмидесятых–девяностых годов наложили свой отпечаток на процессы военной эскалации в Южной Азии. Конец восьмидесятых годов был периодом, когда события в мире оказали очень заметное влияние на всю систему международных отношений.

Некоторое потепление индо-пакистанских отношений, последовавшее за гибелью президента Зия уль-Хака в августе 1988 г., было быстро сведено на нет. С конца 1989 – начала 1990 г. кашмирский вопрос снова стал источником напряженности. После обострения кашмирской проблемы Индия заявила о прямой агрессии Пакистана, который в свою очередь обвинил Индию в стремлении напасть на него. Пакистанские войска провели минирование приграничных районов (мера явно оборонительного характера) и затопили отдельные участки своей территории, создав препятствие на пути возможного наступления индийской армии⁹.

Индия и Пакистан начали с новой энергией военные приготовления. Для наращивания мощи вооруженных сил требовались новые закупки оружия за границей, но ситуация в мире на рубеже двух десятилетий настолько изменилась, что с начала девяностых годов уже не приходилось говорить о прежней системе безопасности и прежнем понимании военно-стратегического партнерства.

Начало девяностых годов стало периодом известного охлаждения отношений между США и Пакистаном. Причиной этого, как и в семидесятые годы, стало беспокойство американской администрации по поводу ядерной программы Исламабада, а возможно, как указывают индийские авторы, сыграло свою роль еще и то, что Белый дом занял выжидательную позицию, следя за поведением нового руководства Пакистана, за его возможными отклонениями в политической

Научные Записки ПИР-Центра №17

ориентации страны¹⁰. В 1990 г. поставки оружия Пакистану были вообще прекращены американской стороной. Пакистан не успел получить и долго ожидавшейся партии *F-16*, за которую уже было выплачено авансом более 650 млн долл.¹¹

К тому же с выводом советских войск из Афганистана США, как было упомянуто выше, в значительной степени потеряли заинтересованность в крупномасштабной помощи Пакистану.

США, таким образом, выходили из числа основных поставщиков оружия Пакистану. Конечно, оставался Китай, который нельзя было тогда упрекнуть даже в малейшей противоречивости в его отношениях с Пакистаном. Однако этого было явно недостаточно, ибо США оказывали Исламабаду еще и экономическую помощь, что было совсем немаловажно для страны, изнемогавшей под гнетом непомерных военных расходов, и поддержку на международной арене; наконец, американское вооружение, щедро поставляемое Пакистану, было значительно более высокого качества, нежели китайское – такого не имела Народно-освободительной армии Китая (НОАК) (к примеру, авиатехники, или переносного зенитно-ракетного комплекса *Stinger*).

В этот период внешняя политика Исламабада приобрела ряд новых приоритетов. Активизировалось военное сотрудничество с арабскими нефтяными королевствами, а также с Турцией и Иорданией. Эти государства сами используют оружие в основном американского производства, поэтому Пакистан мог рассчитывать на военные поставки.

В 1990 г. Пакистан получил через Саудовскую Аравию значительную партию техники и вооружения американского и английского производства. Поставка включала зенитно-ракетные комплексы *Blowpipe*, стрелковое оружие, авиационные боеприпасы для переоснащения имеющихся на вооружении самолетов старых типов. Однако еще большей, нежели военная помощь, стала помощь финансовая, причем средства зачастую выделялись непосредственно на развитие вооруженных сил. Так, в 1993–1995 гг. Объединенные Арабские Эмираты предоставили около 1 млрд долл. в качестве помощи на модернизацию вооруженных сил Пакистана, в основном на флот.

Освободившееся в начале девяностых годов место на пакистанском рынке поспешили заполнить новые, нетрадиционные поставщики. Следует, прежде всего, упомянуть крупный контракт с Киевом о поставке 320 танков *T-80* (или, по украинской номинации, *T-84*). Эта сделка позволит Пакистану несколько уменьшить разницу в мощи своих и индийских сухопутных сил. На середину 2001 г. намечалась поставка и противотанковых управляемых ракет – также украинского производства – для вооружения этих танков¹². Контракт с Киевом немедленно вызвал самую серьезную тревогу в индийских официальных кругах, хотя, как представляется, едва ли сложившееся соотношение сил может быть заметно изменено хотя бы потому, что Дели добился поставок примерно такого же количества российских *T-90*. На темпах выполнения контракта очень заметно отразилась позиция России, которая перестала снабжать Украину комплекующими для танков.

Таким образом, Пакистан продолжал наращивать свой военный потенциал и без помощи США, значительно увеличилась в оснащении его армии роль государств Западной Европы. В то же время сокращение объемов американского военного содействия негативно сказывается как на оснащении вооруженных сил, так и на поддержании в боеспособном состоянии уже имеющихся систем.

Военные программы Пакистана.

Современное состояние его вооруженных сил

Следует отметить и то, что Исламабад уделяет большое внимание созданию собственной промышленной базы для выпуска продукции военного назначения. Целью здесь является прежде всего снижение зависимости от иностранных поставщиков, но не только. Еще Зия уль-Хак в 1987 г. говорил, что силы национальной промышленности следует направить на развитие экспорта вооружений¹³. Подобное намерение выражал и Первез Мушарраф, будучи начальником штаба сухопутных сил, в конце 1998 г.¹⁴

Пакистанская военная индустрия достаточно хорошо освоила лицензионный выпуск. С середины восьмидесятых годов налажено производство истребителей китайских моделей *F-5* и *F-6* на заводах в Фейсал Шахиде (близ Карачи) и Пешаваре, а с 1978 г. – сборка комплекующих и двигателей к *Mirage* в Камре¹⁵. В Камре же производится по лицензии

Научные Записки ПИР-Центра №17

легкий учебно-тренировочный самолет *Мушшак* (*Safari* шведской фирмы *SAAB*). Всего в ВВС Пакистана сейчас насчитывается до 130 этих самолетов, что, правда, не удовлетворяет потребности ВВС и на треть.

По лицензии идет и выпуск танков. Пакистан с середины восьмидесятых годов начал производить танки китайского образца по лицензии на заводе в Таксиле недалеко от Исламабада. Это так называемые тип 69 и тип 85-II. Последняя модель в лицензионном виде известна под несколькими названиями – *Аль-Халид*, *МВТ-2000* или *Р-90*. Какое значение придает Пакистан выполнению программы изготовления этих танков, видно из того, что выпуск в июле 2001 г. первой партии из 15 *Аль-Халидов* был отмечен присутствием на церемонии на заводе в Таксиле самого Первеза Мушаррафа¹⁶. Сообщается, что пакистанцы имеют план довести выпуск таких машин до 50 единиц в год, хотя танки этого типа китайского производства давно имеются на вооружении. Получил Пакистан в семидесятые годы и лицензию на американские бронетранспортеры *М-113* и создание на их базе БМ ПТУР *М-109*, а также на 203-мм гаубицы *М-110*. Страна имеет значительные возможности для ремонта техники и изготовления запчастей. В Таксиле налажен выпуск артиллерийских снарядов нескольких типов, который на 30% покрывает национальный спрос, и – по лицензии США – противотанковых управляемых ракет *TOW*¹⁷. Упоминалась разработка собственного зенитного ракетного комплекса *Анза*, выпуск которого уже начат, и – с китайским участием – ПТУР *Бахтар Шикан*. (В Индии уже появились сообщения, что *Анза* может попасть в руки террористов, действующих в Дхамму и Кашмире¹⁸, в таком случае, полагают индийцы, будет создана самая серьезная угроза как военным, так и гражданским самолетам¹⁹). Стрелковое оружие и патроны к нему Пакистан практически не импортирует, удовлетворяясь собственным производством по британским, бельгийским и немецким лицензиям.

Пакистанские сухопутные и военно-воздушные силы в настоящее время имеют следующие характеристики:

- Личный состав насчитывает около 500 тыс. человек, а с резервами первой очереди, различными военизированными формированиями и 185-тысячной национальной гвардией – до миллиона (одиннадцатое место в мире на конец девяностых годов). Всего в сухопутных силах насчитывается 19 пехотных, две

бронетанковые дивизии и одна артиллерийская дивизия особого назначения. Кроме того, шесть отдельных мотопехотных и семь отдельных бронетанковых бригад, девять артиллерийских и семь инженерных бригад. Представляется, что в случае конфликта с Индией Исламабад вполне сможет рассчитывать на участие большого количества афганских и кашмирских *добровольцев*, поэтому общая численность его сухопутных сил станет в этом случае заметно больше. Опыт использования в боях против Индии таких частей в составе регулярных сил у Пакистана есть – стоит вспомнить, например, действия полка *Азад Кашмир* в 1971 г.

- Примерно 2200 танков, из них около трети – собственной сборки. Следует отметить принятие на вооружение более 300 *T-80* за счет вышеупомянутых поставок *T-80М* с Украины, которые завершились в ноябре 1999 г. Доля американских машин несколько выросла, это уже не только *М-47* пятидесятых годов (120 штук), а в основном более современные *М-48А5* – 280 танков, также 1200 китайских типа 59, 200 типа 69 и более 200 типа 85. Прочая техника сухопутных сил – в основном американского или французского производства – 850 бронетранспортеров *М-113*, 24 БМ ПТУР *М-109*, 144 французских зенитных ракетных комплекса *Crotale*. Остальные зенитно-ракетные комплексы – китайские *CSA-2*, французские *Mistral* и отечественные *Анза*. С шестидесятых годов сохранилась техника советских поставок (160 бронетранспортеров *БТР-70*).
- Артиллерийский парк представлен весьма разнообразными системами. Всего страна располагает 1710 артиллерийскими орудиями калибра 85 мм и более. Это на две трети китайские образцы, также американские *М-59*, *М-114*, *М-198* и *М-115*. В отличие от Индии имеется многочисленная самоходная артиллерия, чего индийцам так не хватало в Каргильских боях. Она представлена только американскими орудиями – 50 105-мм *М-7*, 150 155-мм *М-109А2* и 40 203-мм *М-110А2*. Есть также 45 китайских реактивных систем залпового огня (РСЗО) *T-83*, собранных по лицензии под названием *Азар*.
- Примерно 410 боевых самолетов (17 эскадрилий), причем их качественный

Научные Записки ПИР-Центра №17

состав значительно улучшился за последние годы, хотя и оставляет желать лучшего. Пока почти половина – 210 единиц – все те же устаревшие китайские или лицензионные *F-6*, *F-7* и *A-5*, однако страна теперь имеет 100 *Mirage-3* и -5 и четыре эскадрильи *F-16* – 36 самолетов нескольких модификаций (по пакистанским данным 40²⁰). В резерве страна имеет еще около полутора сотен машин, преимущественно очень устаревших моделей.

- 20 боевых вертолетов (американские *AH-1*). Примерно 120 транспортных и многоцелевых вертолетов – в основном также американского производства, однако отмечается и наличие 16 советских *Mi-8*.

Пакистанская армия, таким образом, с восьмидесятых годов заметно увеличила свои боевые способности, особенно заметен качественный сдвиг.

Почти не увеличившись численно, сухопутные силы Пакистана имеют примерно в полтора раза больше танков, чем 12–15 лет назад, причем видна заметная модернизация их парка. Однако и изменения в личном составе также показательны – количество вспомогательных частей увеличилось более чем вдвое.

Обращает на себя внимание рост ударной силы ВВС, их значительное качественное улучшение. Увеличилась доля более новых самолетов, хотя пока что у ВВС Пакистана остаются на вооружении в основном самолеты моделей начала шестидесятых годов *F-6* и *F-7* (вообще, во всех видах вооруженных сил видна тенденция к избавлению от техники старых типов, пусть даже ценой уменьшения их численности). То есть теперь ВВС Пакистана имеют ядро из современных машин, обладающее значительными боевыми возможностями.

Отсюда можно сделать вывод, что Пакистан стремится к созданию армии, не очень большой численно, но обладающей значительной ударной силой, насыщенной мощной современной техникой. Однако прекращение американских поставок и трудности экономического характера крайне негативно отражаются на пакистанском ВПК, что в недалекой перспективе может привести к свертыванию ряда военных программ и сокращению финансирования вооруженных сил.

Следует отметить появление на пакистанском рынке новых экспортеров из Восточной Европы, особенно заметна деятельность Украины. Также достаточно интересным может показаться выраженное лично самим Первезом Мушаррафом желание развивать ВТС с Россией вплоть до закупок *Su-30*²¹, что связано, возможно, помимо причин политического характера, еще и с невысокой ценой нашей техники. Возможно, пакистанский руководитель также учел и то, в каком тяжелом финансовом положении сейчас находится российский ВПК, готовый поставлять военную технику любому покупателю.

Индийские вооруженные силы в восьмидесятые–девяностые годы. Политика опоры на собственные силы

Индия к концу восьмидесятых годов обладала мощными и сбалансированными вооруженными силами, значительно превосходившими пакистанские.

В 1988 г. состав сухопутных и военно-воздушных сил страны был следующим:

- личного состава 980 тыс. человек (всего в вооруженных силах 1100 тыс. человек);
- 2900–3000 танков (650 *T-72*, 800 *T-55* как советских поставок, так и местной сборки, около 1300 *Виджаянта*);
- артиллерийских систем около 2200, большинство – советского производства, кроме того – около 1000 британских;
- боевых самолетов примерно 700, из них 500 советских моделей.

Сразу бросается в глаза, что пока большая часть техники – советского и российского производства. Некоторые виды оружия представлены только советской техникой, например, все зенитные самоходные установки индийской армии – советской модели ЗСУ 23-4 *Шилка*. Однако Индия всегда пыталась диверсифицировать закупки оружия – еще Индира Ганди указывала на это. «Наши закупки диверсифицируются, и мы удовлетворяем свои потребности из любых источников, мы диверсифицируем источники наших закупок сейчас и будем делать это дальше. Мы также стараемся производить как можно больше в своей собственной стране, и мы обычно производим закупки у тех, кто соглашается предоставить нам технологию, а это означает – у тех, кто желает способствовать достижению нами нашей цели – опоры на собственные силы»²².

Научные Записки ПИР-Центра №17

В наращивании своих вооруженных сил в девяностые годы Индии пришлось столкнуться с трудностями политического характера, вызванными глобальными процессами этого времени.

Прежде всего это касается событий в СССР, приведших к его ликвидации. С 1992 г. поставки советского оружия и военной техники начали резко сокращаться вместе с объемом товарооборота между двумя странами, который за три года – с 1990-го по 1993 г. уменьшился в пять раз. И связано это было прежде всего не с каким-то особым политическим курсом по отношению к Индии и Южной Азии, а, скорее, с полным отсутствием какого-нибудь курса вообще. За первые два года после распада Советского Союза российская дипломатия в короткое время утратила позиции, которые завоевывались десятилетиями и казались незыблемыми.

Все эти перемены не замедлили сказаться на индийском ВПК. Ввиду непрекращающегося наращивания военного потенциала Пакистана Индия также всячески усиливала свои вооруженные силы. Традиционный поставщик вооружений практически *вышел из игры* (та же ситуация, что и у Пакистана), и Индии приходилось в начале девяностых годов искать другие источники, хотя и российские поставки полностью не прекратились. Здесь у Индии был большой выбор. К тому же страна достигла значительных успехов в деле достижения самообеспечения боевой техникой. В Индии создана техническая база для производства самых различных видов вооружений.

Создание автономной национальной военно-промышленной базы всегда рассматривалось индийским руководством как важнейший элемент достижения статуса великой державы. Политика опоры на собственные силы и стремления к замещению импорта развитием собственного производства в военной сфере получила новый импульс после прихода к власти правительства во главе с Индийской народной партией, и она находит самый широкий положительный отклик в общественном мнении.

Премьер-министр Атал Бихари Ваджапай в выступлении по окончании визита в Индию в мае 2001 г. первого заместителя госсекретаря США Ричарда Армитаджа высказался по данной проблематике²³. Он заявил, что Индия

привержена цели создания отечественной базы производства различных систем вооружений. Индия, сказал премьер, намерена и в дальнейшем сокращать зависимость от импорта, так как «мы имеем горький опыт в прошлом». Не совсем понятно, что имел в виду премьер, хотя можно предположить, что он говорил о проблемах с поставками из России в начале девяностых годов.

Сейчас (с учетом лицензионного производства) Индия изготавливает почти 40% военной техники, находящейся в ее вооруженных силах. Наряду с ростом общих военных расходов увеличиваются и относительные затраты на военные НИОКР. В бюджете на 1998–1999 гг. предусматривались расходы на эти цели в размере 4,9% от общей суммы военных расходов (в 1997–1998 гг. – 4,2%). В 1999–2000 гг. данный показатель достиг уже 10%²⁴. Разработка отечественных вооружений и военных технологий ведется по линии всех видов и родов вооруженных сил. Выпуском продукции прямого военного назначения занимаются 39 государственных и 8 крупнейших частных компаний²⁵. Разработка отечественных проектов, как и вообще все военные НИОКР, осуществляется централизованно, под эгидой Организации оборонных исследований и развития (ДРДО – DRDO, *Defense Research and Development Organization*). Директором ДРДО до последнего времени являлся видный ученый, *отец* индийской атомной бомбы д-р Абдул Калам, пользующийся значительным влиянием среди правящей элиты страны.

Из отечественных проектов одним из наиболее известных является проект создания собственного, индийского, танка. Начало его разработки относится еще к первой половине восьмидесятых годов. Танк, получивший название *Арджун*, увидел свет в середине девяностых годов, но с того момента к лету 2001 г. было выпущено только 15 экземпляров²⁶ в основном для показа на параде в целях демонстрации достижений отечественного ВПК. Конструктивные недостатки танка не позволяют пока принять его на вооружение и начать серийное производство, поскольку *Арджун* в его настоящем виде не может стать полноценной заменой *T-72*, почти 2000 которых Индия имеет на вооружении. Последние договоренности с Россией относительно приобретения *T-90* стали, похоже, реквиемом по программе выпуска *Арджуна*, а по данным *Jane's Defence Weekly*²⁷, командование

Научные Записки ПИР-Центра №17

сухопутных сил вообще считает его серийное производство нецелесообразным. Таким образом, попытка создания в Индии потенциала собственного танкостроения потерпела на данном этапе серьезную неудачу и в ближайшей перспективе Дели будет, по-видимому, продолжать импортировать танки или производить их по лицензии. Индийские СМИ, хотя и призывают не терять оптимизма в отношении дальнейшей судьбы этого проекта, признали не так давно, что *Арджун* не только конструктивно неудачен, но и не является, строго говоря, танком собственной разработки²⁸. Правительство тем не менее одобрило программу выпуска в ближайшие годы 124 экземпляров, но военное ведомство пока на этот счет предпочитает умалчивать.

Помимо танка *Арджун* индийские конструкторские бюро создали ряд артиллерийских систем, в том числе РСЗО *Пинака*, о чем было официально объявлено в 1997 г.²⁹ После ряда всесторонних испытаний этой системы министр обороны Джордж Фернандес в декабре 1999 г., повествуя в парламенте об успехах военной промышленности Индии, заявил о скором принятии ее на вооружение³⁰, что действительно представляется реальным в ближайшие несколько лет. В соответствии с имеющимися планами предполагается каждый год комплектовать один полк этих систем.

Большое внимание уделяется в Индии авиастроительным программам. Особое место занимает разработка проекта легкого многоцелевого истребителя LCA (*Light Combat Aircraft*, легкий боевой самолет). Недостаточное финансирование (за 1995–1998 гг. в проект, по данным министерства обороны страны, было вложено всего 43,5 млн долл.³¹) приводит к тому, что программа все еще весьма далека от завершения. Первый экземпляр самолета был собран в ноябре 1995 г. и с того времени прогресс был минимален, что не помешало вооруженным силам сделать заказ на 120 единиц для флота и 12 для ВВС³². Только в начале 2001 г. было проведено, наконец, его полноценное летное испытание в Бангалоре. В случае начала его серийного производства выпуск может достигнуть 400 единиц для замены *MiG-21*, *-23* и *-27*. Военное руководство страны признало недавно, что самолет может быть принят на вооружение не раньше 2015 г.³³, но поскольку даже сейчас, по мнению западных специалистов, многие характеристики LCA оставляют желать

лучшего (скорость явно недостаточна, морально устаревший планер, малая боевая нагрузка и т.д.), то ясно, что к указанному сроку самолет окажется устаревшим еще до начала его серийного производства. Даже если Дели и доведет до конца проект LCA, страна не получит независимого потенциала самолетостроения, так как данная разработка включает широкий набор импортных компонентов, для большей части которых индийцы оказались не в состоянии найти отечественный эквивалент. К тому же очень сомнительно, чтобы LCA стал действительно тем самолетом, который отвечал бы насущным требованиям ВВС в настоящее время и тем более в перспективе. Таким образом, попытка ВПК Индии обеспечить себя собственным боевым самолетом также стала неудачной, и большие контракты по закупке самолетов и технологий их производства в России – свидетельство того, что индийцы не надеются на свою промышленность в деле конструирования самолета, который действительно удовлетворял бы растущие потребности ВВС страны, причем даже сами индийские обозреватели вынуждены это признавать³⁴. На этом фоне едва ли следует принимать всерьез заявления индийцев о намерении создать самолет по технологии *Stealth* (несколько статей в *Hindustan Times* и *Times of India* летом 1998 г., где говорилось, правда, только о том, что на данном направлении «ведутся исследования». – *А.Ш.*), хотя эти заявления имели довольно широкий резонанс в мировой периодике и специальной литературе. Достаточно напомнить, что такой технологией не обладают даже очень развитые в сфере авиационных технологий державы – Великобритания, Франция, Россия. И уж тем более нереально создание Индией в обозримом будущем космической системы многоцелевого использования, о возможности чего иногда появляются сообщения.

Трагическим фиаско окончилась индийская программа разработки авиационной системы дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО, в англоязычной литературе – AWACS или AEW). Оба самолета *BAe-748*, собранные по лицензии *British Aerospace* и оснащенные радаром индийского производства, разбились во время летных испытаний – один летом 1998 г., а другой в январе 1999 г., по всей видимости, из-за недостаточного учета аэродинамических параметров³⁵. Сама по себе потеря уже почти готовых самолетов была для ВВС очень неприятной, но не фатальной. Связанная с этим задержка в программе

Научные Записки ПИР-Центра №17

срывала многие планы, но тоже была в принципе преодолима. А вот высококлассных специалистов, погибших вместе с самолетами, заменить было некем. Видимо, теперь отечественная разработка самолета ДРЛО откладывается на долгое время, и не в последнюю очередь из-за этих катастроф командование начало склоняться к закупке подобных систем за рубежом (российские *A-50*, оснащенные израильской системой *Falcon*).

Значительно больше преуспела Индия в деле создания вертолета, хотя тоже спроектированного не без участия иностранных компаний. Начало программы относится к 1984 г., когда был подписан контракт с западногерманским концерном *MBB* о совместном проекте вертолета³⁶. Новый вертолет *ALH (Advanced Light Helicopter)* в настоящее время заканчивает интенсивные летные испытания, включающие посадку на палубу кораблей, и уже на вторую половину 2001 г. было запланировано начало его поточного производства. Завершение этой программы, по всей видимости, запаздывает, но если это и так, то все равно для окончательного принятия *ALH* на вооружение потребуется, по-видимому, 1–2 года. Вероятно, Индия станет первой страной *третьего мира*, создавшей собственный вертолет, который уже называется в качестве возможной замены вертолетов *Ka-25* и *Четак* (изготавливаемого по лицензии французский *Alouette-3*) для индийских ВМС³⁷. Сумели индийцы построить и свой беспилотный самолет-разведчик *Низиант* и самолет-мишень *Лакшья*, которые впервые были продемонстрированы на авиашоу в Бангалоре в 1998 г., а *Низиант* с апреля–мая 2001 г. применяется в борьбе с кашмирскими боевиками³⁸.

С 1984 г. *Хиндустан Аэронотикс Лимитед* производит учебно-тренировочный самолет *Киран* полностью индийской конструкции, неплохо зарекомендовавший себя. С шестидесятых по девяностые годы производился самолет этого же класса *Дунак*. Эти самолеты, впрочем, уже не соответствуют всем необходимым требованиям подготовки пилотов даже для таких машин, как *MiГ-27* или *Jaguar*, не говоря уже о *Sy-30* или *Mirage-2000*.

Одним из приоритетов в создании национальной военно-промышленной базы для Индии, особенно после *нуклеаризации* страны, является ракетная техника. Главным

достижением в этой области стало изготовление баллистических ракет. Помимо баллистических ракет средней дальности индийские КБ создали целый ряд других ракетных систем. На последнем этапе разработки находятся зенитные ракетные комплексы (ЗРК) *Акаш* и *Тришул*, завершающие испытания на полигоне ВМС *Дроначарья* близ города Вишакхапатнам, штат Андхра Прадеш. *Тришул*, программа по разработке которого была начата в конце восьмидесятых годов, по заверениям индийцев, является полностью отечественной системой. Этот ЗРК предназначен как для сухопутных сил, так и для флота, по крайней мере вице-адмирал Мадхавендра Сингх заявил о намерении ВМС в 2001 г. оснастить *Тришулом* недавно вошедший в строй фрегат *Брахмапутра*³⁹.

В Индии уже довольно давно производятся по лицензии ПТУР *MILAN (Missile d'Infanterie Léger Antichar)* (Франция) и *Конкурс* (Россия), однако неоднократно сообщалось о самостоятельной разработке ракеты этого класса. Отечественная ПТУР *Наг* концерна *Хиндустан Аэронотикс Лимитед* прошла к концу 2000 г. шесть летних испытаний. Основную проблему в данном случае представляет проектирование системы самонаведения ракеты (лазерная полуактивная головка), и вряд ли пока можно говорить о скором принятии *Наг* на вооружение, но индийцы уже сконструировали пусковую установку для ее запуска с вертолета *Четак* и перспективного *ALH*⁴⁰.

Стрелковое оружие, которое в вооруженных силах Индии было до недавнего времени представлено импортными или собранными по лицензии образцами, стало включать и отечественные модели. С 1997 года в Индии производится автомат ИНСАС (*INSAS – Indian Small Arms System*, индийская система стрелкового оружия), изготавливаемый в настоящее время на фабрике в Икчапуре, штат Западная Бенгалия, в нескольких модификациях в количестве до 80 тыс. штук в год. Всего пока было выпущено около 200 тыс. автоматов. Поэтому можно говорить о том, что в Индии появился отечественный потенциал разработки систем стрелкового оружия, и в будущем, вероятно, Индия может даже перейти к его экспорту.

Серьезный прогресс достигнут в Индии в области производства различного военного снаряжения, а также боеприпасов (оно имеет и давние традиции: первая фабрика по

Научные Записки ПИР-Центра №17

производству боеприпасов была открыта еще в 1801 г. в Коссипуре близ Калькутты, а название знаменитых разрывных пуль *дум-дум* происходит от названия деревни также недалеко от Калькутты, где они производились. – *А.Ш.*). Отечественные предприятия удовлетворяют большую часть потребностей армии, например в 125-мм снарядах для танковых пушек, преимущественно по российским лицензиям, но некоторые типы снарядов созданы индийскими КБ. Кроме того, Индия наладила широкомасштабный выпуск самостоятельно разработанных военных грузовиков и колесных тягачей (производство концерна *Tata*), которые Дели даже поставляет в соседние страны – Шри-Ланку, Бангладеш, Непал.

Индия, таким образом, производит (пока в основном по лицензии) достаточно много наименований самых различных типов вооружений. Вполне можно ожидать, что в течение следующих 10–15 лет страна добьется еще больших успехов в этой области и начнет масштабный выпуск вооружения и военной техники собственной разработки. В этом случае Индия имеет неплохие шансы в будущем попасть в число ведущих экспортеров оружия, которое могут покупать государства либо небогатые, либо лишенные доступа к импорту из стран Запада или России по политическим причинам, либо зависимые от Дели экономически (как, например, малые страны Южной Азии). По этой причине степень влияния импорта вооружений на общий процесс военной эскалации в регионе станет в перспективе заметно меньше.

Несмотря на очевидные достижения индийского ВПК, не следует, впрочем, преувеличивать его возможности на современном этапе, и пока можно говорить только о прогрессе в масштабах развивающегося мира. Примером служит неспособность Индии самостоятельно создать даже такой относительно низкотехнологичный вид техники, как танк, или история с LCA, который по своим параметрам может соответствовать в лучшем случае тому, что СССР, США или Западная Европа имели в конце шестидесятых годов. Можно предположить, что и сами индийцы не рассчитывают на скорое получение на вооружение этих образцов и продолжают их доработку только в целях обеспечения работой своих КБ и поддержания национального престижа. Продолжение разработки этих проектов не в последнюю очередь, видимо, вызвано соответствующим лоббированием со стороны ДРДО как главного и единственного

куратора военных исследований. Согласно докладу, подготовленному в рамках американской Программы стратегических оценок, осуществляемой силами разведслужб США, несмотря на все массивные капиталовложения, Индии понадобится еще как минимум 10 лет для того, чтобы добиться «необходимого уровня самообеспечения»⁴¹, при этом, как считают американцы, речь может идти не о самодостаточности, а только о сокращении зависимости от иностранных поставщиков. В сфере высокотехнологичных проектов индийские КБ ведут серьезные исследования, но ведь исследования и промышленный выпуск – это совсем не одно и то же.

Пакистан, однако, не располагает даже и этим. Вооруженные силы страны привязаны к импорту несравненно больше, чем индийские. Исламабад также выпускает военную технику по лицензии, но в значительно меньших масштабах. Хотя и Пакистан добился на данном направлении определенных результатов и проведенные им испытания баллистических ракет – неплохой тому пример. Страна является, как и Индия, одним из лидеров *третьего мира* в военной области. К тому же Пакистан, как и Индия, стал экспортером военной техники, а неплохие наработки по ее лицензионному выпуску вполне позволят в перспективе перейти к самостоятельному проектированию.

Российско-индийское военно-техническое сотрудничество в конце XX – начале XXI века

Перерыв в российско-индийском ВТС оказался не очень продолжительным. С 1993 г. российско-индийские отношения вновь начали налаживаться. В продажах оружия Индии видели выгоду обе стороны, и в этой области снова наметилась интенсификация. Индийская сторона постаралась возможно скорее договариваться о дальнейших закупках. Россия снова поспешила на индийский рынок.

Российско-индийские сделки и договоренности в военной сфере достигли поистине небывалого размаха со второй половины девяностых годов. Заинтересованность в ВТС с Россией у Индии остается огромной. «Никто, кроме России, в течение десятилетий на 70% обеспечивавшей оборонные потребности Индии, сейчас не в состоянии удовлетворить ее растущие военные аппетиты», – заметил первый замминистра обороны А. Кумар в преддверии визита в Москву министра иностранных дел Индии Джасванта Сингха летом 2000 г.⁴²

Научные Записки ПИР-Центра №17

Контракты между Россией и Индией во второй половине девяностых годов были значительны. Благодаря сотрудничеству с нашей страной Индия получила большое количество самой передовой техники и имела возможность осуществлять значительные структурные изменения своих вооруженных сил.

В 1996 г. был подписан контракт по модернизации 130 индийских самолетов *МиГ-21*. Поставки запчастей для них, прерванные в начале девяностых годов, были восстановлены, хотя и в дальнейшем отмечались перебои. (В этой связи индийская сторона неоднократно обращалась с просьбой о создании в Индии резервного склада запчастей.) Модернизация, которая позволит продлить срок службы самолетов на 10–15 лет, началась двумя годами позже и проходит как в России, так и в Индии. В 1999 г. стороны включили в это соглашение поставку нового оборудования.

В ноябре 1996 г. в Иркутске индийская делегация и *Росвооружение* подписали ставший широко известным контракт о закупке Индией 40 самолетов *Су-30* на сумму в 1,8 млрд долл. Уже в 1997 г. индийцы получили первые восемь машин, а полное завершение поставок планировалось на 2000 г. В связи с новыми требованиями покупателя в отношении бортового радиоэлектронного оборудования (которое будет в значительной степени поставляться из Франции и Израиля) этот срок был перенесен, однако, на 2002 г. Контракт был дополнен в ноябре 1998 г.: число самолетов увеличено до 50. (*Су-30* в настоящее время составляют одну эскадрилью (24-я эскадрилья *Хантинг Хокс*), размещенную близ г. Пуна. – *А.Ш.*) В ноябре 1997 г. была достигнута договоренность о передаче Индии лицензии для производства 140 *Су-30*, а в конце 2000 г. был подписан соответствующий контракт, ставший самой крупной сделкой в истории российско-индийских военных связей вообще – сумма его достигает 3 млрд долл.⁴³ Радиус действия *Су-30* может достигать 3000 км, правда, с уменьшенной нагрузкой. Это позволит самолетам достигать в принципе любого объекта на территории Пакистана. Вообще, в радиусе их действия оказывается значительная часть всего региона.

В 1996 г. Индия начала получать, в соответствии с контрактом того же года, зенитные самоходные установки *Тунгуска*. Всего к 1999 г. их было поставлено 12 единиц. Таких систем нет в настоящее время ни у

одной другой страны, поскольку пока только Россия смогла создать подобную машину. Артиллерийский парк Индии существенно пополнился в результате поставок российских 130-мм пушек М-46, начавшихся в 1997 г.

В течение 1997–2000 гг. стороны произвели интенсивный обмен визитами на различных уровнях, в ходе которых обсуждалась дальнейшая интенсификация военно-технических связей. Эти визиты в значительной степени формализовали и окончательно оформили в виде контрактов и меморандумов переговоры последних лет. Министр обороны Игорь Сергеев находился в Индии с визитом в марте 1999 г. Его индийский коллега Джордж Фернандес нанес ответный визит в апреле 2000 г. Тогда индийцами было объявлено о решении правительства закупить партию из 310 танков *T-90* на сумму в 750 млн долл., что индийцы, впрочем, обсуждали в течение более чем двух лет до того. 124 танка планируется поставлять в 2002–2003 гг., а еще 186 должны быть изготовлены по лицензии на заводе в г. Авади на замену *T-72*. Всего ими будут оснащены пять полков. Первая партия из 80 танков поступила на вооружение в декабре 2001 г.⁴⁴ Индийский министр обороны не так давно заявил, что эти *T-90* «существенно увеличат наступательную мощь индийской армии и нейтрализуют угрозу, связанную с приобретением Пакистаном танков *T-80* у Украины»⁴⁵. Во время визита первого вице-преьера Ильи Клебанова в Дели в ноябре 1999 г. эта сделка обсуждалась весьма подробно, так же, как и возможность лизинга систем ДРЛО *A-50*, четырех бомбардировщиков *Ту-22* и продажи зенитно-ракетных комплексов *C-300*.

В марте 2000 г. в Индию по контракту 1995 г. пришла партия управляемых артиллерийских снарядов *Краснополь*, относящихся к категории высокоточного оружия. В мае стороны подписали контракт о поставке Индии 40 вертолетов *Ми-17*. Масштабные договоренности были достигнуты по линии ВМС.

Интенсификация российско-индийских контактов получила дальнейший импульс в результате обмена визитами на высшем уровне. Российский президент Владимир Путин находился в Индии 2–4 октября 2000 г., при этом стороны подписали Декларацию о стратегическом партнерстве. Подписание во время визита документа о продлении

Научные Записки ПИР-Центра №17

Программы российско-индийского военно-технического сотрудничества до 2010 г. и достижение договоренности о создании совместной Рабочей группы по ВТС, по словам Атала Бихари Ваджапаи, «подтвердили одно – что Россия является преданным другом Индии»⁴⁶ и заложили неплохую основу для еще большего расширения контактов в этой области.

Индийский премьер нанес ответный визит в Россию 4–7 ноября 2001 г.

Как и раньше, на индийском рынке вооружений присутствуют не только российские поставщики. Дели достаточно интенсивно развивает военные связи со странами Западной Европы.

Небывалую активность проявляет Франция. Многие *MuГ-21*, проходящие модернизацию в Индии, оснащаются французскими электронными системами, кроме того, и индийские *Su-30* получают французское оборудование. В феврале 2000 г. Париж предложил Индии многоцелевой самолет *Rafale*. Возможная поставка *Rafale*, по мнению газеты *Hindu*⁴⁷, едва ли будет крупной, поскольку этот самолет еще как следует не освоен даже самими французами. Тот факт, что на Всемирной военно-морской выставке в Бомбее в феврале 2001 г. ВМС Франции представляла атомная подводная лодка *Perlé*, для некоторых обозревателей стал поводом заявить, что, возможно, Париж намекает Индии об аренде АПЛ (в рамках программы создания собственной атомной подлодки) не у России, а у Франции⁴⁸.

Великобритания также продолжает помогать наращивать Индии свои военные силы. В 1996–1999 гг. у концерна *British Aerospace* и фирмы *Whitehead* был приобретен ряд радарных и электронных систем. Для оснащения ВВС имеются намерения, в соответствии с договоренностью, достигнутой с *British Aerospace* в сентябре 2000 г., продолжать импорт учебно-тренировочных самолетов *Hawk* (в общем планируется закупить 66 единиц). Однако в последнее время с реализацией данного контракта возникли серьезные затруднения. После переговоров с британцами в августе 2001 г. министерство обороны Индии решило приостановить его действие, пока экспортеры не предьявят более приемлемые ценовые условия⁴⁹. В этой связи внимание индийцев

вновь привлек российский *MuГ-AT*, оснащаемый французской авионикой.

Продолжает присутствовать в вооруженных силах Индии и шведская техника. В 1998 г. были закончены поставки артиллерийских систем фирмы *Bofors* (155-мм буксируемые гаубицы *FH-77B*, по многочисленным отзывам, отлично проявившие себя во время Каргильского конфликта). Остаются на вооружении сухопутных войск шведские безоткатные 84-мм орудия *Karl Gustaf*.

Новым *гостем* стал на индийском рынке Израиль, предложивший в 1998 г. большой спектр систем – беспилотные самолеты-разведчики, электронное оборудование для боевых самолетов, системы ДРЛО. С учетом масштаба контракта, заключенного с Израилем летом 2001 г., можно полагать, что Тель-Авив имеет возможность стать в ближайшее время одним из основных поставщиков вооружений в Индию, может быть, выйдя на второе место после России по совокупной стоимости контрактов. Израильские экспортеры уже строят большие планы на будущее. В то же время у израильтян вызывает некоторое беспокойство перспектива расширения ВТС Индии с США, что, по мнению прессы, «может потеснить Израиль на индийском рынке»⁵⁰.

Современное состояние индийских сухопутных сил и ВВС. Военное планирование

В 2001 г., после всех приобретений последних лет, сухопутные и военно-воздушные силы Индии имели следующий состав (данные на начало 2001 г. по индийскому ежегоднику «Вооруженные силы Индии»).

- Личного состава 1100 тыс. человек, из них в ВВС – 130 тыс. (всего в вооруженных силах 1 млн 163 тыс. человек). Резерв сухопутных сил насчитывает 300 тыс. резервистов первой очереди и 500 тыс. – второй очереди. Все это – без учета примерно 250 тыс. бойцов военизированных частей (на которых могут быть возложены функции поддержания порядка на захваченных в ходе боевых действий территориях, и, таким образом, регулярные части высвобождаются для выполнения своей основной задачи).
- Танков 3400 (63 бронетанковых полка). Это число включает: более 1900 *T-72* в основном лицензионной сборки, чуть больше 1000 *Виджаянта*, и около 700 модифицированных *T-55*. Индийские данные, как правило, учитывают и 13–15

Научные Записки ПИР-Центра №17

Арджунов (якобы один полк), но, конечно, и речи не может быть об их реальном включении в боевой состав. В резерве страна держит еще 1400 танков – 200 *T-55* и 1000 *Виджаянта* (всего в сухопутных войсках имеется 2141 *Виджаянта*), а также *ПТ-76* и около сотни французских *АМХ-13* пятидесятих годов выпуска.

- Легкой бронетехники около 2500 единиц. Более 90% – российские образцы: 700 БМП-1, 900 БМП-2 (индийской сборки), 110 БРДМ-2 с противотанковыми ракетами, 700 различных гусеничных тягачей и транспортеров, в основном ОТ-62 чехословацкого производства. 100 устаревших разведывательных машин *Ferret* представляют британскую технику.
- Боевых самолетов 835 (40 эскадрилий), т.е. больше, чем у таких держав, как Англия, Франция или Германия. Сюда входят 326 *MiG-21* индийского производства⁵¹, 93 *MiG-23* и 189 *MiG-27* всех модификаций, 69 *MiG-29* и 8 *MiG-25*, один из которых нарушил воздушное пространство Пакистана в конце 1997 г. Также имеется 18 (на лето 2001 г.) *Su-30*, 40 *Mirage-2000* и 100 *Jaguar* двух модификаций, преимущественно местного производства. Ко всем этим машинам следует добавить еще 154 учебно-тренировочных самолета, способные при необходимости использоваться в качестве боевых (в их числе есть и несколько *MiG-29*), следовательно, общее количество боевых самолетов может превышать 1000. В военно-транспортной авиации числится 232 самолета (*Ил-76*, *Ан-32*, британские и немецкие *ВАе-748* и *Do-238* местной лицензионной сборки).
- Вертолетов ВВС 290, из них 40 боевых – по 20 *Mi-25* и *Mi-35*. Остальные, за небольшим исключением, – *Mi-8*, *Mi-17* или *Mi-26*. В подчинении сухопутных сил 300 вертолетов *Четак* и *Чита*, производимых по французской лицензии.
- Артиллерийских систем всех видов 3000–3200 (185 полков). Орудия советского и российского производства представляют пушки *M-46* и *D-30* (1200 и 550 соответственно), РСЗО *Град* (около 150 единиц) и *Смерч* (поставка 20 штук ожидается в самое ближайшее время, но они уже включены в списки). Также – 1300 орудий разнообразных британских систем и 410 шведских гаубиц *FH-77В*. Последние индийские данные называют 30 отечественных РСЗО *Пинака*, хотя, по-

видимому, их еще нет в войсках, ибо ни английские, ни американские издания пока не говорят об этом. Самоходной артиллерии, по мнению индийцев, недостаточно – 80 единиц 105-мм *Abbot*.

По сравнению с концом восьмидесятых годов увеличение численности личного состава довольно незначительно. Индия, так же как и Пакистан, предпочитает изменять качественные показатели своих войск. Число танков увеличилось, резко возросло и число самолетов. Конечно, пока в ВВС много самолетов старых образцов (*MiG-21*), но в любом случае Индия имеет 200–250 самолетов вполне современных моделей, представляющих значительную силу. Важно и то, что Индия стала не только крупным покупателем оружия, но и производителем. Заметна масштабность программ по достижению самообеспечения в военной сфере, особенно по сравнению с Пакистаном, и в этой области достигнуты неплохие результаты. Сами индийцы утверждают, что военный потенциал страны за последнее десятилетие вырос вдвое⁵².

Военное планирование Дели на 15–20 лет вперед отличается широким размахом замыслов. В конце 2000 г. командование подготовило Перспективный план развития ВВС на период до 2020 г. При его составлении «принимались во внимание как угроза со стороны Пакистана, так и важные изменения в доктрине НОАК, а также более агрессивные шаги во внешней политике Китая»⁵³. Согласно этому плану, предполагается закупка 350 боевых самолетов, достаточных для укомплектования 20 эскадрилий, при этом, конечно, столько же устаревших самолетов будет списано, в первую очередь *MiG-21*. Приоритет будет отдан приобретению таких типов, как *Su-30* и *Mirage-2000* (во исполнение этого плана в конце 2000 г. французский концерн *Dassault* получил от Индии заказ на 10 *Mirage* дополнительно к уже имеющимся⁵⁴). Но и устаревшие самолеты *MiG-21* должны оставаться в строю еще 10–12 лет при условии, что все они будут модернизированы в соответствии с намеченными программами, и последний *MiG-21* предназначен к списанию лишь в 2015 г. Как мера по усилению боеспособности ВВС называется приобретение самолетов ДРЛО – российское оборудование на *A-50* по ряду причин не удовлетворяет индийцев, и теперь речь идет об аналогичной израильской системе *Falcon* – и закупка боевых вертолетов. Две системы ДРЛО должны быть

Научные Записки ПИР-Центра №17

введены в строй в 2003 г.⁵⁵ То есть дальнейшее развитие ВВС будет осуществляться практически полностью за счет импорта. Определению основных направлений данного плана существенно помогла возможность применить авиатехнику в реальном бою во время Каргильского кризиса. Тогда самые лучшие отзывы заслужили, например, *Mirage-2000* и вертолет *Mi-17*.

В 2000 г. под руководством начальника штаба сухопутных сил генерала С. Падманабхана был также выработан план развития сухопутных сил⁵⁶. В основе его лежит идея о вводе в строй 310 танков *T-90* в качестве главной ударной силы армии, причем срок их службы может достигнуть, как предполагается, 30 лет и более. Предусматривается повышенное внимание к модернизации техники и стандартизации ее образцов.

Таким образом, видно стремление Индии к всемерному усилению своих сухопутных и военно-воздушных сил. Здесь можно сделать ряд обобщений.

Первое: индийский военный потенциал постоянно и очень быстро растет. Вооруженные силы Индии в настоящее время достигли уровня наиболее мощных и многочисленных в развивающемся мире, при этом очевидно, что индийцы не намерены останавливаться на достигнутом и планируют дальнейшие меры по увеличению военной мощи государства.

Второе: несмотря на известные трудности в развитии отечественных проектов в военной сфере Индия добилась значительной степени самообеспечения системами вооружения и комплектующими для своей армии.

Третье: хотя Индия и пытается сократить зависимость от импорта путем самообеспечения, потребность в закупках остается очень высокой. Тут Индия предпочитает пока что традиционного поставщика – Россию, хотя, как и раньше, пробует налаживать контакты с другими. Несмотря на то что доля военной техники, производимой на отечественных предприятиях, достигает 40% от всего ее парка (этот показатель включает и технику, делаемую по лицензии), закупки оружия крайне велики. Индия постоянно удерживает одно из первых мест в списке импортеров оружия в мире по совокупной стоимости закупок. В ежегодном заявлении Постоянного

комитета парламента Индии 1996 г. было заявлено, что к 2005 г. вооруженные силы будут зависеть от импорта только на 30%⁵⁷, и с тех пор эта фраза стала очень популярной в СМИ, но вряд ли это осуществимо даже с учетом успехов политики «опоры на собственные силы». Финансовые соображения играют здесь явно не последнюю роль – дает себя знать, конечно, то, что Индия остается крайне бедной страной с острыми социальными проблемами.

Гонка и эскалация сухопутных вооружений в Южной Азии, таким образом, очевидны, причем в последние два–три года, по всей видимости, начался новый – *послекаргильский* – виток этой эскалации, связанный не в последнюю очередь с возрастающими внешнеполитическими амбициями Индии и Пакистана и очередным ухудшением их отношений. Причем Индия в последнее десятилетие имеет целью господство над всем регионом Индийского океана, и с этой целью приоритетное значение она стала все больше придавать своим военно-морским силам.

Военно-морская эскалация

Со второй половины восьмидесятых годов гонка вооружений в Южной Азии приобрела новую составляющую. Этот качественно новый элемент региональной эскалации вооружений означает, что гонка вооружений между Индией и Пакистаном уже перешагнула технологические лимиты, характерные для развивающегося мира. Этот новый элемент – гонка морских вооружений.

Индия имеет весьма важные причины наращивания флота. Она обладает огромным по протяженности морским побережьем, ее морская граница длиной почти в 7000 км достаточно уязвима и защищена пока слабо. К тому же Индия имеет и островные территории, далеко отстоящие от материка. Морская торговля имела для страны во все времена крайне важное значение. Основная часть внешней торговли, особенно нефтью, идет сейчас через морские порты. На континентальном шельфе Индии обнаружены значительные запасы нефти и газа. Индия ведет интенсивный лов рыбы по всему Индийскому океану. По этим причинам вопросы контроля над прилегающими водами и создания необходимой военной инфраструктуры занимали важное место в политике страны с самого момента завоевания независимости.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Тот факт, что Индия с трех сторон омывается Индийским океаном, равно и как ее географическое положение, кажутся многим индийским авторам вполне достаточным обоснованием для ускоренных темпов наращивания военно-морской мощи. Известный индийский аналитик Дж. Бандйопадхья по этому поводу утверждал: «Географическое положение Индии сделало неизбежным то, что ее политические, торговые и культурные связи должны в первую очередь опираться на океанические коммуникации как в настоящее время, так и в будущем. Другими словами, политические и экономические отношения Индии, как и ее безопасность, попадают в жизненную зависимость от ее господства над Индийским океаном...»⁵⁸. Лозунг, выдвинутый Джавахарлалом Неру: «Если мы хотим господствовать на суше, мы должны владеть морем», является официальным девизом ВМС Индии.

Вообще, среди индийских ученых и политических деятелей давно сложился полный консенсус относительно жизненной важности для Индии достижения контроля над Индийским океаном – если не над всей его акваторией, то, во всяком случае, над северной ее частью. Господство над океаном представляется индийскому руководству одним из наиболее важных компонентов (обычно в сочетании или наряду с ядерным статусом) в становлении Индии как великой державы. Активное развитие военно-морских сил полностью отвечало бы великодержавной концепции, выработанной индийской элитой в последние десятилетия. Развитие ВМС может в определенной степени служить, как утверждают специалисты, компенсации «чувства военной неполноценности», ибо среди индийских ученых и политиков существует мнение, что Индия попала под британское колониальное господство «из-за утраты древних морских традиций», которые необходимо, следовательно, возродить⁵⁹.

Таким образом, не кажется удивительным стремление Индии создать флот, размеры и мощь которого позволяли бы постоянно держать вдали от берегов значительные морские силы. К тому же мощный военно-морской флот может быть одним из наиболее действенных средств проецирования военной мощи в различные точки региона и за его пределы.

Военно-морская программа Индии развивается, по сравнению с прочими программами военного строительства, особенно быстро. В последнее десятилетие Индия наращивала свой морской потенциал самыми усиленными темпами. В настоящее время Индия имеет одну из наиболее амбиционных кораблестроительных программ в мире.

В 1971 г. личный состав индийского военно-морского флота насчитывал менее 20 тыс. человек, из них 1800 офицеров. Корабельный состав имел всего 87 кораблей, из них боевых – не больше 60. Это были четыре подводные лодки (все – советской постройки, проекта 641), один авианосец, два крейсера, три эскадренных миноносца, 14 фрегатов и ряд более мелких кораблей. С тех пор флот значительно увеличился и количественно, и качественно. (Возможно, не последнюю роль в поддержке кораблестроительной программы в конце восьмидесятых годов играло и то, что председателем комитета начальников штабов Индии тогда был моряк, адмирал Р.Х. Тахилиани). После принятия в 1986 г. программы морского строительства флот значительно пополнился.

К концу восьмидесятых годов в личном составе военно-морских сил Индии числилось около 52 тыс. человек. На вооружении у него было: 14 дизельных подводных лодок, два авианосца, пять эсминцев, 22 фрегата, 45 тральщиков и вспомогательных кораблей. Налицо значительный качественный сдвиг. *Во-первых*, резко увеличилось число подводных лодок, оба крейсера – *Майсур* (бывший английский *Nigeria*) и *Делу* (бывший английский *Achilles*) были выведены из состава флота, ибо они являлись крайне устаревшими еще на момент их продажи Индии, так как оба были построены в конце тридцатых годов. Их заменили эсминцами советского проекта 61.

Согласно утвержденному на 2001–2002-й финансовый год бюджету, ВМС получит примерно 20% военного бюджета, это 42,6 млрд рупий, или 920 млн долл. Из указанной суммы 22,5 млрд должны быть израсходованы на закупки военных кораблей. Ударный потенциал ВМС Индии растет в последние годы очень высокими темпами. Концепция создания флота, господствующего в Индийском океане, предполагает наличие в его составе значительного количества надводных кораблей, могущих контролировать морской театр и обеспечивать военно-морское

Научные Записки ПИР-Центра №17

присутствие Индии в его различных точках. (Для реализации такой концепции и была принята программа морского строительства 1986 г.). В соответствии этим ввод в строй крупных надводных кораблей в девяностые годы приобрел почти беспрецедентный размах даже по параметрам развитых стран. Роль импорта при этом исключительно велика, но Индия все увереннее заявляет о себе и как независимый кораблестроитель.

В настоящее время в России в Санкт-Петербурге идет постройка для Индии трех больших противолодочных кораблей проекта 1135 (в ВМС Индии они будут значиться как фрегаты), а с 1999 г. обсуждается возможность постройки в будущем еще трех⁶⁰, не исключено, что и по лицензии – на индийских верфях (в англоязычной литературе эти корабли, как правило, именуется по их кодовому названию, принятому в НАТО – *Krivak*.) Ввод в строй первого из них по плану намечен на конец 2002-го или начало 2003 г.

С целью создания мощного сбалансированного океанского флота Индия усиленно развивает подводные силы. Опыт эксплуатации подлодок индийцы имеют еще с 1960-х гг., а в настоящее время благодаря приоритетному вниманию со стороны военной элиты подводный флот Индии стал наиболее мощным и современным в развивающемся мире. Да и многие развитые государства не обладают такой подводной мощностью, какую приобрела, в очень значительной степени благодаря российскому содействию, Индия. Вообще, в ВМС доля российской техники особенно велика – до 80%.

Летом 2000 г. завершилась программа поставки из России подлодок проекта 877 (принятое в НАТО кодовое обозначение – *Kilo*). Флотское руководство, не останавливаясь на достигнутом, выражает заинтересованность в начале их лицензионного производства в Индии⁶¹.

Подводные лодки индийского флота начали переоборудоваться для использования ракетного оружия российского производства. Противокорабельные ракеты *3М 54Э1* поставляются в Индию с лета 2000 г., таким образом, одно из немногих качественных преимуществ ВМС Пакистана – обладание противокорабельными крылатыми ракетами (ПКР) подводных лодок – ликвидируется.

Особое значение Индия придает авианосцам. ВМС Индии еще в 1957 г. приобрели свой первый корабль этого класса – *Викрант*, бывший английский *Hercules*, типа *Majestic*. Участие этого корабля в боевых действиях против Пакистана в декабре 1971 г. стало одной из главных причин завоевания тогда индийским флотом полного господства в Бенгальском заливе. После принятия программы развития военно-морского флота 1986 г. последовал второй заказ на авианосец – тоже Великобритании. И в 1987 г. поднял индийский флаг английский авианосец *Hermes*, получивший название *Virat*. *Авианосная проблема* в последнее время стала, вообще-то, большим местом индийского флота, поскольку *Викрант*, начавший службу в Королевском флоте еще в сентябре 1943 г., безнадежно устарел, с начала 1995 г. он стоит на консервации в Бомбее и, очевидно, вскоре будет разделан на металл. *Virat*, будучи ненамного младше (в строю с 1959 г.), также полностью выработал свой ресурс, хотя еще продолжает выходить в море. Едва ли этот старый корабль сможет еще пробыть на активной службе больше четырех–пяти лет, а затем Индия рискует остаться вообще без авианосцев, если не будут приняты срочные меры по приобретению хотя бы одного нового. Помимо устарелости *Virata*, есть и другая проблема – корабль слишком мал (несет не больше 12 самолетов британского производства *Sea Harrier* или 10–12 британских же вертолетов *Sea King Mk42*), практически не имеет современного оборонительного вооружения и не отвечает потребностям флота даже мирного времени, не говоря уже об условиях возможного конфликта (одной из мер по усилению его оборонительных возможностей было недавнее оснащение корабля израильским ЗРК *Barak*). Поэтому вопрос о приобретении авианосца стал для Индии очень актуальным. Тем не менее и один этот авианосец представляет собой реальную и довольно грозную силу, и обладание им дает ВМС Индии ряд значительных тактических преимуществ по сравнению с флотами любой из стран региона, не исключая, конечно, и Пакистан.

В решении этой проблемы рассматривались два варианта. Руководство ВМС во второй половине восьмидесятых годов предполагало в течение шести–семи лет построить авианосец на отечественных верфях. В феврале 1989 г. председатель бомбейской верфи *Мазагаон Док Лимитед* заявил, что Индия в состоянии в течение девяти лет

Научные Записки ПИР-Центра №17

построить свой авианосец⁶². Данный проект обычно упоминается в печати как ADS (Air Defense Ship, корабль ПВО). И в том же году на верфях начались приготовления к закладке корабля, причем было уточнено, что готовность его будет достигнута к 1997 г., водоизмещение его будет 30–35 тыс. т, вместимость – около 40 самолетов. Однако постройка его до сих пор так и не была начата. Гораздо более реальной с самого начала казалась возможность купить авианосец.

Франция в 1994 г. предложила приобрести у нее ударный авианосец *Clemenceau*. Но ВМС Индии после довольно длительных раздумий отверг это предложение: флот совершенно не имел опыта эксплуатации французской техники, которую пришлось бы осваивать почти с нуля, и обратился к традиционному поставщику. В России с начала девяностых годов стоял на консервации тяжелый авианесущий крейсер *Адмирал Горшков*, и в 1995 г. были начаты переговоры о его продаже или передаче Индии. В декабре 1998 г. во время визита председателя правительства России Евгения Примакова в Дели, помимо прочего, был подписан меморандум о взаимопонимании, касающийся передачи корабля. Вопрос об этом стоял и в октябре 2000 г. в ходе пребывания в Индии Владимира Путина. В соответствии с имеющимися договоренностями корабль должен пройти модернизацию в России (капитальный ремонт силовой установки, изменение конструкции самолетоподъемников под использование *MiG-29*, снятие некоторых систем вооружения). Его максимальная вместимость может достигать 30–35 самолетов и 12–15 вертолетов. Поднятие на корабле индийского флага запланировано на 2002–2003 гг., сумма сделки достигает миллиарда долларов, из которых больше половины приходится на поставку 20 самолетов *MiG-29*⁶³. Пакистанские источники полагают, что сделка затягивается из-за слишком высокой для индийцев цены⁶⁴. Ко всему следует добавить и контракт на поставку пяти вертолетов ДРЛО *Ка-31* для использования в составе авиагруппы корабля *Адмирал Горшков*.

Когда флот Индии получит, наконец, российский авианесущий корабль *Адмирал Горшков*, он сильно увеличит свои как наступательные, так и оборонительные возможности. При возможном начале боевых действий авианосная ударная группа, составленная из этого корабля в охранении эсминцев типа *Дели*, фрегатов проекта 1135 и

подлодок проекта 877 будет вполне в состоянии осуществлять дальнюю блокаду и парировать практически любые потенциальные действия пакистанцев на море и в воздушном пространстве прибрежных районов (сейчас базы пакистанских ВМС в Гвадаре и Ормаре находятся на крайнем пределе досягаемости индийских самолетов наземных аэродромов). При условии обеспечения самолетами и вертолетами ДРЛО и спутниковой разведкой это будет соединение, оснащенное на уровне, вполне отвечающем всем современным стандартам.

Как и прежде, в индийских ВМС присутствует определенное количество техники, происходящей от нероссийских поставщиков. В первую очередь, это касается различных электронных и радарных систем, также некоторых систем вооружения (к примеру, торпедного). Тем не менее в этой области в последние годы была отмечена активная деятельность еще одного экспортера – Израиля, который сумел добиться подписания нескольких контрактов на поставку оборудования.

С 1998 года Индия получила лицензию фирмы *Israel Aircraft Industries* на производство патрульных катеров *Dvora-2*⁶⁵, опыт успешной эксплуатации которых в регионе уже имеется, так как эти катера состоят на вооружении морских сил Шри-Ланки. Данный контракт в силу его относительно малой стоимости и масштаба вряд ли способен заметно повлиять на планы России на индийском рынке, чего нельзя, к сожалению, сказать о другом. В 1999 г. была заключена договоренность о поставке ЗРК *Barak-2* для установки на кораблях индийского флота, в том числе на авианосце *Virat*⁶⁶, хотя до самого недавнего времени область корабельных систем ПВО была сферой безраздельного российского экспорта. Индия выразила также заинтересованность в израильском электронном оборудовании для кораблей⁶⁷. Заключенный с Израилем в июле 2001 г. контракт на сумму более 2 млрд долл. включает продолжение поставок зенитно-ракетных комплексов и прочего оборудования для индийских ВМС.

Отечественные индийские военно-морские программы

В области самостоятельного оснащения своих военно-морских сил Дели добился заметного прогресса.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Индия, ставшая признанным лидером в области военного кораблестроения в *третьем мире*, уже давно и в сравнительно большом количестве строит боевые корабли собственной разработки. Пионером стал вошедший в строй в 1983 г. фрегат *Годавари*, построенный на верфи *Мазагаон Док Лимитед*, головной в серии из шести кораблей. Сборка же кораблей по лицензии производилась еще с конца шестидесятых годов, когда была построена серия из шести фрегатов британского типа *Leander* – по тем временам достаточно современных кораблей. В марте 1988 г. на тех же бомбейских верфях была начата постройка по советской лицензии малых ракетных кораблей проекта 1241PE. В Индии к настоящему времени вошло в строй шесть этих кораблей, и их постройка продолжается (в Бомбее и на верфи *Гоа Шипьярд* близ Гоа).

С 1976 г. Дели реализует проект подводной лодки с ядерной силовой установкой – обычно он именуется как проект ATV – Advanced Technology Vessel. В этих целях было создано специальное конструкторское бюро, работы в рамках проекта ведутся, помимо Дели, в Вишакхапатнаме и Хайдарабаде, штат Андхра Прадеш, и Кальпаккаме, штат Тамилнад. В марте 1999 г. адмирал В. Бхагват, в то время начальник штаба ВМС, туманно намекнул, что готовность корпуса лодки к спуску на воду следует ожидать к 2005 г. Возможно, это был специально рассчитанный пропагандистский шаг (во всяком случае, шума в СМИ было предостаточно), однако постройка корпуса корабля уже начата, а реактор, якобы предназначенный для АПЛ, по некоторым сообщениям, прошел первые испытания в конце 1998 г.⁶⁸ Вопрос теперь состоит лишь в том, насколько быстро и насколько успешно индийцы смогут решить массу проблем, которые неминуемо должны возникнуть при создании принципиально нового для практики их судостроения корабля: разработку, испытание и размещение на лодке реактора, обеспечение противорадиационной защиты экипажа; наконец, смогут ли они придать будущей подлодке приемлемые на современном уровне шумовые параметры – иначе все усилия окажутся во многом просто бессмысленными, – а то, что этот проект будет рано или поздно доведен до конца, сомнений почти ни у кого не вызывает. Средства на него были найдены за счет фактического отказа от намерения построить отечественный авианосец. По оценкам специалистов, наиболее реальным сроком ввода в строй атомной подводной лодки

в Индии является 2010 г.⁶⁹ Возможно, корпус лодки будет спущен на воду и раньше указанного срока, вероятно, в 2005 г. или даже раньше, но пройдет еще достаточно долгое время, прежде чем индийская атомная подлодка будет полностью боеспособна. Совсем недавно командование ВМС объявило, наконец, официально о планах дальнейшей реализации этой программы (интервью начальника штаба ВМС С. Кумара 9 ноября 2000 г., помещенное во всех основных индийских газетах, например *Хиндустан Таймс*). Называлась и сумма, затраченная на нее – 25–30 млрд рупий. Адмирал признал также, что работы по проекту отстают от графика на несколько лет. Атомную подлодку индийцы планируют вооружить ракетами собственного производства *Сагарика* и (или) *Дхануш*, возможно, и новой ракетой *Брахмос*, разработанной совместно с российскими КБ. Более чем вероятно вооружение лодки и ракетами, непосредственно закупленными в России.

Опыт эксплуатации атомных подлодок ВМС Индии уже имеет. В 1988 г. индийский флаг подняла атомная многоцелевая подводная лодка *Чакра*, советская, проекта 966, сданная Индии в аренду на три года. Индия, таким образом, стала шестой страной вообще и первой страной *третьего мира*, получившей некоторый опыт использования атомной подводной лодки, хотя эта лодка и не значилась в списке флота. Этот опыт, безусловно, окажется не лишним при создании Индией отечественной АПЛ. Показательно, что директором программы по ее строительству не так давно был назначен вице-адмирал Ганеш, бывший командир *Чакры*⁷⁰. У штаба ВМС есть план снова арендовать у России АПЛ, не исключено, что проекта 971⁷¹, т.е. самую современную из всех, какими располагает российский флот.

Очень существенным достижением Индии стала постройка серии из четырех эсминцев типа *Дели*. Два корабля этого типа – *Дели* и *Майсур* – уже вошли в строй в 1997 и 1999 гг. соответственно, еще два – *Бангалор* и *Бомбей* формально считаются также вошедшими в строй (последний – 22 января 2001 г.), однако они должны пройти еще большой ряд длительных процедур наладки и установки многих систем и далеко не являются пока полноценными боевыми единицами. Тактико-технические данные этих кораблей делают их самыми мощными из всех, когда-либо построенных развивающимися странами. Хотя реализация программы строительства этих

Научные Записки ПИР-Центра №17

кораблей не привела к созданию в Индии собственного, полностью независимого кораблестроительного потенциала, сам факт создания таких крупных боевых единиц на национальных верфях означает, что страна постепенно накапливает необходимый опыт для последующего преодоления зависимости от иностранных поставщиков. Кроме того, ввод в строй этих кораблей стал еще одним свидетельством намерения Индии воплощать в жизнь концепцию создания океанского флота.

Современное состояние ВМС Индии

Ко второй половине 2001 г.), военно-морской флот Индии насчитывает 181 выпел, в достройке находились еще 28 кораблей. (Личный состав – 53 тыс. человек, в том числе 5 тыс. – в морской авиации палубного и берегового базирования, а также тысяча морских пехотинцев – один батальон). Флот имеет следующий состав:

- 20 подводных лодок. Четыре – так называемые проекта 1500. Первые две из них, собранные на верфи *Howaldtswerke Deutsche Werft* в Киле, были куплены у ФРГ в 1987 г., а две другие построены в начале девяностых годов по лицензии в Бомбее. Остальные лодки – это, прежде всего, 10 единиц проекта 877, поставка которых началась в 1986 г., причем последняя вошла в строй летом 2000 г. Помимо этого имеется шесть довольно устаревших лодок советского проекта 641 (в НАТО имеют наименование *Tango*) поставки 1970–1975 гг., примерно соответствующих по боевым возможностям лодкам типа *Агоста*, имеющимся у Пакистана. В 1992 г. после некоторых колебаний флотское руководство решило оставить их в составе флота на первые годы XXI века⁷². Они базируются в основном на восточном побережье и используются по большей части в учебных целях. Число их в ближайшее время, несомненно, будет сокращено.
- Один авианосец, о котором уже шла речь.
- Девять, а фактически семь эскадренных миноносцев. Пять – советского проекта 61МЕ (кодированное обозначение в НАТО – *Kashin-2*) и четыре – индийской постройки типа *Дели*, хотя реально можно говорить пока только о двух.
- 15 фрегатов. Шесть типа *Нильгири*, построенные в семидесятые годы по британской лицензии (тип *Leander*), и шесть типа *Годавари*, индийской постройки, но представляющие собой, в сущности, лишь видоизменение

предыдущего типа с изрядной долей импортных, в том числе, разумеется, советских, компонентов. Три оставшихся – бывшие советские малые противолодочные корабли проекта 159 (в НАТО – *Petya*), ввиду солидного возраста используемые уже практически лишь как учебные.

- 18 корветов. Шесть – индийской постройки (тип *Кукри*), остальные – проекта 1241РЕ либо советской постройки 1976–1978 гг., либо строящиеся по российской лицензии в Бомбее.
- Базовая патрульная авиация (противолодочная) насчитывает 10 самолетов *Tu-142* и до 20 вертолетов *Ka-25*, *Четак* и *Чума* (сделаны по французской лицензии *Alouette-2* и *-3* соответственно) и британских *Sea King Mk 42*.

Из сказанного выше следует, что налицо постоянное интенсивное наращивание военно-морской мощи Индии. Заметна также большая роль экспорта в развитии индийского флота. Характерна диверсификация закупок начала девяностых годов – две подводные лодки куплены у Германии, однако очевидно подавляющее превалирование кораблей советских типов. По словам индийских военных, ВМС больше, чем два других вида вооруженных сил страны, зависят от российского оборудования – на 80%.

И еще один напрашивающийся вывод – о постепенном переходе Индии на самообеспечение в военно-морской сфере, к чему страна стремилась давно. Индийские верфи имеют довольно богатый опыт строительства кораблей разных классов, а недавно индийское кораблестроение вписало новую страницу – строительство подводных лодок, пока по лицензии, но вполне можно ожидать и полностью самостоятельной их постройки в будущем.

Таким образом, за последнее десятилетие военно-морские силы Индии активно наращивались в основном с советской и далее – российской помощью. Становление индийского флота следует рассматривать в увязке с морскими устремлениями страны и складывающейся ситуацией в регионе Индийского океана. Индия претендует на роль крупной океанской военно-морской державы и интенсивно наращивает военно-морскую мощь и вооружения, что, несомненно, привносит качественные изменения в перспективную диспозицию сил в Индийском океане. Нельзя исключать, что это повлечет за

Научные Записки ПИР-Центра №17

собой не только расхождения с великими державами, но и дополнительные сложности в отношениях с прибрежными и островными государствами.

Превосходство ВМС Индии над пакистанским флотом по всем параметрам настолько велико, что становится вполне ясно, что индийская военно-морская стратегия рассчитана не только на противодействие Пакистану. Стремление довести свои ВМС до уровня, который позволял бы постоянно осуществлять если не глобальное, то хотя бы региональное присутствие, совершенно очевидно. Все же индийский флот еще не способен противостоять китайскому – своему, вероятно, основному противнику в перспективе (только многоцелевых атомных подлодок, пусть и далеко не самых совершенных, Китай имеет пять единиц).

В то же время имеются определенные свидетельства того, что китайский фактор, влиявший раньше преимущественно на планирование развития сухопутных сил Индии, становится все более весомым в индийской военно-морской стратегии.

Китаю приписывается намерение к 2005 г. иметь две авианосные ударные группы для размещения на постоянной основе одной из них в водах Юго-Восточной Азии, возможно, с заходом в Бенгальский залив⁷³. В любом случае, Китай развивает свои ВМС исключительно быстрыми темпами. Вызывает беспокойство и вероятность появления в Индийском океане китайских атомных подводных лодок. В своей морской стратегии Пекин опирается на Мьянму, что очень тревожит Дели. Несомненно, именно явственным ощущением китайского политико-экономического и военного присутствия в Мьянме⁷⁴ и повышенным интересом Китая к своим юго-восточным рубежам было вызвано намерение Дели создать мощную базу на Андаманских островах, где в ближайшее время должна быть размещена эскадрилья Су-30⁷⁵. Эскадрилья будет придано несколько самолетов-заправщиков Ил-76, что сделает возможным контроль воздушного пространства и обеспечение коммуникаций вплоть до Малаккского пролива и даже позволит самолетам действовать над Южно-Китайским морем. Ранее сообщалось о создании специального особого командования трех видов вооруженных сил в районе Андаманских и Никобарских островов.

Развитие ВМС Пакистана

Пакистан интенсивно отвечает на усиление индийских ВМС. Его действия сводятся лишь к парированию очередных шагов Индии – слишком дорого обошлось бы для Пакистана содержание большого флота. Однако и он в меру сил наращивает свой морской потенциал.

В 1988 г. флот Пакистана состоял из четырех подводных лодок типа *Daphne* и семи эсминцев – одного английского, остальных американского производства. Однако крупные финансовые вливания из-за рубежа (прежде всего из США и арабских нефтяных королевств) сделали свое дело. За период 1981–1987 гг. флот Пакистана получил помощи только от США на миллиард долларов⁷⁶, а это дало возможность приобретать готовые корабли в значительных количествах или модернизировать уже имеющиеся.

Кроме покупки и аренды *поддержанных* кораблей интерес проявляется и к новым. В 1992–1995 гг. флот Пакистана пополнился 23 импортными кораблями, а также 8 вертолетами *Alouette-3* французского производства.

В настоящее время, по сообщениям печати⁷⁷, «в завершающей стадии находятся переговоры» о закупке у Китая четырех фрегатов проекта 053 и лицензии на их производство на пакистанских верфях.

Пакистанские стратеги в силу ограниченности своих сил и средств придерживаются иной точки зрения на военно-морские приготовления, нежели их индийские соперники. Если Индия делает ставку на крупные надводные корабли, то Пакистан особое значение придает подводному флоту. Подводные лодки, по мнению руководства флота Пакистана, могут служить в условиях превосходства индийских ВМС наиболее эффективным средством, в первую очередь, уничтожения танкеров, следующих в Индию через Аравийское море, а также средством удара по крупным надводным кораблям.

В 1994 г. Пакистан заключил с Францией соглашение о закупке дополнительно трех подводных лодок типа *Agosta*. Конечно, индийская пресса сразу подняла шумиху по этому поводу, утверждая, что «эта сделка существенно изменит военно-морской баланс в регионе в пользу Пакистана». Хотя это, безусловно, преувеличение, появление у флота

Научные Записки ПИР-Центра №17

Пакистана трех подводных лодок, пусть и не самых современных, все же заметно повышает его боевые возможности. Сделка заключена на сумму почти в миллиард долларов. Первая лодка пришла в Пакистан летом 1998 г. уже укомплектованной, имея на борту противокорабельные ракеты *Exocet SM39* французского же производства (хотя предыдущие лодки этой серии несут американские ракеты *Sub-Harpoon*). Все устаревшие лодки типа *Daphne* были переоборудованы для стрельбы противокорабельными ракетами.

Пакистан является одним из немногих государств развивающегося мира, имеющих сверхмалые подводные лодки. Сейчас этот класс кораблей представлен пятью итальянскими лодками типа *SX-756*⁷⁸, предназначенными специально для диверсионной деятельности и нанесения первого внезапного удара по базам флота противника. Две из них, по-видимому, были собраны в Карачи. (Это, конечно, никак не вписывается в рамки военно-морской доктрины Пакистана, которая предусматривает лишь охрану своего многочисленного (62 судна) торгового судоходства и морских сообщений с государствами Персидского залива, откуда Пакистан получает нефть. – *А.Ш.*). Обладание сверхмалыми подлодками, так или иначе, вряд ли сильно увеличивает ударную силу пакистанского флота. Возможно, командование ВМС полагает целесообразным иметь средства для нанесения индийскому флоту потерь в результате первого удара в случае, если неизбежность войны станет очевидной, и таким способом хоть как-то снизить разницу потенциалов. Но и при таком варианте даже гибель двух–трех индийских кораблей в начале боевых действий не приведет к принципиальному изменению расклада сил на море. Это может иметь, пожалуй, только некоторый моральный эффект.

Таким образом, сейчас военно-морские силы Пакистана имеют следующий состав⁷⁹:

- Семь подводных лодок французских типов. Три – типа *Agosta*, две – поставки 1978–1979 гг., третья пришла в Карачи в 1998 г., еще две строятся сейчас в Шербуре и Нанте для окончательной сборки в Пакистане и планируются к поставке до конца 2002 г. Четыре других – типа *Daphne*, 1969–1970 гг.
- Три–пять сверхмалых подлодок.
- Три эсминца постройки времен Второй мировой войны (1944–1945 гг.)

американского типа *FRAM-I*, проданные Пакистану в 1985–1988 гг. после модернизации в США и теперь пригодные для стрельбы противокорабельными ракетами *Harpoon*, однако не имеющие зенитного ракетного оружия. Корпуса этих кораблей настолько изношены, что они не выдержат эксплуатации в условиях военного времени дольше нескольких дней без ремонта.

- Восемь фрегатов. Шесть из них – английского проекта 21, в строю в Королевском флоте с 1974–1977 гг., в 1993–1994 гг. пришли в Пакистан без большей части вооружения. Многие системы на них, несмотря на принимаемые меры, так до сих пор и не были установлены. Два других фрегата – британского же типа *Leander* 1971-го и 1972 гг., не имеющие ни ударного, ни зенитного ракетного вооружения и с весьма ограниченными противолодочными возможностями. Боевая ценность их, таким образом, невысока. Едва ли эти корабли способны отразить масштабную атаку с воздуха, особенно если удар будет нанесен современными самолетами с применением ракетного оружия, или эффективно противопоставить что-либо подлодкам проекта 877 ВМС Индии.
- Восемь ракетных катеров двух типов китайского производства. Эти катера имеют ограниченную дальность плавания, их системы ПВО крайне слабы, что в условиях превосходства индийцев в воздухе вряд ли позволит им действовать даже на небольшом отдалении от зоны действия своей авиации.
- Личный состав флота насчитывает 26 тыс. человек (вдвое меньше, чем у Индии), в том числе 1200 в корпусе морской пехоты. Численность морских пехотинцев – пожалуй, единственный показатель, по которому у Пакистана имеется некоторый перевес над Индией.

Хорошо заметно, что если по сухопутным и военно-воздушным силам Индия имеет сравнительно небольшое преимущество перед Пакистаном (численно среднее соотношение сил примерно два к одному при совсем небольшой качественной разнице в оснащении⁸⁰), то в области морских вооружений превосходство индийцев как количественно, так и качественно, подавляющее (см. приложение). Колоссальное по протяженности и густо заселенное

Научные Записки ПИР-Центра №17

побережье позволяет Индии развернуть масштабную инфраструктуру по базированию и обслуживанию флота, в отличие от Пакистана, имеющего только три крупные базы (Карачи, Гвадар и Ормара, причем две последние – на побережье, удаленном от промышленных центров и не обеспеченные, по мнению экспертов, необходимой транспортной сетью, хотя база в Ормаре – военно-морская база *Джинна* – и переоборудуется с китайской помощью). К тому же даже самые отдаленные пакистанские базы в принципе достигаемы для индийской авиации берегового базирования, а если принимать во внимание наличие у Индии палубных самолетов, то участь этих баз в случае конфликта может быть весьма незавидной. Из соотношения сил индийского и пакистанского флотов очевидно, что пакистанцы могут рассчитывать даже в лучшем для них случае лишь на ограниченные действия вблизи своих берегов, и то только под прикрытием ВВС.

Вообще, значительная часть задач по обороне побережья возлагается на авиацию берегового базирования. В целях противолодочной обороны в США в 1997–1998 гг. были закуплены три самолета базовой патрульной авиации P-3C *Orion*, которые командование рассматривает также как средство удара по надводным кораблям с применением ПКР *Harpoon*. Все аналогичные самолеты французского производства *Atlantic-2* (четыре в строю и три в резерве), один из которых был сбит индийцами в августе 1999 г. во время хорошо известного инцидента, пакистанцы тоже вооружают противокорабельными ракетами. Для возможного использования в морских боях выделены 12 истребителей *Mirage-5⁸¹*, из чего видно, что Исламабад хорошо осознает слабость своих ВМС и пытается компенсировать ее путем придания соответствующих возможностей другим видам вооруженных сил. Совершенно ясно, что при начале боевых действий приоритет будет отдан оборонительной тактике, и только подводные лодки, вероятно, смогут действовать на удалении от своих берегов. Так, большое значение придается минной войне. Пакистан в восьмидесятых годах переделал все свои надводные корабли так, чтобы они смогли вести постановки минных заграждений, в 1992–1993 гг. у Франции были куплены два тральщика типа *Erydan*, а третий построен в 1997 г. в Карачи своими силами по лицензии.

У наращивания Исламабадом своих военно-морских сил есть особенности, позволяющие сделать определенные выводы и обобщения.

Первое: Пакистан действует в условиях резкого дисбаланса морских вооружений в сторону вероятного противника – Индии, но всеми силами пытается увеличивать мощь своих военно-морских сил во всех возможных направлениях. Особенно заметен не столько количественный сдвиг (как у военно-морских сил Индии, где бросается в глаза прежде всего быстрое увеличение численности корабельного состава), сколько качественный. Но, несмотря на все принимаемые меры, флот страны в сравнении с индийским представляется весьма слабым, хотя в *третьем мире* он занимает одно из ведущих мест.

Второе: особое внимание Пакистан уделяет своему подводному флоту. Он значительно увеличил количество подводных лодок, в то время как численность надводных кораблей почти не изменилась. Все подлодки были переделаны так, чтобы нести противокорабельные ракеты и, таким образом, увеличить возможности по нанесению ударов по боевым кораблям (чего, кстати, не было у ВМС Индии до самого последнего времени). Флот Пакистана с семидесятых годов к началу нового столетия из преимущественно надводного стал преимущественно подводным. Тем не менее и подводные силы Пакистана значительно уступают индийским.

Третье: если в индийском флоте с восьмидесятых годов появляются корабли собственной постройки, то корабли Пакистана почти все импортные, и только одна подводная лодка собирается сейчас в Карачи из секций, произведенных во Франции. Это, конечно, связано с намного меньшим, чем у Индии, промышленным потенциалом страны. Особенно заметно возрастание доли французской техники. Флот Пакистана, таким образом, целиком зависит от закупок кораблей и оборудования за рубежом, и в наращивании своего военно-морского потенциала Исламабад полностью опирается на страны Запада и Китай.

Военно-морская эскалация в Южной Азии очевидна и, хотя она существует там уже давно, в девяностые годы ситуация стала особенно тревожной. Дело в том, что флоты обоих противников в своем развитии уже почти перешагнули ту незримую грань,

Научные Записки ПИР-Центра №17

которая разделяет военно-морские силы развивающихся и развитых государств. Во всяком случае, индийский флот – бесспорно, самый сильный и многочисленный из флотов развивающихся стран, имеющий шансы через 15–20 лет выйти в число ведущих флотов мира. Хотя Пакистан и значительно уступает Индии по своей морской мощи, он также создал ВМС, являющиеся одними из самых крупных в *третьем мире*, по крайней мере столько же боеспособных подводных лодок нет ни у одного флота развивающихся стран, кроме индийского. Со временем ВМС обеих стран могут приобрести и возможности по нанесению ядерного удара.

Выводы

Таким образом, становится очевидным, что процесс эскалации вооружений Индии и Пакистана, начавшийся в 1950-е гг., в настоящее время продолжается с неослабевающей динамикой. Более того, можно уверенно предсказывать сохранение этих темпов, по крайней мере в ближнесрочной перспективе.

Очевидно, что индо-пакистанские противоречия в последующие годы будут основным фактором напряженности в регионе Южной Азии. Накопление этими странами арсеналов современных вооружений будет во все большей степени оказывать дестабилизирующее воздействие на их отношения.

Конфронтация Индии и Пакистана – двух сильнейших государств Южной Азии, существующая вот уже столетия, по всей вероятности, будет продолжаться и в обозримой перспективе. Это связано с очевидной невозможностью быстрой ликвидации причин политического, религиозного и исторического характера, вызывающих противостояние Индии и Пакистана. Кроме того, борьба за влияние в регионе будет продолжаться, пока одна из сторон первой добровольно не откажется от нее, что крайне маловероятно. Нерешенность индо-пакистанских проблем и фактическое отсутствие перспективы их решения являются факторами, определяющими специфичность ситуации в Южной Азии. Показательно, что несмотря на окончание *холодной войны*, последовавшую за ним разрядку международной напряженности и решение ряда вопросов, связанных с ядерным и обычным разоружением, в Южной Азии сохранилось положение, принципиально не отличающееся от того, что было там и 20, и 30 лет назад.

Поэтому можно предположить, что пока конфронтация Индии и Пакистана будет продолжаться, останется и ее главное воплощение – эскалация вооружений. Гонка военных приготовлений будет существовать в регионе и дальше как реализация противостояния Дели и Исламабада, поднимаясь на все более высокие технологические уровни. В продолжении военной эскалации в значительной степени остается заинтересованной военная элита обеих стран.

На протяжении всего своего существования эскалация вооружений в регионе была связана с ролью великих держав в процессах, происходивших там. США, Китай и СССР/Россия оказывали воздействие на военные программы Индии и Пакистана как напрямую, путем поставок вооружений, так и косвенно, осуществляя военно-политическое присутствие в регионе. По мере увеличения военно-политического и экономического потенциала Индии стремление Дели противодействовать влиянию великих держав в регионе будет становиться все более заметным. Растущие внешнеполитические амбиции Индии будут подкрепляться осуществлением ряда военных программ во имя обеспечения проецирования индийской военной мощи за пределы региона. Это касается в первую очередь форсированного развития ВМС, дальней авиации и стратегических ядерных сил.

При этом через 20–25 лет вполне возможен выход Индии на одно из первых мест в мире по военной мощи, что будет оказывать все более заметное воздействие на формирование региональной и международной системы отношений в области безопасности. Можно с высокой степенью вероятности говорить о появлении нового стратегического игрока мирового масштаба. Такая достаточно явная тенденция, несомненно, актуализирует отношения Индии с ведущими мировыми державами – США, Россией и Китаем. Это, в свою очередь, может привести в новом тысячелетии к изменению конфигурации международных стратегических союзов и возникновению новых узлов противоречий. В складывающихся условиях значение процессов, развивающихся в Южноазиатском регионе, будет приобретать для России все большую важность.

¹ Подробно о Кашмирском конфликте – его предыстории, начале, сути и современном

Научные Записки ПИР-Центра №17

- состоянии см.: Шилин А. Кашмирский конфликт. *Экспорт Вооружений*. 2001. №4.
- ² Индия отказалась от статуса доминиона в 1950 г., а Пакистан – в 1956 г.
- ³ Ayub Khan M. *Friends, Not Masters. A Political Autobiography*. L., 1987. P. 194, 195.
- ⁴ Насенко Ю. Джавахарлал Неру и внешняя политика Индии. М.: ГРВЛ, 1981. С. 235.
- ⁵ Редько И.Б., Шаскольский Н.В. Индийский океан – сфера напряженности или зона мира? М.: Наука. С. 74.
- ⁶ Mankekar D.R. *Pakistan Cut to Size*. New Delhi, 1972. P. 169, 170.
- ⁷ Kodikara S. *South Asian Strategic Issues*. New Delhi, 1990. P. 61.
- ⁸ Данные – из справочников британского издательства *Джейнс*.
- ⁹ Боженко П. Индо-пакистанский конфликт. Львов, 1993. С. 48.
- ¹⁰ Sudhakar E. *SAARC: Origin, Growth and Future*. New Delhi, 1994. P. 195.
- ¹¹ Sattar A. *Reducing Nuclear Danger in South Asia*. US Institute of Peace, 1994. P. 5.
- ¹² *Jane's Defence Weekly*. 2001, 17 January.
- ¹³ Kodikara S. *Op. cit.* P. 90.
- ¹⁴ *Hindu*. 1998, 22 December.
- ¹⁵ *Jane's All the World's Aircraft*. 1999–2000.
- ¹⁶ *Nation*. 2001, 21 July.
- ¹⁷ *Indian Armed Forces, 2000–2001*. New Delhi, 2000. P. 87.
- ¹⁸ *Hindustan Times*. 2001, 27 June.
- ¹⁹ Вполне обоснованное опасение, учитывая, что во время Каргильского конфликта индийский самолет *МиГ-27* и два вертолета были сбиты именно с помощью переносных зенитно-ракетных комплексов.
- ²⁰ *Dawn*. 2001, 9 September.
- ²¹ *Известия*. 2001, 31 мая.
- ²² Ганди И. Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления, 1980–1982. М.: Прогресс, 1982. С. 231.
- ²³ *Hindustan Times*. 2001, 11 May.
- ²⁴ Ministry of Defence, Government of India. *Annual Report, 1999–2000*.
- ²⁵ *Ibid.*
- ²⁶ *Indian Armed Forces, 1999–2000*. New Delhi, 1999.
- ²⁷ *Jane's Defence Weekly*. 2000, 24 May.
- ²⁸ *Hindustan Times*. 2001, 11 July.
- ²⁹ Ministry of Defence, Government of India. *Annual Report, 1996–1997*.
- ³⁰ *Hindu*. 1999, 28 December.
- ³¹ Ministry of Defence, Government of India. *Annual Report, 1997–1998*.
- ³² *Jane's Defence Weekly*. 1998, 8 July.
- ³³ *Jane's Defence Weekly*. 2000, 5 July.
- ³⁴ Автор предсказывал подобный исход программы LCA еще в первой половине 2000 г., см.: *Экспорт Вооружений*. 2000. №2.
- ³⁵ *Indian Armed Forces, 1999–2000*. New Delhi, 1999. P. 134.
- ³⁶ *Jane's All the World's Aircraft*. 1986–1987.
- ³⁷ Ministry of Defence, Government of India. *Annual Report, 1996–1997*.
- ³⁸ *Hindustan Times*. 2001, 8 May.
- ³⁹ *Hindustan Times*. 2001, 30 July.
- ⁴⁰ Ministry of Defence, Government of India. *Annual Report, 1999–2000*.
- ⁴¹ *Indian Express*. 2001, 21 July.
- ⁴² *Asian Age*. 2001, 28 July.
- ⁴³ *Times of India*. 2000, 4 October.
- ⁴⁴ *Hindustan Times*. 2001, 11 July.
- ⁴⁵ *Hindu*. 2000, 4 October.
- ⁴⁶ *Ibid.*
- ⁴⁷ *Hindu*. 2000, 1 March.
- ⁴⁸ *Pakistan Observer*. 2001, 18 February.
- ⁴⁹ *Defence News*. 2001, 8 August.
- ⁵⁰ *Hindustan Times*. 2001, 13 August, со ссылкой на израильскую *Гаарец*.
- ⁵¹ Их численность постоянно меняется из-за высокой аварийности вследствие некачественной сборки, плохого обслуживания и недостаточной квалификации пилотов. С 1974 г. по настоящее время ВВС лишились из-за аварий 508 летательных аппаратов, из них большая часть – *МиГ-21*. (*Hindustan Times*. 2001, 18 July).
- ⁵² *Hindustan Times*. 2001, 11 July.
- ⁵³ *Defence News*. 2000, 30 October.
- ⁵⁴ *Ibid.*
- ⁵⁵ *Pioneer*. 2001, 5 July.
- ⁵⁶ *Jane's Defence Weekly*. 2001, 17 January.
- ⁵⁷ Ministry of Defence, Government of India. *Annual Report, 1996–1997*.
- ⁵⁸ Bandyopadhyaya J. *The Making of India's Foreign Policy*. New Delhi, 1979. P. 34.
- ⁵⁹ Gordon S. *India's Rise to Power: 20th Century and Beyond*. Sidney, 1998. P. 19.
- ⁶⁰ *Независимое Военное Обозрение*. 2001, 22 июня.
- ⁶¹ *Hindustan Times*. 2000, 18 May. Начальник штаба ВМС В. Бхагват заявил это еще в интервью *Jane's Defence Weekly*. 1998, 29 July.
- ⁶² *Jane's Fighting Ships*. 1988–1989.
- ⁶³ *Hindu*. 2000, 1 October.
- ⁶⁴ *Pakistan Observer*. 2000, 4 October.
- ⁶⁵ *Jane's Defence Weekly*. 2001, 21 March.
- ⁶⁶ *Indian Armed Forces, 1999–2000*. New Delhi, 1999.
- ⁶⁷ *Bulletin of Atomic Scientists*. 2001. January/February. P. 19.

Научные Записки ПИР-Центра №17

⁶⁸ Ministry of Defence, Government of India. Annual Report, 1998–1999.

⁶⁹ Jane's Fighting Ships, 1998–1999.

⁷⁰ *Hindustan Times*. 2000, 9 November.

⁷¹ Ibid.

⁷² Ministry of Defence, Government of India. Annual Report, 1996–1997.

⁷³ *Times of India*. 2001, 22 February. Утверждение громкое, но вряд ли обоснованное: Китай не имеет пока ни одного авианосца и вряд ли будет иметь их в ближайшие несколько лет, хотя такие планы у Пекина и есть.

⁷⁴ В частности, в 1998–1999 гг. Индия неоднократно выражала Китаю протест по поводу строительства им станции слежения и радиоперехвата на островах, принадлежащих Мьянме, недалеко от индийского побережья. Пекин, в свою очередь, отрицал факт постройки станции.

⁷⁵ *Hindustan Times*. 2001, 2 August.

⁷⁶ Датт В.П. Внешняя политика Индии. М.: Прогресс, 1988. С. 286.

⁷⁷ *Pakistan Observer*. 2000, 4 October.

⁷⁸ Jane's Fighting Ships 2000–2001. Сомнительно, правда, чтобы эти лодки были обеспечены экипажами, имеющими надлежащую выучку, хотя Пакистан придает большое значение их обучению – с начала семидесятых годов действует специальная школа подводников в Карачи (военно-морская база *Икбал*).

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ Вероятно, также не будет большой ошибкой предположить практически одинаковый уровень подготовки личного состава вооруженных сил Индии и Пакистана.

⁸¹ Данные по Jane's Fighting Ships 1996–1997 и 2000–2001.

Научные Записки ПИР-Центра №17

РОССИЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯДЕРНОЙ ОБЛАСТИ И ВОПРОСЫ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ

Виталий Федченко

В последние годы сотрудничество России и Индии стремительно набирает обороты. В дополнение к российско-индийскому Договору о мире, дружбе и сотрудничестве 1971 г. в октябре 2000 г. была подписана Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией. Существует договоренность о ежегодном проведении российско-индийских встреч на высшем уровне, развиваются межпарламентские связи, поддерживается регулярный диалог по стратегической стабильности.

Важнейшим направлением взаимодействия двух стран названа торгово-экономическая сфера. Для расширения сотрудничества здесь существуют хорошие возможности. Наиболее многообещающей отраслью для торговли является энергетика, причем разные ее области. Это и гидроэнергетика, нефть и газ, а также ядерная энергетика.

Перспективы сотрудничества России и Индии в области ядерной энергетики пока еще довольно туманны. С одной стороны, существует огромная заинтересованность двух стран в укреплении связей и дальнейшем расширении торговли установками и материалами. С другой стороны, у России как у страны-участника международных режимов экспортного контроля в данный момент есть обязательства, запрещающие дальнейшее расширение такой торговли.

Настоящая работа имеет целью дать краткую историю основных российско-индийских проектов из области мирной ядерной энергетики, таких, как поставки ядерного топлива в Тарапур и тяжелой воды в Раджастхан, и, особенно, АЭС в Куданкуламе. В тексте сделана попытка вскрыть основные стимулы и препятствия в принятии решений об этих проектах, очертить возможное влияние таких решений на условия некоторых режимов экспортного контроля.

История переговоров о строительстве Советским Союзом и, позже, Россией АЭС в Куданкуламе насчитывает уже более двух десятков лет. В ней нашли свое отражение практически все основные сложности,

специфические условия и побудительные мотивы, влияющие на переговорный процесс, которые существуют при обсуждении строительства ядерного объекта в Индии. Кроме того, вопрос о постройке данной АЭС вызвал серьезные дебаты о будущей форме и содержании некоторых международных режимов экспортного контроля. Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что перипетии развития проекта АЭС в Куданкуламе вкупе с поставками в Раджастхан и Тарапур могут определить в будущем такие возможности России и Индии, которые будут одновременно взаимовыгодны и, как минимум, безопасны с точки зрения нераспространения ядерного оружия.

1974–1976 годы: поставки тяжелой воды в Раджастхан

После индийских ядерных испытаний правительство Канады в мае 1974 г. приняло решение прекратить действие своего соглашения с Индией в области ядерного сотрудничества, что создало индийскому правительству большие сложности в области эксплуатации действующих и завершения строящихся АЭС. Так, тяжеловодный энергетический реактор *Раджастхан-1* (RAPS-1), коммерческое использование которого началось в 1974 г., имел номинальную мощность в 220 МВт и был построен канадскими компаниями. На этом реакторе использовалась тяжелая вода канадского, американского и советского производства: Канада и США поставили 130 т, а остальную тяжелую воду, 80 т, предоставил Советский Союз в 1973 г., т.е. еще до создания Группы ядерных поставщиков (ГЯП) и ее Руководящих принципов. Тяжелая вода требовалась Индии не только для реактора RAPS-1, но и для запуска второго энергоблока Раджастханской АЭС – RAPS-2.

Энергоблоки RAPS-1 и RAPS-2 находились под гарантиями МАГАТЭ, и Индия обратилась к правительству Советского Союза, которое в конце января 1976 г. сделало заявление о принятии первоначального варианта Руководящих принципов, с просьбой о поставках тяжелой воды для обоих реакторов.

Научные Записки ПИР-Центра №17

По решению советского руководства от 29 февраля 1976 г. Москва дала согласие на поставку 200 т тяжелой воды с условием соблюдения всех международных обязательств СССР. В июне 1976 г. Министерством внешней торговли СССР был подписан контракт с индийской стороной, который полностью соответствовал международным обязательствам СССР по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Руководящим принципам ГЯП. Однако правительство Индии не утвердило этот документ, поскольку в нем содержалось обязательство о предоставлении гарантий неиспользования тяжелой воды для создания мирных ядерных взрывных устройств (ЯВУ).

Последовали длительные переговоры, в ходе которых Индия сопротивлялась требованию Москвы предоставить гарантии неиспользования поставляемой тяжелой воды для создания мирных ЯВУ. Но получение таких гарантий было для СССР принципиальным моментом, о чем советскими дипломатами было заявлено и на Генеральной конференции МАГАТЭ в сентябре 1976 г. Поэтому индийское правительство, нуждавшееся в поставках тяжелой воды, было вынуждено согласиться с требованиями, выдвинутыми советской стороной. В итоге переговоров в сентябре в Дели был подписан контракт, в котором предусматривалось, что получатель представит продавцу в течение 60 дней официальное заявление правительства Индии. В этом заявлении было указано, что покупатель не будет использовать расщепляющийся ядерный материал, полученный или используемый в атомных электростанциях, для которых поставляется тяжелая вода, с целью производства ядерного оружия или какого-либо ЯВУ. Сами поставки тяжелой воды начались в октябре–ноябре того же года.

Таким образом, несмотря на настойчивость индийского правительства, Советский Союз не счел возможным ставить под сомнение свою решимость соблюдать собственные международные обязательства¹.

1979–1986 годы: начало переговоров об АЭС в Куданкуламе

История нынешней российско-индийской сделки о постройке реакторов в Куданкуламе началась еще в 1979 г., когда во время визита индийского премьер-министра Морарджи

Десаи в Москву председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин сделал предложение о поставке в Индию атомной электростанции² мощностью в 1000 МВт. Это предложение вызвало обсуждение в Индии, но далее дело не пошло. СССР повторял свое предложение еще дважды, в 1981 и 1982 гг., и в конце января 1983 г. в Москву наконец приехал председатель индийской Комиссии по атомной энергии (КАЭ)³ Хоми Н. Сетна для обсуждения деталей соглашения. В конце того же года индийской стороной было сделано предложение о закупке не одного 1000-МВт блока, а двух блоков по 440 МВт, и переговоры были продолжены в этом направлении.

Обсуждение контракта продолжалось на разных уровнях еще несколько лет, в течение которых наметились первые серьезные разногласия между сторонами. Например, в июле 1985 г. стало известно о том, что вопрос о применении гарантий МАГАТЭ к планируемым реакторам стал камнем преткновения между сторонами. Невозможность его решения временно заблокировала сделку. В 1986 г. даже существовали предположения о том, что индийский Департамент по атомной энергии намерен прекратить переговоры по сделке, и администрации департамента приходилось специально эти слухи опровергать.

В результате давления на Дели со стороны Москвы во время визита генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева в Индию 25–28 ноября 1986 г. стало возможным анонсировать сделку как замечательный пример советско-индийского экономического сотрудничества⁴.

В течение этого визита, 27 ноября 1986 г., советской стороной было также сделано предложение предоставить Индии под небольшие проценты долгосрочную ссуду в 2 млрд руб. под закупку в СССР АЭС и другого оборудования. Это предложение возобновило переговоры об АЭС, заблокированные ранее.

1987 год: внутривнутриполитические дебаты в Индии

В начале 1987 г. произошло событие, которое значительно ускорило процесс переговоров о постройке реакторов. Дело в том, что в самой Индии с самого начала переговорного процесса существовал внутривнутриполитический

Научные Записки ПИР-Центра №17

спор о целесообразности закупки советских реакторов. С 1983 г. ключевой, с точки зрения принятия решения о закупке, пост главы КАЭ занимал Раджа Раманна⁵, известный своим резко негативным отношением к закупкам любых ядерных реакторов за рубежом⁶. Раджа Раманна считал, что обращение к другим странам для закупок было бы абсолютно неприемлемо для индийских научных кругов, так как пустило бы по ветру их уверенность в своих силах, и подорвало бы их моральное состояние. Кроме того, Раджа Раманна указывал, что закупка иностранных реакторов делает индийскую ядерную программу уязвимой, так как, во-первых, предполагает применение гарантий на них, что, с его точки зрения, совершенно неприемлемо, и, во-вторых, устанавливает зависимость Индии от иностранных поставок топлива и запасных частей. Нужно отметить, что Раджа Раманна, скорее всего, выражал общую позицию ученых-ядерщиков из организаций, ориентированных преимущественно на военные исследования, таких как Центр атомных исследований им. Хоми Баба⁷, а также подразделений, занимающихся претворением в жизнь плана Хоми Баба о переводе индийской ядерной энергетики на ториевый топливный цикл, речь о котором пойдет ниже. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что в годы, когда ведение переговоров с СССР о поставках реакторов во многом зависело от Раджи Раманны, эти переговоры шли много медленнее возможного.

Однако тот же Раджа Раманна незадолго до описываемых событий анонсировал новый пятнадцатилетний план Департамента по атомной энергии⁸, в котором предполагается к 2000 г. выйти на уровень выработки ядерной энергии в 10 ГВт. Для тогдашнего премьер-министра Индии Раджива Ганди и некоторых ученых было очевидно, что достичь такого уровня можно только при условии импорта новых мощных и современных реакторов, следовательно, переговоры с СССР необходимо было ускорить.

Описанные разногласия вкупе с уже прохладными отношениями между главой КАЭ и премьер-министром привели к настоящему конфликту, который стал достоянием общественности в январе 1987 г. К этому времени срок пребывания Раджи Раманны на посту председателя КАЭ подошел к концу и правительство должно было назвать

его преемника⁹. Стало очевидно, что человек, назначенный на этот пост, будет либо продолжать политику Раджи Раманны и провоенно ориентированной части индийского научного сообщества, либо работать в соответствии с планами Департамента по атомной энергии и премьер-министра. Правительство предлагало назначить на пост председателя КАЭ Малура Шринивасана. Кандидатурой, которая устроила бы Центр атомных исследований им. Хоми Баба и остальные провоенные круги ученых, был П.К. Айенгар, в то время директор Центра им. Хоми Баба, который, как сообщалось, был готов покинуть свой пост в случае назначения Малура Шринивасана председателем КАЭ¹⁰.

В данной ситуации Раджив Ганди сделал выбор в пользу Малура Шринивасана и, таким образом, продемонстрировал, во-первых, свое недовольство политикой Раджи Раманны и ученых из Центра атомных исследований им. Хоми Баба относительно поставок советских реакторов и, во-вторых, снижение важности военной составляющей в индийской ядерной программе на тот момент времени.

Результатом описанных событий стало заявление министра по науке и технологиям Индии К.Р. Нараянана, сделанное в мае 1987 г., о том, что Индия имеет очень высокое мнение о советской ядерной технологии и тщательно изучит имеющиеся предложения.

1987–1988 годы: постановка реакторов под гарантии МАГАТЭ и подписание первого соглашения

Несмотря на благоприятную для заключения контракта внутривнутриполитическую ситуацию в Индии, вопрос гарантий по-прежнему остро стоял на повестке дня. В июне 1987 г. Индия дала понять, что примет советское предложение при двух условиях: СССР, во-первых, предоставит гарантии бесперебойных поставок топлива на будущую станцию и, во-вторых, не будет требовать от Индии постановки реакторов под гарантии МАГАТЭ. Представляется вполне естественным тот факт, что второе условие не могло устроить СССР, и в ноябре 1987 г. советская сторона объявила, что сможет предоставить обсуждавшийся годом ранее двухмиллиардный кредит только при условии принятия Индией совместно с МАГАТЭ соответствующего соглашения о гарантиях. Этот аргумент, видимо, был принят во внимание, и 27 сентября 1988 г. Индия

Научные Записки ПИР-Центра №17

заключила соглашение с МАГАТЭ о применении гарантий к поставке советской АЭС, которое было распространено в январе 1989 г. как INFCIRC/360.

Кроме гарантий в ходе переговоров обсуждались также вопросы непрерывности поставок свежего топлива, возвращения облученного топлива обратно в СССР, а также другие технические и финансовые детали¹¹.

Наконец, было объявлено, что в ходе предстоящего в ноябре визита генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева состоится подписание контракта на поставку АЭС¹². Эта сделка была преподнесена как одно из основных событий предстоящего визита. Министр оборонной промышленности Индии Шиврадж Патил тогда специально уверил индийский парламент в том, что постройка советских реакторов никак не изменит долгосрочные планы Индии по развитию собственной ядерной энергетики, включая разработку ториевого топливного цикла. Министр обосновал перед парламентом преимущества будущей сделки, заявив, что правительство СССР предложило весьма привлекательные финансовые условия соглашения и при этом не потребовало от Индии принятия всеобъемлющих гарантий, ограничившись только требованием остановки под гарантии самих реакторов и поставляемого топлива.

20 ноября 1988 г. в Нью-Дели Михаил Горбачев и Раджив Ганди подписали долго обсуждавшееся соглашение. В нем указывалось, что новая АЭС будет состоять из двух энергоблоков, построенных *под ключ* советской внешнеэкономической организацией *Атомэнергоэкспорт* в Куданкуламе, штат Тамилнад. Стоимость новой станции оценивалась примерно в 44 млрд рупий, что составляло около 2,2 млрд фунтов стерлингов, причем СССР предоставлял Индии эти деньги в кредит на десять лет под 2,5% в год. Сообщалось, что реакторы будут использовать урановое топливо с обогащением 2,5–4%¹³. По условиям соглашения СССР брал на себя обязательства поставлять в течение всего срока эксплуатации АЭС ядерное топливо для нее. Облученное топливо из Куданкулама должно было отправляться обратно в СССР.

Советские реакторы и план Хоми Баба

Заключение Михаилом Горбачевым и Радживом Ганди соглашения о реакторах

вызвало некоторые вопросы в индийских правящих кругах. Основное опасение состояло в том, не вызовет ли постройка советских легководных реакторов изменений в собственной индийской ядерной программе¹⁴. В середине 1950-х гг. основатель ядерной программы Индии Хоми Джахангир Баба разработал амбициозную концепцию развития индийской ядерной энергетики, которая полностью предопределила будущую структуру индийского топливного цикла. Основой плана стало понимание того, что в Индии отсутствуют запасы урана, достаточные для удовлетворения ее растущих энергетических потребностей. Вместе с тем эта страна обладает огромными запасами тория, которые при разработке и внедрении соответствующих технологий могут обеспечить Индию энергией очень надолго. Кроме того, Хоми Баба верил, что уровень выработки электроэнергии в любой стране напрямую связан с уровнем ее экономического развития¹⁵. По его мнению, увеличение энерговыработки в Индии немедленно стало бы причиной экономического роста в стране. Именно поэтому он придавал огромное значение своему плану, целью которого было полностью перевести ядерную энергетику Индии на ториевый топливный цикл, не применяющийся пока в промышленных масштабах нигде в мире. Этот план, который был впервые представлен в 1954 г. и принят правительством Индии в 1958 г., состоял из трех ступеней.

Для осуществления первой ступени плана нужно было построить достаточное количество тяжеловодных реакторов, работающих на природном уране. Строительство планировалось производить с помощью канадских фирм, которые уже имели к началу 1960-х гг. соответствующие технологии¹⁶. За основу были взяты реакторы типа CANDU (Canadian Deuterium Uranium Reactor), местный их вариант стал называться PHWR (Pressurized Heavy Water Reactor). Естественно, такие реакторы одновременно использовались как энергетические, причем для этого не требовалось развивать технологии обогащения урана. Трудность в эксплуатации таких реакторов состояла в необходимости иметь значительные мощности по производству тяжелой воды. Несмотря на значительные усилия, предпринятые в этом направлении, Индии еще долго приходилось импортировать тяжелую воду из СССР и Канады. Смысл использования реакторов

Научные Записки ПИР-Центра №17

PHWR заключается в том, что такие реакторы, работая на природном уране, имеют в своем облученном ядерном топливе (ОЯТ) примерно в два раза больше плутония, чем легководные реакторы, а плутоний в свою очередь нужен для использования во второй части плана.

Вторая ступень плана включала построение так называемых быстрых реакторов-размножителей (Fast Breeder Reactor, FBR). Реакторный плутоний, полученный из реакторов PHWR, и торий должны были быть использованы для создания смешанного плутониево-ториевого топлива. Облучение такого топлива в реакторах FBR позволило бы получать из их ОЯТ дополнительный плутоний и уран-233. Этот изотоп урана не встречается в природе, но совершенно необходим для построения ториевого топливного цикла, т.е. для использования в третьей стадии плана Хоми Баба.

На этом этапе производится новый тип топлива, в которое входит полученный на предыдущей стадии уран-233 и торий. Такое топливо может использоваться в различных типах реакторов. Основная идея применения этого типа топлива заключается в том, что при его сжигании в реакторе образуется больше урана-233, чем тратится. Таким образом, происходит размножение урана-233¹⁷. Если учесть большие запасы тория в Индии, то размножение урана-233 означает возможность создавать почти неограниченные запасы уран-ториевого топлива и пользоваться преимуществами (как, впрочем, и недостатками) ториевого топливного цикла.

Таким образом, в тот момент индийская ядерная программа была ориентирована на использование реакторов PHWR, т.е. реакторов, которые в известной степени являются потомками канадских реакторов CANDU и используют в качестве замедлителя и теплоносителя тяжелую воду, а в качестве топлива – небогатенный уран.

Реакторы типа ВВЭР-1000, которые предполагается построить в Куданкуламе, используют обогащенный уран и обычную воду. Это означает, что такие реакторы наряду с уже имеющимися легководными реакторами американского производства в Тарапуре могут, теоретически перевести индийский ядерно-энергетический комплекс на другие рельсы, или, по крайней мере, как тогда

говорилось, *разбавить* индийскую ядерную программу.

Еще одной темой для опасения в индийском обществе стала безопасность советских реакторов. Со времени аварии в Чернобыле тогда прошло менее трех лет, и, хотя планировавшийся реактор был совершенно иной конструкции, премьер-министру Радживу Ганди приходилось специально разъяснять индийскому парламенту, что советский реактор «будет также безопасен, как и любой другой реактор в мире»¹⁸.

1989–1992 годы: первые серьезные проблемы и приостановление работ по сделке

После заключения соглашения в конце 1988 г. и до начала девяностых годов между СССР и Индией шло активное сотрудничество в связи с дальнейшей разработкой и проектированием АЭС¹⁹. Но в начале девяностых годов одновременно образовалось три фактора, препятствующих дальнейшему продвижению контракта.

Во-первых, заметно возросло давление со стороны *антиядерных активистов*, протестующих против постройки АЭС. Правительство Штата Тамилнад было вынуждено создать специальную группу экспертов для оценки влияния АЭС на окружающую среду, а также для исследования социальных аспектов проекта²⁰.

Во-вторых, как и было решено Радживом Ганди еще в 1987 г., по истечении полномочий Малура Шринивасана как главы КАЭ его место занял П.К. Айенгар, директор Центра атомных исследований им. Хоми Баба. Он был всегда хорошо известен как идейный соратник Раджи Раманны и последовательный сторонник использования внутренних индийских разработок в ядерной энергетике. В отличие от предыдущего главы КАЭ, развивавшего импорт установок, материалов и технологий из-за рубежа, от П.К. Айенгара вряд ли можно было бы ожидать покровительства постройке АЭС²¹.

Через некоторое время советско-индийские переговоры начали замедляться²², и к моменту распада СССР индийская сторона не была заинтересована в выполнении подписанных соглашений настолько, чтобы суметь совместно уже с российской стороной сохранить темпы выполнения контракта на

Научные Записки ПИР-Центра №17

прежнем уровне в создавшихся условиях. Таким образом, политическая нестабильность в СССР стала третьим и решающим фактором, замедлившим выполнение контракта на годы. Уже в конце января 1992 г. сначала российская²³, а затем и индийская^{24,25} стороны объявили о практически полном приостановлении деятельности по сделке. Хотя само соглашение расторгнуто не было, П.К. Айенгар официально объявлял о том, что в случае отказа России от участия в проекте Индия готова самостоятельно, с привлечением частных инвестиций, строить четыре реактора PHWR по 500 МВт каждый²⁶.

Хотя Россия никогда и не отказывалась от сделки, выполнить ее с финансовой точки зрения также было невозможно. Недостаток капиталов у российской стороны отмечался открыто²⁷. Лучшее, что в данном случае было возможно предпринять, — это отложить выполнение контракта, не расторгая его. Несмотря на продекларированную индийским правительством решимость профинансировать постройку станции своими силами, очевидно, что сделать это было непросто. Этот факт, а также не прекращавшиеся дипломатические усилия России по продвижению сделки²⁸ сделали возможным ее сохранение.

1992 год: ужесточение правил экспортного контроля и их влияние на сделку

Сделка была законсервирована примерно до 1994 г., однако даже в этот период препятствия постройке реакторов продолжали возникать. Во время войны в Персидском заливе была обнаружена тайная ядерная программа Ирака. Данная находка подтолкнула членов ГЯП к усилению правил этого режима экспортного контроля, и на варшавской встрече 3 апреля 1992 г. было принято, в частности, Заявление о всеобъемлющих гарантиях как обязательном условии ядерных поставок в любое неядерное государство. Эта законодательная норма была распространена МАГАТЭ как документ INFCIRC/254²⁹.

За несколько дней до этого события, 27 марта 1992 г., президент России Борис Ельцин подписал Указ №312 «О контроле за экспортом из Российской Федерации ядерных материалов, оборудования и технологий». Этим документом постановлено, что экспорт из России «ядерных материалов, а также технологий, оборудования, установок и специальных неядерных материалов»

возможен только в такие государства, вся ядерная деятельность которых поставлена под гарантии МАГАТЭ³⁰. Таким образом, внутреннее российское законодательство было приведено в соответствие международным обязательствам нашей страны.

Индия в обозримом будущем не поставит свою ядерную деятельность под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ, но тем не менее Россия формально имеет право построить там два ядерных реактора. Как указывалось выше, соглашение о поставках реакторов было подписано почти за четыре года до ужесточения режима ГЯП, а значит, оно не потеряло своей силы и после 1992 г., ведь документ INFCIRC/254, как это отражено и в нем самом, не имеет обратной силы³¹.

1994–1996 годы: реанимация сделки и уточнение тем переговоров

В декабре 1994 г. сделка была официально реанимирована. Премьер-министр Российской Федерации Виктор Черномырдин 19 декабря 1994 г. подписал Постановление правительства №1395 «О подписании Протокола к Соглашению между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Индией о сотрудничестве в сооружении в Индии атомной электростанции от 20 ноября 1988 года». Сам упомянутый протокол был подписан в ходе визита Виктора Черномырдина в Индию 24 декабря 1994 г.³²

В этом документе правительства обоих государств выражали желание продолжить замороженное сотрудничество в постройке АЭС, но с некоторыми изменениями, перечисляемыми в протоколе. В статье 3 указываются новые параметры государственного кредита, предоставляемого Индии. Максимальная сумма кредита установлена в «2600 млн долл. США из расчета 4% годовых», окончательная сумма кредита должна была быть утверждена позднее специальным документом. В эту сумму входит не только оборудование самой АЭС, но также и ядерное топливо и «управляющие сборки», необходимые для «первоначальной загрузки и пяти последующих перегрузок для каждого энергоблока».

Из текста протокола неясно, что именно подразумевается под словом *перегрузка* в данном случае. Для планируемых реакторов необходимо перегружать примерно одну треть

Научные Записки ПИР-Центра №17

активной зоны в год, таким образом, полностью топливо в реакторе сменяется раз в три года. Если под *перегрузкой* подразумевается в данном случае полная смена топлива в реакторе, то, следовательно, в сумму кредита включено также достаточное количество топлива для функционирования АЭС в течение 18 лет. Если же обсуждаемый термин подразумевает только перегрузку трети активной зоны, то обеспеченного кредитом топлива хватит на шесть лет.

В соответствии со статьей 8 протокола все ОЯТ, выгружаемое из реакторов, будет транспортировано в Россию для переработки. Оставшиеся после этого процесса радиоактивные отходы должны возвращаться в Индию.

В соответствии с протоколом российская сторона разработает технический проект АЭС, окажет техническое содействие в строительстве АЭС, выполнит монтажные и пусконаладочные работы, обучит индийский персонал, создаст учебный центр, включая поставку учебного тренажера, и будет поставлять топливо и управляющие сборки.

Сразу после подписания протокола члены ГЯП попросили российское правительство подтвердить факт подписания и предоставить некоторые детали сделки³³. Ими сразу же был поднят вопрос о принятии Индией полноохватных гарантий как условия постройки АЭС в Куданкуламе, после чего последовали противоречивые заявления российских официальных лиц.

Незванным российским официальным лицом было сделано заявление о том, что данная сделка не подпадает под существующие экспортно-контрольные ограничения, так как была подписана до их принятия. Но вскоре чиновник из Министерства иностранных дел заявил о том, что «Москва согласилась на поставки энергоблоков только на условии принятия Индией полноохватных гарантий»³⁴. Такая несогласованность продолжалась, видимо, еще довольно значительное время. Только в начале 1997 г. замминистра иностранных дел РФ Григорий Карасин официально подтвердил намерение Москвы участвовать в сооружении АЭС *Куданкулам* в Индии³⁵. Он заявил, что «наше участие в проекте не противоречит внутреннему законодательству России и ее международным обязательствам».

На Западе подписание протокола 1994 г. было воспринято как проверка возможностей главы Минатома Виктора Михайлова по созданию исключений из принятых Россией правил экспортного контроля. Интересно, что возражения против сделки, опубликованные в то время, не содержали аргументов по существу, т.е. критики по исполнению буквы закона. В качестве возражений приводились лишь размышления о духе закона и общие рассуждения о нераспространении³⁶.

Работа над проектом продолжалась на протяжении 1995 и 1996 гг. В этот период страны несколько раз обменивались делегациями, уточнялись детали сделки, было подписано несколько вспомогательных документов, включая Меморандум о взаимопонимании с Корпорацией по ядерной энергии Индии.

В это время наметилось несколько тем для переговоров³⁷. Во-первых, активно обсуждались финансовые условия контракта. Российская сторона требовала от партнера перед началом выполнения работ по проекту накопить «адекватные финансовые ресурсы». Правительство же Индии предлагало оплатить часть стоимости проекта товарами, произведенными индийскими предприятиями. Кроме того, стороны не могли прийти к соглашению об условиях погашения кредита.

Во-вторых, правительство Индии предложило обсудить возможность не строить реакторы *под ключ*, как это предполагалось ранее, а лишь «купить технологию» российских реакторов типа ВВЭР и строить их самостоятельно.

В-третьих, оставался нерешенным вопрос о захоронении ядерных отходов. Ранее было решено, что ОЯТ из Куданкулама будет возвращаться для переработки в Россию, но статус остающихся после этого процесса радиоактивных отходов определен не был.

1997–2000 годы: конкретизация соглашений и начало работы по контрактам

В марте 1997 г. министр по атомной энергии Виктор Михайлов объявил о том, что новое соглашение может быть подписано уже в конце года³⁸. Через несколько дней после этого, 25 марта, президент России Борис Ельцин в ходе встречи с индийским премьером Деве Гоудой «согласился в принципе» продать два реактора в Индию³⁹.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Тогда же индийская сторона попросила начать подготовку технического проекта АЭС. В ноябре 1997 г. было объявлено, что соглашение о продаже реакторов будет заключено в ходе визита Бориса Ельцина в Индию во второй половине января 1998 г.⁴⁰ Подготовка этого визита и обеспечение подписания дополнения к Соглашению 1988 г. были поручены первому вице-премьеру правительства Анатолию Чубайсу⁴¹, который посетил Индию в декабре. Видимо, до визита Анатолия Чубайса между сторонами еще существовали некоторые разногласия о финансовой стороне контракта, но вскоре после визита было заявлено, что противоречия сняты⁴².

К началу января 1998 г. площадка, на которой планировалось строительство, уже была полностью разведана, на ней были завершены гидрологические и сейсмические исследования⁴³. Во время визита Бориса Ельцина стороны планировали подписать дополнение к Соглашению о строительстве АЭС на новых условиях. Одновременно с этим документом руководители Минатома, ВПО *Зарубежатомэнергострой* и АО *Атомэнергоэкспорт* планировали подписать контракт с Корпорацией по атомной энергии Индии о разработке технического проекта АЭС⁴⁴. К сожалению, указанный визит Бориса Ельцина в Индию тогда так и не состоялся, и подписание документов было отложено.

В это время помощник госсекретаря США Карл Индерферт сделал заявление для прессы о том, что администрация США не возражает против постройки АЭС в Куданкуламе⁴⁵. Как он объяснил, в США существует понимание того, что намечающееся российско-индийское соглашение «имеет свою историю», что правительство России имеет свое понимание проблемы и что энергетические потребности Индии остаются пока неудовлетворенными. Кроме этого, вероятно, усилия Минатома по пропаганде сделки также принесли свои плоды⁴⁶. Можно считать, что в начале 1998 г. значительная часть международного давления на Россию и Индию была снята. Однако вскоре, в мае 1998 г., Индия провела ядерные испытания, что стало причиной серьезнейшей международной критики Индии в мире, а также повлекло за собой наложение США санкций на Индию.

Но эти события не повлияли на стремление России подписать отложенные документы. Несмотря ни на что, работа над Дополнением к Соглашению 1988 года продолжалась⁴⁷. 21–23 июня 1998 г. состоялся визит в Индию министра по атомной энергии РФ Евгения Адамова. В ходе переговоров с премьер-министром Индии Аталом Бихари Ваджаи и председателем Корпорации по атомной энергии Индии Раджагопаланом Чидамбарамом было подписано Дополнение к Соглашению от 20 ноября 1988 года⁴⁸. По этому документу Российская сторона предоставляет Индии государственный кредит на сумму 2,6 млрд долл.⁴⁹ Этот кредит покрывает 85% затрат российских организаций⁵⁰. 15% затрат должны быть оплачены индийской стороной наличными в долларах США.

Также в документе подробно прописана процедура постановки ядерных материалов с АЭС *Куданкулам* под гарантии МАГАТЭ. Выгруженное из реакторов ОЯТ будет перерабатываться на территории Индии для использования получаемых материалов внутри страны, причем правительство Индии обязуется поставить под гарантии МАГАТЭ все передаваемые ему ядерные материалы, включая последующие производные продуктов распада.

В Дополнении к Соглашению определен порядок ведения работ: «После одобрения технического проекта и решения правительства Республики Индии о строительстве объекта российские организации представят технико-коммерческое предложение на осуществление своих обязательств. После одобрения технико-коммерческого предложения правительством Республики Индии заключается генеральный контракт, в котором будут указаны согласованный объем работ и сроки».

В связи с данным порядком ведения работ 20 июля 1998 г. директор Корпорации по ядерной энергии Индии Я.С.Р. Прасад и генеральный директор ЗАО *Атомстройэкспорт* Виктор Козлов подписали соглашение о начале подготовки технического проекта АЭС⁵¹, для чего было выделено 57 млн долл.⁵² Несколько позже, в мае 1999 г., ЗАО *Атомстройэкспорт* был подписан договор о подготовке технического проекта с главным проектировщиком – институтом *Атомэнергопроект*, который, в свою очередь,

Научные Записки ПИР-Центра №17

привлек основных субподрядчиков – ОКБ *Гидропресс* и РНЦ Курчатовский институт. Кроме этого были заключены договора еще с 34 субподрядными организациями⁵³. Заместитель министра по атомной энергии Булат Нигматуллин заявлял, что российские организации завершат подготовку технического проекта «через 24 месяца после получения предоплаты»⁵⁴. По другим данным, завершение процесса разработки технического проекта было запланировано на апрель 2001 г.⁵⁵ Видимо, в течение 1999 г. подготовка технического проекта шла успешно, так как уже в ноябре во время визита Евгения Адамова в Индию в составе делегации, возглавляемой вице-премьером Ильей Клебановым, было объявлено, что Россия уже заканчивает подготовку технического проекта⁵⁶. После этого данный документ должен быть одобрен индийской стороной, что, в свою очередь, позволит подготовить и подписать генеральный контракт на строительство самой АЭС. Разработка документов продолжалась еще некоторое время и 26 января 2000 г. глава Минатома Евгений Адамов объявил о том, что генеральный контракт на строительство АЭС *Куданкулам* может быть подписан уже в конце 2000 г.⁵⁷

Попытки проникновения Франции на индийский ядерный рынок

Уже через несколько дней после заключения соглашения 1998 г. с Россией правительство Индии стало изучать возможности ядерного сотрудничества с Францией. Индийская делегация, в состав которой входили высокопоставленные чиновники из индийского Департамента по атомной энергии, посетила 29–30 июня 1998 г. эту страну. Были проведены двухдневные переговоры, в ходе которых затрагивались вопросы нераспространения ядерного оружия с учетом недавних индийских ядерных испытаний, а также обсуждалась возможность сотрудничества в области мирной ядерной энергетики⁵⁸.

Эти переговоры описывались в прессе как часть новой политики, которую Индия и Франция стали проводить начиная с визита французского президента Жака Ширака в Индию в январе 1998 г. Тогда французский лидер выразил сильнейшее желание своей страны установить как можно более прочное сотрудничество с Индией в различных областях науки и техники. В своей речи

25 января 1998 г. Жак Ширак заявил, что Индия в своих стратегических нуждах может рассчитывать на Францию⁵⁹. Французский президент подчеркнул, что в первую очередь он имеет в виду производство электроэнергии, в которой Индия серьезно нуждается, и отметил что со временем индо-французское сотрудничество возможно и в области ядерной энергетики. Инициатива Жака Ширака была горячо поддержана президентом Индии К.Р. Нараянаном⁶⁰. Тем не менее в речи президента Франции указывается, что пока существует несколько условий, которые должны быть выполнены до принятия решений о ядерном сотрудничестве. Скорее всего, имелось в виду существование ограничений ГЯП на торговлю с Индией.

Стоит отметить, что, несмотря на небольшой срок, прошедший с момента испытаний Индией ядерного оружия, визит индийских специалистов во Францию все же состоялся, хотя и имел своей целью только изучить возможные пути сотрудничества. Тот факт, что этот визит состоялся практически в разгар международного скандала, вызванного индийскими ядерными испытаниями, доказывает крайнюю заинтересованность Франции в сотрудничестве с Индией. В печати появлялись сообщения о том, что французская ядерная промышленность оказывает давление на правительство с целью получить доступ к рынку ядерной энергетики Индии⁶¹. Столкнувшись со стагнацией на европейском рынке и проиграв конкурентную борьбу за рынок Китая, французские производители обратили внимание на Индию и стали настойчиво предлагать правительству найти способ преодолеть политические препятствия, стоящие на пути к индийскому рынку.

Общественные протесты против Куданкулама

Договоренность о сооружении реакторов в Куданкуламе вызвала волну общественных протестов, связанных с подозрениями, что планируемая АЭС будет опасна для окружающей среды. Эти протесты принимали и весьма радикальные формы, доходило и до террористических актов. Например, в августе 1997 г. боевики тамильской экстремистской группировки «Освободительная армия Тамилнада» взорвали бомбу у стен библиотеки российского культурного центра в Мадрасе. В своих листовках террористы заявили, что осуществили взрыв в знак протеста против «индийско-русского

Научные Записки ПИР-Центра №17

заговора», выразившегося в подготовке к строительству АЭС в районе города Куданкулам с технической помощью России⁶². Конечно, в основном протесты не принимали столь крайних форм, чаще все ограничивалось действиями вроде маршей протеста⁶³.

Основные причины общественного недовольства заключались в следующем.

Во-первых, существует мнение, что сброс теплой воды с теплообменников АЭС в океан может стать причиной так называемого теплового загрязнения, т.е. излишнего повышения температуры воды и изменения морской флоры и фауны. Такие опасения распространялись рыболовецкими компаниями, ведущими промысел в регионе. Работники из этих компаний оказывались и устроителями демонстраций протеста⁶⁴.

Во-вторых, серьезное беспокойство вызывала гипотетическая возможность осуществления инцидента, во многом похожего на чернобыльский. Негативное отношение индийцев, подогреваемое усилиями заинтересованных экологов, воспринимало любые реакторы из России как «реакторы чернобыльского типа», т.е. «смертельно опасные».

В-третьих, «представителями общественного мнения» высказывалась уверенность в том, что постройка АЭС повлечет за собой вспышку раковых заболеваний в близлежащих районах.

В-четвертых, высказывались предположения о том, что конструкция российских реакторов будет недостаточно прочна, чтобы выдержать возможные сейсмические колебания.

Индийское правительство с конца 1980-х гг. последовательно опровергало подобные измышления и проводило работу с общественным мнением, направленную на популяризацию атомной энергии в целом. Корпорацию по ядерной энергии Индии устраивали специальные публичные семинары, проводимые для ознакомления общественности с реальным положением дел относительно систем безопасности планируемых реакторов⁶⁵. Высокопоставленные индийские чиновники постоянно выступали с уверениями в том, что планируемые реакторы соответствуют всем

нормам безопасности⁶⁶. Такие же заявления делали и их российские коллеги⁶⁷.

2000–2001 годы: разработка и начало строительства АЭС Куданкулам

Несмотря на упомянутые выше заявления Евгения Адамова о том, что генеральный контракт на строительство АЭС *Куданкулам* может быть подписан уже в конце 2000 г., этого не произошло. В период с 28 сентября по 1 октября 2000 г. в Нью-Дели было проведено первое заседание совместного Координационного комитета по АЭС *Куданкулам* для решения и согласования основных возникших проблем. На заседании комитета были утверждены планы подготовки генерального контракта и сооружения АЭС. Было решено, что индийская сторона полный комплект документов генерального контракта представит в мае-июне 2001 г., а окончательное его согласование было намечено на август 2001 г.⁶⁸

Наконец, в 25 июня 2001 г. в Москве состоялись переговоры Анила Какодкара и Александра Румянцева, на которых было решено, что подписание генерального контракта может состояться уже в сентябре–октябре⁶⁹. Несколько позже подписание окончательных соглашений на строительство АЭС было решено приурочить к намеченному также на осень визиту премьер-министра Индии Атала Бихари Ваджпаи⁷⁰.

Визит индийского премьера в Россию⁷¹ состоялся 4–7 ноября 2001 г.⁷² В ходе визита сторонами было подписано сразу два документа в отношении АЭС *Куданкулам*⁷³. Один из них, Генеральное соглашение о сооружении АЭС *Куданкулам* (первого и второго энергоблоков), был подписан 6 ноября ЗАО *Атомстройэкспорт* и Корпорацией по атомной энергии Индии. В этом документе зафиксированы объемы поставок и услуг российской стороны, взаимные обязательства сторон и график сооружения объекта. Генеральный директор ЗАО *Атомстройэкспорт* Виктор Козлов заявил, что в развитие этого соглашения будет заключен ряд контрактов на поставки и услуги российских организаций по сооружению АЭС⁷⁴. По его словам, в течение ближайших двух месяцев *Атомстройэкспорт* и Корпорация по атомной энергии Индии подпишут контракты на разработку рабочей документации и поставку оборудования с длительным циклом изготовления.

Научные Записки ПИР-Центра №17

На ОАО *Ижорские заводы* уже началось производство корпусного оборудования первого контура реактора⁷⁵. По словам представителя предприятия, в связи с длительностью процесса изготовления этого оборудования (корпус реактора изготавливается в течение трех лет) работа была начата еще до подписания межгосударственного контракта.

С начала 2002 г. на будущую АЭС начнется поставка подсобного, электрического и контрольного оборудования. В этом примут участие многие российские предприятия, такие, как Подольский машиностроительный завод, Уральский завод тяжелого машиностроения, Ленинградский металлический завод и др.⁷⁶ Сами реакторы планируется поставить в Индию в 2004 г. Ввод в действие первого энергоблока запланирован на декабрь 2007 г., второго – на декабрь 2008 г. Не исключено, что эти сроки станут меняться в зависимости от того, как стороны будут продвигаться в выполнении проекта.

Что касается цены проекта, то она оставалась неопределенной до последнего момента. Сообщается, что Комитет по вопросам экономики индийского кабинета министров одобрил финансирование строительства АЭС *Куданкулам* в размере 131,7 млрд рупий (что составляет примерно 2,75 млрд долл.). Индия выделит 67,55 млрд рупий (1,4 млрд долл.), остальная часть проекта будет финансироваться за счет льготных кредитов от России⁷⁷. Ставка кредита должна составить 4% годовых, погашать кредит Индия начнет после окончания строительства двух энергоблоков. Неизвестно, насколько изменились эти параметры в окончательном варианте соглашения, но существуют серьезные основания полагать, что эти цифры близки к окончательным⁷⁸.

Вторым документом о ядерной энергетике, подписанным в ходе визита, стал «Меморандум об основных принципах сотрудничества при сооружении АЭС *Куданкулам*». Его подписали в присутствии президента РФ и премьер-министра Индии министр по атомной энергии России Александр Румянцев и секретарь департамента по атомной энергии правительства Республики Индии, председатель Комиссии по атомной энергии Анил Какодкар⁷⁹. Этот документ опубликован

не был, и судить о нем приходится по косвенным источникам.

Незадолго до описываемых событий Александр Румянцев упомянул в одном из своих интервью, что во время визита индийского премьера будет определено количество энергоблоков, которое Россия и Индия построят в Куданкуламе⁸⁰. В Генеральном соглашении, которое обсуждалось выше, речь идет только о двух энергоблоках, переговоры о которых ведутся с 1980-х гг. Вероятно, именно в «Меморандуме об основных принципах сотрудничества при сооружении АЭС *Куданкулам*» закреплена договоренность о постройке еще двух энергоблоков АЭС *Куданкулам*. О том, что такая договоренность была достигнута на переговорах в ходе визита, сообщил журналистам 6 ноября 2001 г. вице-премьер правительства РФ Илья Клебанов⁸¹. В тот же день Анил Какодкар также упоминал о том, что Индия «рассматривает возможность заказать в России сооружение еще двух-четырех блоков АЭС плюс к тем двум, документы на строительство которых были подписаны 6 ноября»⁸². Более того, тогда же, по сообщению РИА *Новости*, Илья Клебанов заявил, что контракт на строительство дополнительных энергоблоков будет подписан до конца 2001 г.

Куданкулам и двустороннее сотрудничество

Будучи самым продолжительным и крупным на сегодняшний день российско-индийским ядерным проектом, АЭС *Куданкулам* может быть рассмотрена как зеркало, отражающее все основные черты и особенности современного сотрудничества двух стран в области мирной ядерной энергетики. Более чем двадцатилетняя история АЭС в Куданкуламе выявила некоторые препятствия, осложняющие процесс переговоров и строительства станции в Индии. Какие-то из этих препятствий носили единичный характер, какие-то не преодолены до сих пор. Выделим некоторые из них.

Первое. Можно предположить, что и по сей день некоторые влиятельные индийские ученые и инженеры, работающие в подразделениях, ориентированных на развитие военной ядерной программы, составляют оппозицию идее применения в индийской ядерной энергетике иностранных реакторов. Основным их доводом является соображение о том, что постройка легководных реакторов,

Научные Записки ПИР-Центра №17

причем таких мощных, как ВВЭР-1000, может *растворить* местную, собственно индийскую ядерную энергетику, и поставить ее в зависимость от иностранных технологий, что опасно в условиях существования ограничений на ядерную торговлю. Кроме того, *растворение* энергетики означает также замедление темпов исполнения плана Хоми Баба о переходе на ториевый топливный цикл. Не нужно забывать также и о традиционном стремлении Индии опираться, где это только возможно, прежде всего на собственные силы.

Тем не менее трудно предположить, чтобы доводы о *растворении* ядерной энергетики, которые, несомненно, оказывали серьезное влияние на внутрииндийский процесс принятия решений в прошлом, доминировали сегодня. Потребности Индии в электроэнергии растут слишком быстро и удовлетворить их без закупки иностранных АЭС слишком сложно, чтобы Индия могла себе позволить использовать только собственные ресурсы.

Второе. В Индии существует антиядерное лобби, которое способно иногда создавать в индийском обществе некоторую озабоченность в связи с радиационной и экологической безопасностью строящихся реакторов. Как было показано выше, создание такого лобби во многом обусловлено деловыми интересами компаний, действующих в районе строительства ядерных объектов, и, вероятно, поддерживается ими. Разъяснительные меры и кампании по популяризации ядерной энергетики в целом, проводимые индийским правительством, позволяют значительно снижать напряженность в обществе. Существование антиядерного лобби не является решающим фактором в принятии решений в области ядерной энергетики в Индии, но и не может быть полностью забыто.

Третье. Индия не собирается подписывать ДНЯО, а следовательно, и применять полноохватные гарантии МАГАТЭ. Таким образом, члены ГЯП с 1992 г. не имеют права развивать ядерную торговлю с Индией. Усилия по изменению статуса Индии с точки зрения ГЯП, предпринимаемые Минатомом в последнее время, пока ни к чему не привели. Несмотря на то что размышления об открытии индийского ядерного рынка как о способе вовлечь Индию в процесс нераспространения ядерного оружия кажутся довольно убедительными, сложно сказать, насколько

успешны будут усилия Минатома в будущем. Но даже в том случае, когда способ открытия индийского ядерного рынка без ущерба для интересов нераспространения ядерного оружия будет найден, проблемы Минатома не закончатся.

Предположим, что ограничения ГЯП на торговлю с Индией сняты. Сам по себе этот факт совершенно не означает, что Минатом сможет продавать в Индию новые материалы и установки, ведь ограничения будут сняты не только для Минатома, но и для любого другого поставщика. Индия получит право выбирать, у кого и какие установки и материалы закупать для нее предпочтительнее, и выбран может быть вовсе не Минатом. Модель времен *холодной войны*, когда какая-либо страна торговала именно с СССР или США просто потому, что принадлежала к соответствующему лагерю, очевидно устарела и неприменима. Попытки трансформации этой модели в идею о том, что Индия станет предпочитать российские реакторы потому, что Россия есть стратегический партнер, вредны.

Индийские ядерные контракты могут быть получены только в жесткой конкурентной борьбе. Выше уже упоминалась готовность Франции предложить Индии услуги своих ядерных поставщиков. Кроме этого, можно предполагать желание Индии развивать ядерную торговлю с такими странами, как Япония, Канада и США⁸³. Некоторые эксперты полагают, что сейчас в Индии ядерные технологии западных стран воспринимаются как технически более продвинутые в сравнении с российскими технологиями. Следовательно, когда и если вопрос о безопасности расширения ядерной торговли с Индией с точки зрения нераспространения будет решен положительно и индийский ядерный рынок будет открыт, Минатому и другим российским ведомствам придется весьма серьезно работать над продвижением российских ядерных технологий в Индии.

Некоторые эксперты, занимающиеся вопросами нераспространения в южноазиатском регионе, предлагают следующий механизм продвижения российских ядерных технологий. Можно рассматривать взаимодействие двух стран в ядерной области в совокупности с их совместными проектами в области научно-

Научные Записки ПИР-Центра №17

технического и военно-технического сотрудничества. Соглашения из различных областей в последнее время заключаются почти одновременно, пакетами, например, как во время визитов на высшем уровне в октябре 2000-го и в ноябре 2001 г. Можно предположить, что заключение контрактов, связанных, например, с военно-техническим сотрудничеством, могло бы неформально зависеть от заключения контракта, относящегося к энергетике. Таким образом, сторона, заинтересованная в конкретной сделке, может использовать и не связанные документально договоренности для достижения своей цели. Этот механизм может быть принят Россией как дополнительный довод в пользу предлагаемых ею ядерных установок и материалов.

2000–2001 годы: поставки ядерного топлива в Тарапур

История ядерного комплекса в Тарапуре, штат Махараштра, началась в девяностые годы, когда в этом небольшом городке было развернуто строительство первой в Индии коммерческой атомной электростанции⁸⁴. Ее создание было полностью поручено фирмам *Bechtel Corp.*, *General Electric Co.* и *Combustion Engineering Inc.* Эксплуатирующей организацией стала *Nuclear Power Corporation of India Ltd.*

Электростанция в Тарапуре получила сокращенное название TAPS (Tarapur Atomic Power Station). Ее первые два энергоблока, TAPS-1 и TAPS-2, спроектированы для работы с максимальной мощностью в 210 МВт каждый, но в данный момент работают на уровне около 160 МВт⁸⁵. Коммерческое использование этих энергоблоков началось 28 октября 1969 г.

TAPS-1 и TAPS-2 – это реакторы типа BWR (Boiling Water Reactor – водяной реактор кипящего типа). В таких реакторах в качестве теплоносителя и замедлителя нейтронов применяется обычная вода, которая, проходя через активную зону реактора и отбирая тепло с тепловыделяющих элементов, вскипает. В отличие от реакторов на тяжелой воде реакторам первых двух энергоблоков АЭС в Тарапуре требуется для работы топливо с обогащением в несколько процентов. В момент постройки станции Индия не имела возможности самостоятельно изготавливать такое топливо и, следовательно, была

вынуждена заключить с США тридцатилетний контракт на его приобретение.

С самого начала станция была поставлена под гарантии МАГАТЭ. В 1978 г. в США был принят Акт о ядерном нераспространении⁸⁶, который требовал от стран, получающих американские ядерные технологии или материалы, для продолжения дальнейшего сотрудничества поставить свою ядерную деятельность под полноохватные гарантии МАГАТЭ. Поскольку Индия отказалась выполнить эти условия, в 1980 г. продажи топлива и запасных частей в Тарапур из США были прекращены.

Когда имеющееся топливо кончилось, Индия должна была либо остановить оба энергоблока, либо найти новый источник топлива. Для того чтобы получить от Индии обязательство о дальнейшем применении гарантий на тарапурские реакторы и ОЯТ, администрация президента США Рональда Рейгана заключила в 1983 г. трехстороннее американо-индо-французское соглашение, в соответствии с которым поставки топлива и запчастей шли из Франции. По этому соглашению топливо должно было доставляться вплоть до окончания срока действия старого индо-американского контракта, т.е. до 1993 г.^{87,88} Но в конце 1991 г. французское руководство также приняло решение о требовании применения полноохватных гарантий. Поэтому после прекращения в начале 1993 г. поставок ядерного топлива из Франции Индия не могла больше рассчитывать на продление соответствующих контрактов с этой страной.

Таким образом, Индии пришлось искать нового поставщика, и в начале 1995 г. был заключен контракт с китайской фирмой *China Nuclear Energy Industry Corporation*⁸⁹. В том же году Индия объявила о том, что получаемый ею китайский низкообогащенный уран ставится под гарантии МАГАТЭ.

Китай в силу известных политических обстоятельств не может считаться для Индии идеальным поставщиком чего бы то ни было, а в особенности ядерного топлива. Вообще, зависимость Тарапура от иностранных поставщиков не может устраивать Дели. Поэтому индийские ученые вынуждены изучать собственные возможности производства топлива для своих реакторов, причем в области изготовления МОКС-

Научные Записки ПИР-Центра №17

топлива Индия уже достигла определенных успехов. Первая загрузка индийской кассеты с МОКС-топливом в реактор в Тарапуре была произведена в 1994 г., и с тех пор доля таких кассет повышается.

После индийских ядерных испытаний 1998 г. китайские поставки были также прекращены, и к весне-лету 2000 г. Тарапур стал ощущать серьезную нехватку топлива⁹⁰, что означало необходимость снижения мощности энергоблоков, а значит, и прекращение электроснабжения промышленных предприятий в районе Мумбаи (Бомбея).

Обстоятельства опять вынуждали Индию искать поставщика топлива в Тарапур, и такой поставщик снова был найден. 16 августа 2000 г. российское новостное агентство *Интерфакс* сообщило⁹¹, что «предприятие, располагающееся в городе Электросталь Московской области», поставит в Индию около 58 т диоксида урана с обогащением «от 1,66 до 2,6%» для АЭС *Tarapur*. Сами поставки начались несколько позже – в середине февраля 2001 г.

Этот эпизод привел к серьезной критике со стороны стран Запада. Например, в декабре 2000 г. на встрече стран-членов ГЯП многие участники выразили беспокойство в связи с планируемыми Россией поставками топлива в Индию и объявили, что считают эти поставки не соответствующими международным российским обязательствам.

Кроме того, в середине февраля 2001 г. государственный департамент США выступил с заявлением⁹², в котором были высказаны «глубокие сожаления» по поводу поставок ядерного топлива в Индию в нарушение нераспространенческих обязательств России. В этом документе содержится призыв отменить соответствующие договоренности, а также отмечается, что такого рода действия ставят под сомнение факт поддержки Россией идеи предотвращения ядерного распространения⁹³. Тогда же, в середине февраля, в выступлении по американскому телевидению министр обороны США Дональд Рамсфельд прямо обвинил Россию в том, что она является активным распространителем ядерного оружия⁹⁴.

Естественно, Россия должна была обосновать перед мировым сообществом свои действия, и это было сделано следующим образом. В уже

упоминавшемся документе INFCIRC/254/Rev.4, в части первой, параграф 4 (b), предусмотрена возможность передачи предметов или технологий из Исходного списка без применения полноохватных гарантий. Такая передача допускается, если она необходима для дальнейшего безопасного функционирования ядерной установки. Августовское соглашение 2000 г. о поставках низкообогащенного урана из Электростали на АЭС *Tarapur* было обосновано перед членами ГЯП именно таким образом.

Российская сторона попыталась объяснить своим партнерам по ГЯП, что, поскольку Индия не имеет других источников ядерного топлива, у нее не останется другого выхода, кроме как продолжать пытаться использовать оставшееся с предыдущих поставок топливо. Непредусмотренно долгое облучение ядерного топлива в реакторе может привести к разрушению оболочек тепловыделяющих элементов, а значит, к попаданию радиоактивных изотопов в теплоноситель, т.е., к аварии. Таким образом, по утверждению российской стороны, поставки свежего топлива направлены на предотвращение аварийной ситуации и поэтому подпадают под исключение, предусмотренное параграфом 4 (b).

Проблема заключается в том, что все члены ГЯП, кроме Белоруссии, не принимают такое объяснение. Представители США – страны, построившей обсуждаемые энергоблоки и, следовательно, разбирающейся в их техническом устройстве лучше России, ставят под сомнение степень опасности переоблучения топлива в данном типе реакторов. Они утверждают, что исключение, предусмотренное указанным параграфом, неприменимо в данном случае, так как оно было разработано специально для использования в кризисных ситуациях, угрожающих здоровью и безопасности населения⁹⁵, чего в данном случае не наблюдается.

Имеется еще одно возражение против доводов России. Несмотря на заявления индийской стороны о хорошем состоянии двух первых энергоблоков Тарапурской АЭС, нельзя не признать, что эти реакторы выработали свой ресурс, и само дальнейшее их использование чревато аварийными ситуациями. При возникновении таких ситуаций индийская сторона сможет, формально ссылаясь на

Научные Записки ПИР-Центра №17

требования безопасности, обращаться к членам ГЯП с просьбой о новых поставках материалов, предметов и технологий, не рекомендованных к экспорту в Индию до принятия ею полноохватных гарантий, причем такая ситуация может повториться еще неоднократно.

Вне зависимости от того, насколько юридически обоснованным было решение Минатома поставить топливо в Тарапур, сам факт поставки не был признан большей частью мирового сообщества, а, напротив, был подвергнут жесткой критике, что, конечно, само по себе является нежелательным следствием и не улучшает имидж России в ГЯП. В то же время такое решение России вызвало благодарность Индии и, вероятно, помогло дальнейшему развитию двусторонних отношений в ядерной области, речь о котором пойдет ниже⁹⁶.

2000–2001 годы: проблемы и перспективы расширения ядерного сотрудничества

Как было показано выше, намерения Минатома по крайней мере с начала 2000 г. перестали ограничиваться строительством в Индии только двух реакторов. В апреле 2000 г. в прессе, со ссылкой на заместителя министра Евгения Решетникова⁹⁷, а затем и на Евгения Адамова⁹⁸, в то время главу Минатома, стали появляться сообщения о намерениях этого ведомства обсуждать контракт с Индией о разработке и сооружении еще пяти энергоблоков. Неизвестно, о каких именно пяти дополнительных энергоблоках шла речь, но если для упоминания именно такого числа реакторов были реальные основания, то у Минатома существовали намерения строить реакторы не только в Куданкуламе. Считается, что площадка под АЭС *Куданкулам* физически не может вместить более шести энергоблоков⁹⁹.

С тех пор, как в 1992 г. Россия как член ГЯП ужесточила свои экспортно-контрольные ограничения, новые сделки с Индией в области ядерной энергетики стали незаконными. В указе Бориса Ельцина от 27 марта 1992 г. «О контроле за экспортом из Российской Федерации ядерных материалов, оборудования и технологий» специально оговаривается, что ядерный экспорт из РФ в любое государство, не обладающее ядерным оружием, может осуществляться только при условии постановки всей ядерной

деятельности этого государства под гарантии МАГАТЭ.

Это препятствие на пути ядерного экспорта в Индию было видоизменено вскоре после опубликования намерений Минатома построить дополнительные энергоблоки¹⁰⁰. В мае 2000 г. президент РФ Владимир Путин своим указом внес изменения в указ Бориса Ельцина, которые сводятся к разрешению производить экспорт ядерных материалов, установок и технологий в неядерные государства, не применяющие полноохватные гарантии МАГАТЭ, «в исключительных случаях» и по «индивидуальным решениям правительства»¹⁰¹. Этим же указом были определены условия осуществления поставок. Отметим два из них. Во-первых, осуществление поставки не должно противоречить международным обязательствам РФ, и, во-вторых, поставка должна осуществляться исключительно для обеспечения безопасной эксплуатации существующих на территории принимающего государства ядерных установок.

По существу, поправки, внесенные Владимиром Путиным в указ Бориса Ельцина, закрепляют в российском законодательстве положения документа INFCIRC/254 и не могут сами по себе быть восприняты как существенное ослабление правил экспортного контроля России. Тем не менее пресс-секретарь министерства по атомной энергии России Юрий Беспалько заявил по поводу данного указа президента, что он позволит России построить дополнительные реакторы в Индии¹⁰². Это заявление представляется непонятным, так как, во-первых, неясно, как постройку новых реакторов можно вести «для обеспечения безопасной эксплуатации существующих [...] ядерных установок». Во-вторых, данное изменение правил экспортного контроля России всего лишь приводит эти правила в соответствие с международным законодательством, которое по-прежнему запрещает дополнительные поставки реакторов.

Для снятия запрета на дальнейшую торговлю с Индией можно было действовать тремя способами. Если существует правило, по которому текущие статусы России (член ГЯП) и Индии (неядерное государство, не применяющее полноохватные гарантии) не позволяют им торговать друг с другом, значит, для обеспечения законности торговли нужно

Научные Записки ПИР-Центра №17

изменить либо один из этих двух статусов, либо само запрещающее правило.

Министерство по атомной энергии последовательно опробовало все три способа. Во-первых, Минатом выразил несогласие с неядерным статусом Индии. 30 мая 2000 г. глава департамента международного сотрудничества Минатома Михаил Рыжов выступил с заявлением о том, что Индия и Пакистан после ядерных испытаний 1998 г. не могут более считаться неядерными государствами¹⁰³. Он назвал данную ситуацию неестественной и выразил уверенность в том, что она должна быть скорректирована. Михаил Рыжов заявил также о том, что для вовлечения Индии и Пакистана в мировую систему экспортного контроля нужно обдумать способ признания их нового ядерного статуса, после чего объяснил, что признание ядерного статуса Индии позволит открыть пути сотрудничества с этой страной. Стоит отметить, что данная позиция Михаила Рыжова не совпадает с официальной позицией российского МИДа по данному вопросу и противоречит заявлениям президента России Владимира Путина¹⁰⁴.

Конечно, изменить ДНЯО ради признания Индии и Пакистана новыми ядерными государствами практически невозможно, но такая задача никогда и не стояла перед Минатомом. Риторика подобного рода сыграла важную роль в развитии имиджа Индии как государства, заслуживающего особого отношения с точки зрения ядерной торговли.

Во-вторых, Минатомом была предпринята попытка протестировать возможную реакцию мирового сообщества на изменение международного статуса России. В своем интервью газете *Hindu* 16 декабря 2000 г.¹⁰⁵ глава Минатома Евгений Адамов выразил уверенность в том, что Россия станет поставлять в Индию ядерные реакторы в дополнение к тем двум, договоренность о поставке которых в Куданкулам уже достигнута. Отвечая на вопрос газеты о том, как намерение Минатома поставлять дополнительные реакторы согласуется с обязательствами России по ГЯП, Евгений Адамов намекнул на возможность выхода России из этого режима. Министр отметил, что если текущие ограничения на сотрудничество в области мирной ядерной энергетики не будут изменены, то в списках

участников различных международных режимов могут произойти изменения. Вряд ли угроза выйти из состава ГЯП могла быть воспринята серьезно. Невыгодность такого шага очевидна. Скорее всего, это заявление было сделано только для демонстрации серьезности намерений Минатома сотрудничать с Индией. Кроме того, Евгений Адамов в этом же интервью выразил уверенность в том, что крайние шаги не понадобятся и Россия сможет убедить ГЯП смягчить экспортные ограничения, ссылаясь на третью и четвертую статьи ДНЯО. Как выяснилось позже, именно эта идея оказалась наиболее продуктивной.

Незадолго до этого интервью, в начале октября 2000 г., в ходе визита Владимира Путина в Индию был подписан «Меморандум о взаимопонимании в области мирного использования ядерной энергии». С российской стороны этот меморандум подписал вице-премьер правительства Илья Клебанов, с индийской стороны – руководитель секретариата премьер-министра Баджеш Мишра¹⁰⁶. В документе были официально закреплены намерения России продать в Индию еще четыре энергоблока на АЭС *Куданкулам*¹⁰⁷. При этом обе стороны понимали, что для претворения этих намерений в жизнь нужно сделать еще очень многое¹⁰⁸.

Ввиду невозможности изменить экспортно-контрольные статусы Индии и России Минатом применил третий способ решения проблемы ядерных поставок. В марте 2001 г. Евгения Адамова на посту главы Минатома сменил Александр Румянцев. Через несколько недель после своего назначения Александр Румянцев выступил с заявлением, в котором подтвердил намерение России продолжать сотрудничество с Индией¹⁰⁹. Он признал, что в данный момент Россия как член ГЯП не имеет на это права, но выразил уверенность в том, что проблема может быть решена. Александр Румянцев заявил, что можно было бы подписать с ГЯП некий вид соглашения, разрешающего торговлю с Индией в будущем. Скорее всего, речь идет о возможном получении Индией статуса ассоциированного члена ГЯП¹¹⁰.

Это предложение России обсуждалось 10–11 мая 2001 г. на пленарном заседании ГЯП в Аспене (Колорадо, США). В заявлении для прессы, изданном по итогам этого

Научные Записки ПИР-Центра №17

мероприятия, ГЯП вновь подтвердила свое решение 1992 г., требующее применения полноохватных гарантий в качестве условия ядерных поставок¹¹. Но в то же время ГЯП согласилась рассмотреть возможность установить отношения (to consider options for engaging with) со странами, которые, не будучи членами ГЯП, развили свои ядерные программы и сейчас являются потенциальными ядерными поставщиками. Индия в документе прямо не упоминается, но представляется достаточно очевидным, что речь идет именно о ней. Также в этом документе содержится призыв к странам, еще не принявшим полноохватные гарантии, сделать это.

Согласие ГЯП включить в заявление для прессы фразу о возможном установлении отношений с «потенциальными ядерными поставщиками» представляется значительным шагом, но говорить об успехе Минатома в лоббировании изменений правил ГЯП пока рано. Решения ГЯП принимаются консенсусом всех 39 государств-участников. При этом один из ключевых членов Группы, США, по крайней мере публично, опровергает возможность изменения правил ГЯП. Специальный помощник президента США посол Роберт Джозеф заявил в интервью журналу *Nonproliferation Review*, что ему ничего не известно о намерениях США поддержать изменения правил ГЯП в направлении разрешения поставок в страны, не имеющие полноохватных гарантий¹².

Нужно понимать, что изменение правил ГЯП нужно не только Минатому. В открытии индийского рынка, как это было показано выше, заинтересована и Франция, а также и другие страны. Для открытия индийского ядерного рынка существуют две основные предпосылки.

Во-первых, предпосылка экономическая: Индия представляет собой огромный рынок, обещающий серьезные прибыли. Это понимают не только в России, но и в других государствах-членах ГЯП.

Во-вторых, некоторые эксперты полагают, что открытие индийского ядерного рынка может послужить интересам нераспространения. Рассуждения, приводящие к этому выводу, выглядят следующим образом. Меры экспортного контроля, применяемые ГЯП, направлены на предотвращение использования

государствами-получателями ядерных технологий для изготовления ядерного оружия. Индия уже смогла самостоятельно изготовить ядерное оружие. Таким образом, цель требования применения Индией полноохватных гарантий утеряна. Напротив, законодательное разрешение ядерной торговли с Индией может быть полезно, так как позволит вести переговоры с этой страной о ядерных поставках в обмен на нераспространенческие шаги. Использование же для развития индийской военной ядерной программы полученных ею ядерных установок и технологий можно практически полностью исключить, применяя гарантии МАГАТЭ к конкретным установкам и материалам.

Может быть, с нераспространенческой точки зрения это спорные утверждения, но не считается с их существованием нельзя, так как именно они могут в итоге привести к изменению правил ГЯП, которые являются важным элементом международного режима ядерного нераспространения. Следующее пленарное заседание ГЯП состоится в мае 2002 г. в Чехии.

Влияние Куданкулама на будущее международных режимов

Строительство АЭС в Куданкуламе является одной из приоритетных задач как для российского Министерства по атомной энергии, так и для большей части российской промышленности. Выше уже отмечалось, что в проект так или иначе будет вовлечено около 300 российских предприятий. Таким образом, строительство должно не только принести прибыль, но и обеспечить заказами множество заводов и институтов. Положительная сторона данного примера российско-индийского сотрудничества очевидна, но нельзя не упомянуть и серьезные опасения, возникающие в связи с будущим проекта.

Как упоминалось выше, окончательно запланированное Россией и Индией продолжение сотрудничества в ядерной области невозможно без изменений в основном режиме экспортного контроля – ГЯП. Сама возможность такого изменения вызывает настороженность с точки зрения нераспространения и эволюции системы экспортного контроля. У российских министерств и промышленности есть две причины добиваться дальнейшего расширения сотрудничества: финансовая и геополитическая (упрочение связей со

Научные Записки ПИР-Центра №17

стратегическим партнером). Влияние же такого сотрудничества на будущее режимов экспортного контроля зачастую не принимается во внимание. Факт внесения изменений в ГЯП может вызвать два неприятных и даже опасных следствия. Во-первых, может быть создан прецедент намеренного, продиктованного прежде всего финансовыми интересами, придания государству особого статуса в рамках международного режима¹¹³. Такой прецедент очевидно опасен, так как может способствовать притязаниям на особый статус и других стран, что ведет фактически к разрушению всего режима ГЯП.

Во-вторых, признание особого статуса Индии в ГЯП может стать причиной теоретических размышлений о возможности внесения изменений и в другой международный режим – ДНЯО. Конечно, внесение изменений в сам договор возможно лишь теоретически, но даже притязания какой-либо страны на получение ядерного статуса *де-факто* чреваты непредсказуемыми последствиями.

Таким образом, с точки зрения нераспространения безопасность принятия Индии в ГЯП ассоциированным членом неочевидна.

Куданкулам: синица в руках

Вне зависимости от того, целесообразно или нет с точки зрения нераспространения ядерного оружия открывать индийский ядерный рынок, Россия просто не может себе позволить заключать новые соглашения о ядерном сотрудничестве с Индией до отмены ограничений ГЯП. Более того, есть основания полагать, что существование этих ограничений выгодно для России на данном этапе.

Предположим, что ограничения ГЯП на торговлю с Индией сняты. Тогда возможность поставлять ядерные материалы и установки в Индию будет иметь не только Россия, но и Франция, США, Япония, Канада и другие страны. Для Минатома это означает начало жесточайшей конкуренции без всякой гарантии выигрыша¹¹⁴. Появятся две основные трудности.

Во-первых, некоторые эксперты полагают, что сейчас в Индии ядерные технологии западных стран воспринимаются как намного более безопасные и совершенные технически в

сравнении с российскими аналогами, что не добавляет Минатому конкурентных преимуществ.

Во-вторых, развитие технологий ядерного топливного цикла в разных странах идет несколько различным образом, что может привести к малой совместимости набора требуемых технологий одной страны и возможностей другой. При рассмотрении ядерного сотрудничества Москвы и Нью-Дели нельзя забывать о том, что ядерная энергетика Индии традиционно ориентировалась на тяжеловодные реакторы с водой под давлением (PHWR), использующие необогащенный уран. В России же для целей ядерной энергетики использовались легководные реакторы (ВВЭР) или реакторы, использующие в качестве замедлителя нейтронов графит (РБМК), а оба этих типа реакторов требуют топлива из обогащенного урана. Таким образом, набор технологий, имеющихся у Минатома, может не совпадать с тем, что требуется Индии. Но какая-либо другая страна, например, Канада, традиционно строившая именно тяжеловодные реакторы, может лучше России соответствовать требованиям индийских заказчиков.

Таким образом, усилия Минатома, направленные на изменение правил ГЯП, вызывают вопросы с точки зрения не только нераспространения, но и целесообразности этих усилий. В данных условиях для Минатома может быть гораздо более выгодным сохранение текущего положения вещей¹¹⁵. Конечно, дальнейшее расширение сотрудничества сейчас невозможно, и приходится ограничиваться строительством только двух энергоблоков в Куданкуламе, но в обмен на это Россия имеет гарантированное отсутствие конкуренции со стороны других поставщиков.

Постройка двух реакторов ВВЭР-1000 увеличит суммарную мощность всех индийских ядерных реакторов более чем на 50%¹¹⁶, т.е. к концу 2008 г. треть всей ядерной энергии в Индии будет вырабатываться российскими реакторами с использованием российского ядерного топлива в течение всего срока их службы. Этот факт не может не расширить весьма значительно и так уже существующие возможности и предпосылки для дальнейшего взаимодействия. Ко времени начала работы АЭС в Куданкуламе ядерные связи России и Индии станут гораздо крепче, а

Научные Записки ПИР-Центра №17

значит, Минатом получит дополнительные возможности для успешной конкуренции на индийском рынке. Кроме того, как отмечалось в начале данной статьи, уже можно говорить о некоторой тенденции в сторону изменения текущего политического статуса Индии в ООН и, следовательно, повышения ее престижа как государства. Если такая тенденция сохранится и в будущем, то к началу работы АЭС в Куданкуламе Минатому будет гораздо легче ставить вопрос в ГЯП об изменении отношения к Индии.

Итак, в данной ситуации именно сохранение *status quo* представляется наиболее приемлемым вариантом для России с точки зрения как поддержки режима нераспространения, так и завоевания новых рынков.

¹ Подробнее о советских поставках тяжелой воды см.: Тимербаев Р.М. Группа ядерных поставщиков: история создания. (1974-1978). М.: Библиотека ПИР-Центра, 2000. С. 62.

² Здесь и далее используется статья: Moody R. Adam. The Indian-Russian Light Water Reactor Deal. *Nonproliferation Review*. 1997. Vol. 5, No. 1, Fall. P. 112.

³ India's Atomic Energy Commission, AEC.

⁴ Moody R. Adam. Op. cit.

⁵ Официальный сайт парламента Индии: alfa.nic.in/rs/kiosk/rsfinal3/whoswho/alpha_r3.htm.

⁶ Perkovich George. India's Nuclear Bomb. The Impact of Global Proliferation. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1999. P. 286.

⁷ Bhabha Atomic Research Center, BARC.

⁸ См.: Perkovich George. Op. cit. P. 284.

⁹ Ibid. P. 287.

¹⁰ Ibid. См. также: Moody R. Adam. Op. cit.

¹¹ Srinivasan Confirms Delays And Soviet Reactor Deal. *Nuclear Engineering International*. September 1988. P. 6.

¹² Gorbachev Visit To Mark Reactor Deal. *Nuclear Engineering International*. 1988. July. P. 6.

¹³ Indo-Soviet Agreement Signed. *Nuclear Engineering International*. 1989. January. P. 2.

¹⁴ Ibid. P. 2.

¹⁵ Perkovich George. Op. cit. P. 26, 27.

¹⁶ Краткий обзор развития канадской ядерной программы см. на сайте Ядерного общества Канады: www.cns-snc.ca/branches/manitoba/history.html.

¹⁷ Точнее, получение урана-233 из тория.

¹⁸ Indo-Soviet agreement signed. *Nuclear Engineering International*. 1989. January. P. 2.

¹⁹ Moody R. Adam. Op. cit.

²⁰ Indo-Soviet Working Group Meets. *Nuclear Engineering International*. 1989. December. P. 6; В качестве примера антиядерной пропаганды относительно Куданкулама см.: Udayakumar S.P. Koodankulam Nuclear Power Project: A Chronology. 2000, www.astro.princeton.edu/~vijay/Aid/koodan.html.

²¹ Patri Neel. Iyengar To Succeed Srinivasan In Top Indian Nuclear Posts. *Nucleonics Week*. 1990, 1 February. P. 13.

²² India. *Nuclear Engineering International*. 1990. June. P. 24.

²³ Perkovich George. Op. cit. P. 325, 326.

²⁴ MacLachlan Ann, Siddiqi Rauf, Patri Neel. Hope For Foreign Reactors Ends In Both India And Pakistan. *Nucleonics Week*. 1992, 23 January.

²⁵ Kudankulam Must Go On. *Nuclear Engineering International*. 1992. February. P. 8.

²⁶ Ibid.

²⁷ Seneviratne Gamini. Lack Of Capital Deters Russians From Building VVERs In India. *Nucleonics Week*. 1992, 1 October. P. 10, 11.

²⁸ Off Again, On Again At Koodankulam. *Nuclear Engineering International*. 1994. May. P. 8, 9. См. также: Moody R. Adam. Op. cit. P. 119.

²⁹ См.: www.iaea.org/worldatom/Documents/Infcircs/2000/infcirc254r4p1.pdf.

³⁰ Описание ситуации см. в: Федченко Виталий. О некоторых аспектах российско-индийского сотрудничества в области мирной ядерной энергетики. *Ядерный Контроль*. 2001. №3, май-июнь. С. 61.

³¹ См.: INFCIRC/254/Rev.4/Part 1, параграф 4 (c).

³² Pact Signed To Revive Twin-Unit Plant In India. *Nuclear News*. 1995. February. P. 59.

³³ Hibbs Mark. Reported VVER-1000 Sale To India Raises NSG Concern On Safeguards. *Nucleonics Week*. 1995, 12 January. P. 1-13. В данной публикации указано, что протокол 1994 г. был подписан главой Минатома, что представляется странным, так как по Постановлению правительства №1395 от 19 декабря 1994 г. протокол должен быть подписан Министерством внешнеэкономических связей от имени правительства.

³⁴ Hibbs Mark. Moscow Rejects Minatom-India Deal Without Full-Scope Safeguards. *Nucleonics Week*. 1995, 2 February. P. 10, 11.

³⁵ Москва подтверждает намерение принять участие в строительстве АЭС в Индии.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Сегодня (со ссылкой на *Интерфакс*). 1997, 15 февраля.

³⁶ Hibbs Mark. Moscow Rejects Minatom-India Deal Without Full-Scope Safeguards. *Nucleonics Week*. 1995, 2 February. P. 10, 11.

³⁷ India Seeks China-Style Deal for Two VVERs, Minatom Says. *Nucleonics Week*. 1996, 11 January. P. 4.

³⁸ Ваганов Андрей. Россия построит АЭС в Куданкуламе. *Независимая Газета*. 1997, 21 марта. С. 4.

³⁹ Uradhyay Dadan. Russia Agrees to Sell N-Reactors to India. *Indian Express*. 1997, 26 March.

⁴⁰ Yeltsin to Visit India in January. *Indian Express*. 1997, 5 November.

⁴¹ Анатолий Чубайс готовит визит Бориса Ельцина в Индию. *Известия*. 1997, 18 декабря.

⁴² Way Cleared for Signing Pact On Koodankulam. *Hindu*. 1997, 19 December. P. 1.

⁴³ Saxena Vandana. Indo-Russian Talks on for N-Plant in TN. *Financial Express*. 1997, 24 December.

⁴⁴ Спиридонов Евгений. Россия согласилась построить Индии АЭС. *Сегодня*. 1998, 9 января.

⁴⁵ Parasuram T.V. US Not Against Russian Nuclear Reactor Sale. *Indian Express*. 1997, 25 December.

⁴⁶ См. например, обоснование Виктором Михайловым необходимости строительства Куданкулама как «островка для работы экспертов» МАГАТЭ в Индии: Михайлов Виктор. Мирный атом в частных руках может привести к экономическим войнам за пределами страны и полной разрухе отрасли в государстве. *Российская Газета*. 1998, 5 июня.

⁴⁷ Malhotra Jyoti. Russian N-deal to Test US Sanctions. *Indian Express*. 1998, 17 June.

⁴⁸ Nirmala George. Moscow Ends Atomic Power Blockade to India. *Indian Express*. 1998, 21 June.

⁴⁹ Россия построит АЭС в Индии. *Труд*. 1998, 24 июня.

⁵⁰ Saxena Vandana. Russia to Extend 85% of Debt In Koodankulam Power Plan. *Financial Express*. 1998, 24 June.

⁵¹ Radyuhin Vladimir. Project Report Contract Koodankulam. *Hindu*. 1998, 21 July.

⁵² Work begins on Koodankulam Report. *Hindu*. 1998, 5 November.

⁵³ Кушнарев Максим. Российско-индийское сотрудничество в области мирного использования атомной энергии и политика нераспространения (реферат). М, МПФИ, 2000.

⁵⁴ См.: Lebedev Oleg. Russia to Prepare Indian Nuclear Plant Design in 24 Months. FBIS-SOV-98-358, 24 December 1998.

⁵⁵ India Says Design Work Starts On Russian N-Plant. *Reuters*. 1998, 4 November.

⁵⁶ Russian-Built Power Plant Design Ready in 2000. *RIA Novosti*. 1999, 8 November. FBIS Document FTS19991108000613, 8 November 1999.

⁵⁷ Россия к концу 2000 г. может подписать контракт с Индией на строительство АЭС. *Интерфакс*. 2000, 26 января.

⁵⁸ Nirmala George. Nuke Deals – India Now Eyes France. *Indian Express*. 1998, 30 June.

⁵⁹ Chirac Jacques. India and France: A Partnership for the 21st Century. Speech at Vigyan Bhavan. New Delhi. 1998, 25 January (www.france-in-india.org).

⁶⁰ Speech by the President of India Shri K.R. Narayanan at the Banquet in Honour of the President of the Republic of France His Excellency Mr. Jacques Chirac. New Delhi. 1998, 25 January (www.france-in-india.org).

⁶¹ Nirmala George. Nuke Deals – India Now Eyes France. *Indian Express*. 1998, 30 June.

⁶² «Индийско-российский заговор» – причина теракта. *Сегодня*. 1997, 12 августа.

⁶³ Public Protest Against Koodankulam Project. *Business Line*. 1998, 23 July.

⁶⁴ Sivan Jayaraj. Koodankulam Goes Nuclear. *Indian Express*. 1998, 28 June.

⁶⁵ Koodankulam Plant To Go On Stream by 2005. *Business Line*. 1998, 6 November.

⁶⁶ См.: Latest Safety Features for Koodankulam Plant. *Hindu*. 1999, 7 January.

⁶⁷ Modern Safety Features at Koodankulam. *Hindu*. 1998, 6 November.

⁶⁸ Кушнарев Максим. Цти. соч.

⁶⁹ Radyhin Vladimir. Koodankulam Contract Soon. *Hindu*. 2001, 28 June.

⁷⁰ Russia: Indian Prime Minister to Pay Official Visit to Moscow in November. *Interfax*. 2001, 2 October.

⁷¹ Описание ситуации перед этим визитом см. в: Федченко Виталий. Мирный атом, бхай, бхай. *Время Новостей*. 2001, 2 ноября.

⁷² Обзор результатов визита см. в: Паклин Николай. Алмазы в обмен на бриллианты. *Российская Газета*. 2001, 11 ноября.

⁷³ В рамках российско-индийского сотрудничества в области атомной энергетики в Индии будет построена АЭС Куданкулам. РИА *Oreanda*. 2001, 8 ноября. См. также: Воскобойникова Вероника. Индия может заказать у РФ сооружение еще 2–4 блоков АЭС; российские реакторы выбраны потому,

Научные Записки ПИР-Центра №17

что «это технологии будущего». *Итаp-Тасс*. 2001, 6 ноября.

⁷⁴ Воскресенский Геннадий. Объект геополитического значения. Индия освоит мирный атом с российской помощью. *Век*. 2001, 9 ноября.

⁷⁵ Треховицкая Е. Петербургские заводы заработают на Индии. *Деловой Петербург*. 2001, 5 ноября.

⁷⁶ Около 300 предприятий РФ будут участвовать в выпуске и поставках оборудования для АЭС, строящейся в Индии по российскому проекту. *РИА Новости*. 2001, 8 ноября.

⁷⁷ Опубликовано на сайте www.minatom.ru в 2001 г.

⁷⁸ Визит на \$3 млрд. *Ведомости*. 2001, 5 ноября.

⁷⁹ Россия и Индия заявили о необходимости сохранения договора по ПРО. *Страна.Ру*. 2001, 6 ноября (www.strana.ru/stories/01/09/12/1538/80335.html).

⁸⁰ В Индии может быть построена АЭС с российским участием. *Интерфакс*. 2001, 2 ноября. См. также: Vajpayee to Sign Nuclear Agreement During Russia Visit. *Agence France Presse*. 2001, 2 November.

⁸¹ Малосолов Андрей. Россия и Индия подписали Меморандум о строительстве российскими специалистами атомной станции в Куданкуламе. *РИА Новости*. 2001, 6 ноября. См. также: India, Russia Sign Pact to Set up Atomic Plants. *Hindu*. 2001, 6 November.

⁸² Воскобойникова Вероника. Индия может заказать у РФ сооружение еще 2–4 блоков АЭС; российские реакторы выбраны потому, что «это технологии будущего». *Итаp-Тасс*. 2001, 6 ноября.

⁸³ Конечно, в США сейчас действует внутреннее законодательство, запрещающее, в частности, ядерную торговлю и с Индией.

⁸⁴ См.: Новиков Владимир. Проблемы создания Индией ядерного потенциала. *Ядерное Распространение*. 2000. Вып. 34, январь–март. С. 5.

⁸⁵ См. сайт Nuclear Power Corporation of India Ltd.: www.npcil.org/docs/taps.htm.

⁸⁶ NNPA – Nuclear Nonproliferation Act.

⁸⁷ Moorthy D.N. India Perfects MOX Fuel. N-tech Cocks a Snook at China, USA, France. *Indian Express*. 2000, 14 October.

⁸⁸ Chellaney Brahma. Russia Steps in to Save Tarapur N-plant. *Hindustan Times*. 2000, 12 October.

⁸⁹ Koch Andrew, Derrick Christopher, McNichols Shelby. Selected Indian Nuclear Facilities: cns.mits.edu/research/india/nuclear.htm.

⁹⁰ Тамилин Алексей. Москва поможет Дели ураном. *Независимая Газета*. 2000, 16 ноября.

⁹¹ См.: FBIS Document CEP20000816000224, 16 August 2000.

⁹² Reeker Philip T. Press Statement. Russian Shipment of Low Enriched Uranium Fuel to India. *US Department of State*, 16 February 2001 (www.state.gov/r/pa/prs/ps/index.cfm?docid=592).

⁹³ США обвинили Россию в нарушении обязательств по нераспространению ядерного оружия. *РосБизнесКонсалтинг*. 2001, 17 февраля.

⁹⁴ Harnden Toby, Warren Marcus. Russia Selling Atomic Know-How, Says US. *Daily Telegraph*. 2001, 16 February. Также см.: Тамилин Алексей. США обвиняют Россию в нарушении режима нераспространения. *Независимая Газета*. 2001, 17 марта.

⁹⁵ Stratford Richard J.K. Starting Over Building a Non-Proliferation Regime from Scratch. Tokyo, March 2001 (Второй международный симпозиум «Как гармонизировать мирное использование ядерной энергии и нераспространение? Будущее развитие ядерной энергетики в Азии»).

⁹⁶ Подробнее о российских поставках в Тарапур см.: Федченко Виталий. «О некоторых аспектах...». Цит. соч.

⁹⁷ Игнатова Мария. Россия хочет закрепиться на восточных ядерных рынках. *Известия*. 2000, 4 апреля.

⁹⁸ Radyuhin Vladimir. Russia Eases Restrictions On Nuclear Export. *Hindu*. 2000, 14 May.

⁹⁹ Koodankulam Plant To Cost Rs. 14.000 cr. *Hindu*. 2001, 26 July.

¹⁰⁰ См.: Федченко Виталий. «О некоторых аспектах...». Цит. соч.

¹⁰¹ Текст указа Владимира Путина см. в: Сообщение пресс-службы Президента Российской Федерации. 7 мая 2000, president.kremlin.ru/pressa/2000050708.html.

¹⁰² Radyuhin Vladimir. Russia eases restrictions on nuclear export. *Hindu*. 2000, 14 May. Правда, это заявление было несколько позже опровергнуто директором департамента международного сотрудничества Минатома Михаилом Рыжовым. См.: Radyuhin Vladimir. Legalise India's N-Status, Says Russia. *Hindu*. 2000, 31 May.

¹⁰³ Radyuhin Vladimir. Legalise India's N-Status, Says Russia. *Hindu*. 2000, 31 May.

¹⁰⁴ Например, перед своим визитом в Индию в 2000 г. Владимир Путин заявил: «Мы

Научные Записки ПИР-Центра №17

не считаем, что на международной арене появились новые ядерные государства, и не думаем, что если бы мы признали этот факт, то последствия от такого признания были бы положительными для тех стран, которые на это претендуют». См.: Интервью президента Российской Федерации В.В.Путина индийским средствам массовой информации и российскому телеканалу РТР, president.kremlin.ru/events/67.html.

¹⁰⁵ Radyuhin Vladimir. India, Russia Nuclear Cooperation Will Continue. *Hindu*. 2000, 17 December.

¹⁰⁶ India, Russia Sign Defence Pacts. *Times of India*. 2000, 6 October.

¹⁰⁷ AEC Chief Welcomes Russia's Offer On Nuclear Reactors. *Hindu*. 2001, 12 February.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ Radyuhin Vladimir. Russia To Continue Nuclear Cooperation With India. *Hindu*. 2001, 18 April.

¹¹⁰ См. опубликованную в настоящем сборнике работу Роланда Тимербаева.

¹¹¹ Nuclear Suppliers Group Plenary Meeting. Press Statement. Aspen, 10–11 May 2001 (projects.sipri.se/expcon/nsg_plenary01.htm).

¹¹² Spector Leonard S. Interview with Ambassador Robert G. Joseph. *Nonproliferation Review*. 2001. Vol. 8, No. 3, Fall-Winter.

¹¹³ Правда, такой прецедент уже существует в отношении другого режима экспортного контроля. *Особый статус* уже имеет Украина в рамках РКРТ. Однако *особенность* Украины продиктована не зависящими от желаний вовлеченных стран особенностями промышленности, унаследованными Украиной и Россией после распада СССР.

¹¹⁴ В этом смысле весьма опасны и неверны рассуждения о том, что Индия станет покупать реакторы в России просто потому, что является ее стратегическим партнером.

¹¹⁵ Эта идея предложена старшим советником ПИР-Центра послом Роландом Тимербаевым.

¹¹⁶ Эта цифра получена с учетом еще недостроенных реакторов в Тарапуре и Кайге.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Приложение 1

ОТНОШЕНИЕ К МЕЖДУНАРОДНЫМ СОГЛАШЕНИЯМ И РЕЖИМАМ ОГРАНИЧЕНИЯ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ И РЕГУЛИРОВАНИЯ ЯДЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Международные соглашения и режимы	Индия	Пакистан
Договор о нераспространении ядерного оружия (NPT)		
Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (CTBT)		
Договор об Антарктике (The Antarctic Treaty)	*	
Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб (Vienna Convention on Civil Liability for Nuclear Damage)		
Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (Treaty on the Prohibition of the Emplcement of Nuclear Weapons and Other Weapons of Mass Destruction on the Seabed and the Ocean Floor and in Subsoil Thereof)	*	
Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, Including the Moon and Other Celestial Bodies)	*	*
Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (Partial Test Ban Treaty, PTBT)	*	*
Комитет Цангера		
Группа ядерных поставщиков (NSG) ¹		
Режим контроля за ракетной технологией (MTCR)		
Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (BWC)	*	*
Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (CWC)	*	*
Конвенция о физической защите ядерного материала (Convention on the Physical Protection of Nuclear Material)	*	
Конвенция о ядерной безопасности (Convention on Nuclear Safety)	*	*
Соглашение о запрещении нападения на ядерные сооружения и объекты между Индией и Пакистаном (Agreement on the Prohibition of Attack against Nuclear Installations and Facilities between the Republic of India and the Islamic Republic of Pakistan)	*	*
Соглашение о химическом оружии между Индией и Пакистаном (India-Pakistan Agreement on Chemical Weapons)	*	*
Лахорская декларация (Lahore Declaration)	*	*
Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации (Convention on Assistance in the Case of A Nuclear Accident or Radiological Emergency)	*	*
Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии (Convention on Early Notification of a Nuclear Accident)	*	*
Конвенция о дополнительной компенсации за ядерный ущерб (Convention on Supplementary Compensation for Nuclear Damage)		

¹ Существует предложение России принять Индию в ГЯП в качестве «ассоциированного члена».

Научные Записки ПИР-Центра №17

Приложение 2

ЗАПАСЫ ОРУЖЕЙНОГО УРАНА И ПЛУТОНИЯ ИНДИИ И ПАКИСТАНА¹

Запасы оружейного урана и плутония	Индия	Пакистан
Запас урана оружейного качества (кг)	? ²	900–1100
Запас плутония оружейного качества (кг)	500–600	30–50

¹ Оценка количества ядерных материалов дается на основании источников: Tellis Ashley J. India's Emerging Nuclear Posture: Between Recessed Deterrent and Ready Arsenal. RAND. 2001. P. 479; Menon Raja. A Nuclear Strategy for India. New Dehli, Thousand Oaks, London: Sage Publications, 2000; Albright David. India's and Pakistan's Fissile Material and Nuclear Weapons Inventories, end of 1999. ISIS, 2000.

² Точное количество неизвестно, но имеются данные *РЭНД Корпорэйшен*, по которым в Индии ежегодно производится до 10 кг ВОУ. См. Tellis Ashley J. India's Emerging Nuclear Posture: Between Recessed Deterrent and Ready Arsenal. RAND. 2001. P. 479.

Приложение 3

РАКЕТНАЯ ПРОГРАММА ИНДИИ

Ракеты	Дата первого испытания	Дальность (км)	Полезная нагрузка (кг)	На вооружении (единиц)	Примечание
<i>Притхви-1</i>	25 февраля 1988 г.	150–350	1000	>75	Жидкотопливная, одноступенчатая
<i>Притхви-2</i>	Февраль 1996 г.	250	500	25	Жидкотопливная, одноступенчатая
<i>Притхви-3 (Дхануи)</i>	11 апреля 2000 г. ¹	350	500	–	Одноступенчатая, разрабатывается для ВМС Индии
<i>Сагарика</i> ²	Разрабатывается	300	500	–	Разрабатывается для запуска с подводных лодок
<i>Агни-1</i>	Май 1989 г. ³ ; февраль 1994 г.	2500	1000	10	Двухступенчатая, первая ступень – твердотопливная (SLV-3), вторая – жидкостная (<i>Притхви</i>)
<i>Агни-2</i>	11 апреля 1999 г.	2500–3000	1000	– ⁴	Двухступенчатая, твердотопливная, мобильная, стартовый цикл занимает 15 мин, начато ограниченное производство, взятие на вооружение запланировано на 2001–2002 гг. ⁵ Серийное производство <i>Агни-2</i> начнется в 2002–2004 гг.
<i>Агни-3</i>	Разрабатывается	3500	1000	–	По существующим оценкам, разработка займет еще около 5 лет, постановка на вооружение – еще около 10 лет

Научные Записки ПИР-Центра №17

<i>Агни-4</i> (<i>Сурья</i>)	Разрабатывается	5000– 12000(?)	?	–	МБР, может появиться только к 2010 г. ⁶
<i>Брамос</i>	12 июня 2001 г.	280–300	200–300	?	Совместная российско-индийская разработка, сверхзвуковая крылатая ракета

¹ Испытание закончилось неудачей.

² Уровень взаимосвязи между ракетами *Сагарика* и *Дхануш* не установлен. Основываясь на близости технических характеристик и назначения, некоторые источники делают предположение о том, что, возможно, это одна и та же ракета.

³ Испытание закончилось неудачей.

⁴ 20 единиц заказано промышленности, производство уже начато, возможно, несколько ракет уже приняты на вооружение.

⁵ *Ракеты и Космос*. 2001. Т. 1, №2, осень. С. 22.

⁶ Мишра Раджеш Кумар. Ракетно-космическая программа Индии: на пути к самодостаточности. *Ракеты и Космос*. 2001. Т. 1, №3, зима. С. 16.

Приложение 4

РАКЕТНАЯ ПРОГРАММА ПАКИСТАНА¹

Ракеты	Дата первого испытания	Дальность (км)	Полезная нагрузка (кг)	На вооружении (единиц)	Примечание
<i>Хатф-1</i> , <i>Хатф-1А</i>	Апрель 1988 г. или январь 1989 г.	60–100	500	>30	Твердотопливная, одноступенчатая, запущена в серийное производство и поставлена на боевое дежурство
<i>Хатф-2</i>	Апрель 1988 г. или январь 1989 г.	280–300	500	?	Твердотопливная, двуступенчатая, прототип – китайская ракета <i>М-11</i> , дальнейшая разработка прекращена
<i>Хатф-3</i>	Июль 1997 г. ²	550	600	?	Твердотопливная, одноступенчатая, прототип – китайская ракета <i>М-9</i>
<i>Шахин-1</i> (<i>Хатф-4</i>)	14 апреля 1999 г.	600–800	1000	?	Твердотопливная, одноступенчатая, серийное производство начато в феврале 2001 года
<i>Гхори-1</i> (<i>Хатф-5</i>)	6 апреля 1998 г.	1500	500–750	–	Одноступенчатая, жидкотопливная, протестирована на дальность до 1100 км, прототип – северокорейская <i>Нодонг</i> , серийное производство еще не начато

Научные Записки ПИР-Центра №17

<i>Гхори-2</i> (<i>Хатф-6</i>)	14 апреля 1999 г.	2000	700–1000(+)	–	Одноступенчатая, жидкотопливная, протестирована на дальность до 1165 км, но серийное производство еще не начато.
<i>Шахин-2</i> (<i>Хатф-7</i>)	В разработке ³	2000–2500	500 (?)	–	Прототип – <i>M-18</i> китайского производства
<i>Гхори-3</i> (<i>Абдали</i>)	В разработке ⁴	>3000	?	–	Двухступенчатая, прототип – северо-корейская ракета <i>Тэпходонг-1</i>

¹ В данной публикации принята классификация, предложенная в сборнике: The Military Balance. 2001-2002. International Institute for Strategic Studies, 2001, P. 158, 159.

² Испытание закончилось неудачно.

³ Тестовые пуски данной ракеты не проводились, но 23 марта 2000 г. два экземпляра этой ракеты были продемонстрированы на военном параде в Исламабаде.

⁴ Ракетный двигатель для *Гхори-3* был успешно испытан в сентябре 1999 г.

Приложение 5

СООТНОШЕНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПАКИСТАНА И ИНДИИ

Наименование	Пакистан	Индия	Соотношение
Личный состав сухопутных сил и ВВС, тыс.	560	1110	1:2
Танки	2300	3400+	1:1,5
Легкая бронетехника	1200+	2500+	1:1,8
Артиллерийские системы	1710	2230	1:1,3
Боевые самолеты	410	835	1:2
Личный состав флота, тыс.	26	53	1:2
в том числе в корпусе морской пехоты	1,2	1	1,2:1
Подводные лодки	7 (2)	20	1:2,8
Авианосцы	Нет	1 (1)	Полное превосходство Индии
Эсминцы	3	9	1:3
Фрегаты	8	16	1:2
Корветы/малые ракетные корабли	Нет	18	Полное превосходство Индии

В скобках указаны строящиеся или планируемые к вводу в строй корабли.

Научные Записки ПИР-Центра №17

Приложение 6

ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ ИНДИИ

Годы	Расходы, млрд рупий	ВВП, млрд рупий	Расходы в процентах от ВВП
1961–1962	2,8954	171,77	1,69
1962–1962	4,7391	184,76	2,56
1963–1964	8,1612	212,37	3,84
1964–1965	8,0580	247,65	3,25
1965–1966	8,8476	261,45	3,38
1966–1967	9,0859	295,71	3,07
1967–1968	9,6843	346,11	2,80
1968–1969	10,3319	366,74	2,82
1969–1970	11,0088	403,87	2,73
1970–1971	11,9928	431,63	2,78
1971–1972	15,2534	462,53	3,30
1972–1973	16,5223	510,05	3,24
1973–1974	16,8079	620,07	2,71
1974–1975	21,1227	732,35	2,88
1975–1976	24,7229	787,61	3,14
1976–1977	25,6253	848,94	3,02
1977–1978	28,1300	960,67	2,93
1978–1979	30,6000	1 041,90	2,94
1979–1980	35,5000	1 143,56	3,10
1980–1981	40,9100	1 360,13	3,01
1981–1982	46,5180	1 597,60	2,91
1982–1983	54,0830	1 781,32	3,04
1983–1984	63,0917	2 075,89	3,04
1984–1985	66,6057	2 313,43	2,88
1985–1986	79,8749	2 622,43	3,05
1986–1987	104,7745	2 929,49	3,58
1987–1988	119,6749	3 332,01	3,59
1988–1989	133,4102	3 957,79	3,37
1989–1990	145,0000	4 568,30	3,17
1990–1991	154,2648	5 320,30	2,88
1991–1992	163,4704	6 156,55	2,65
1992–1993	175,8179	7 055,66	2,49
1993–1994	215,0000	8 015,20	2,68
1994–1995	230,0000	9 097,25	2,43
1995–1996	268,7900	9 264,12	2,90
1996–1997	289,9800	9 989,78	2,90
1997–1998	352,7800	10 491,91	3,36
1998–1999	412,0000	11 122,06	3,70
1999–2000	456,9400	12 584,78	3,63
2000–2001	731,5000		

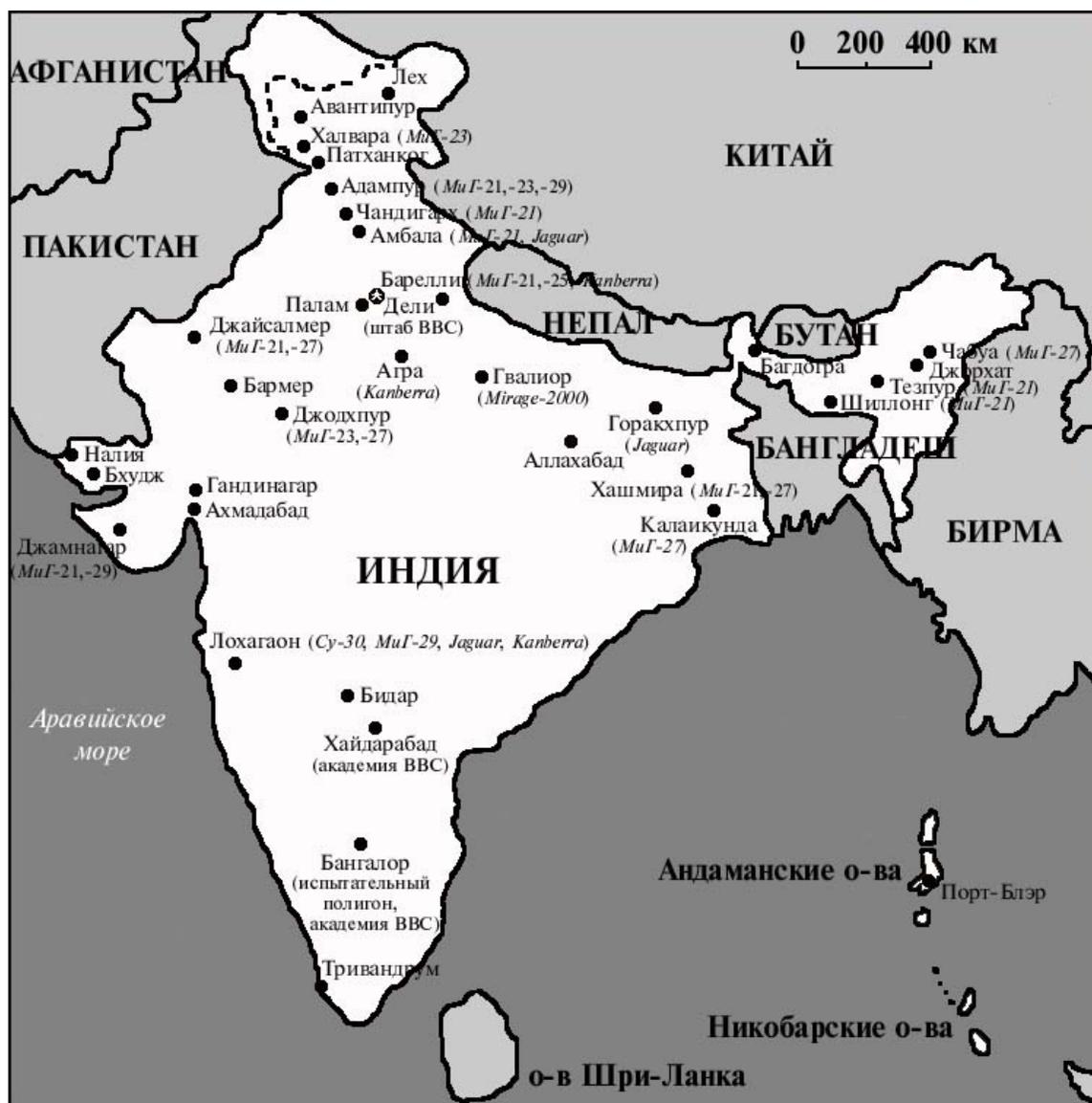
Научные Записки ПИР-Центра №17

Приложение 7

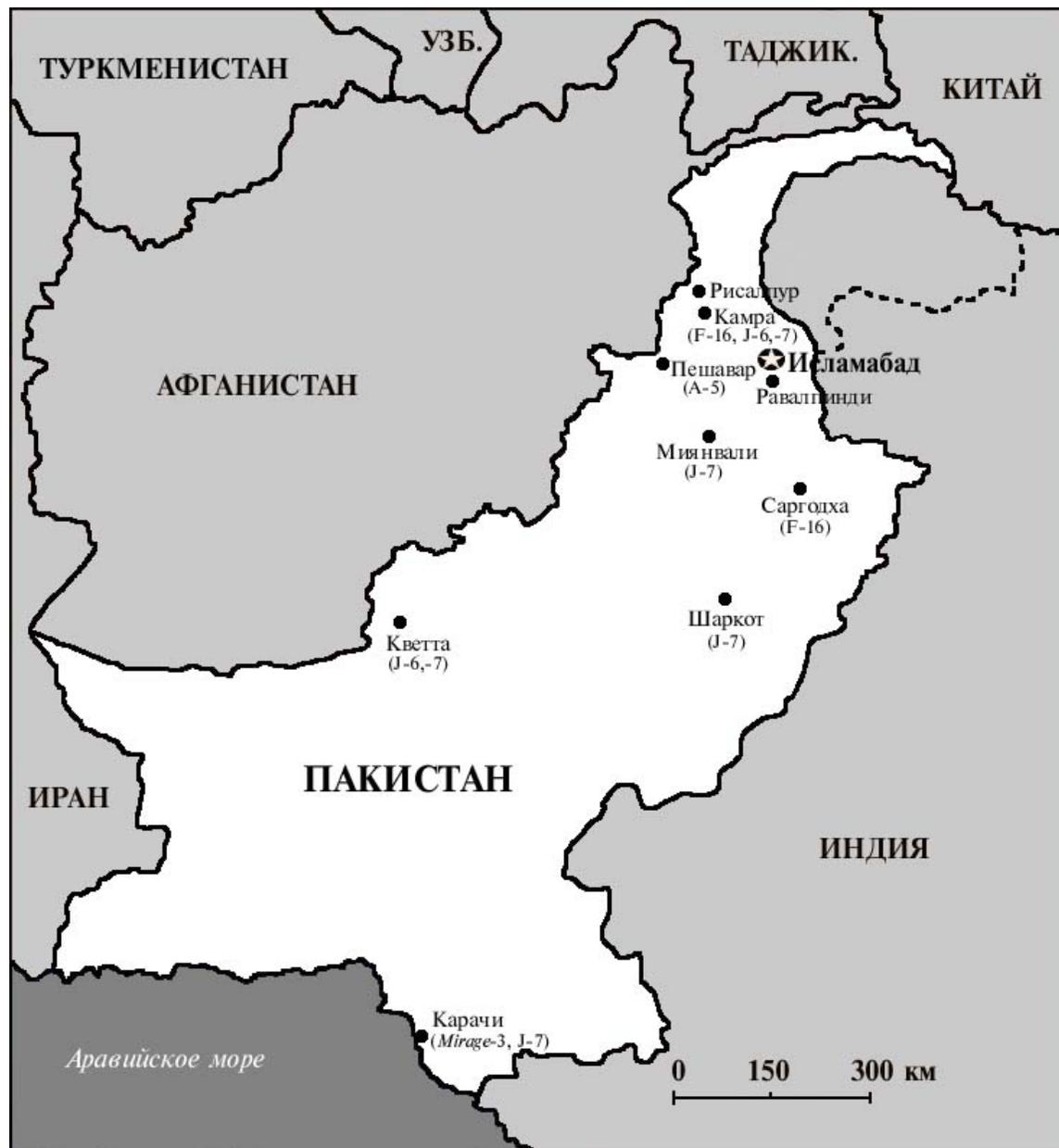
ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ ПАКИСТАНА

Годы	Расходы, млрд рупий	ВВП, млрд рупий	Расходы в процентах от ВВП
1961–1962	1,090	19,139	5,79
1962–1963	0,954	20,489	4,66
1963–1964	1,157	22,945	5,04
1964–1965	1,262	26,202	4,82
1965–1966	2,855	28,969	9,86
1966–1967	2,794	32,622	8,56
1967–1968	2,182	35,542	6,14
1968–1969	2,427	37,985	6,39
1969–1970	2,749	43,347	6,34
1970–1971	3,202	46,006	6,96
1971–1972	3,726	49,784	7,48
1972–1973	4,440	61,414	7,23
1973–1974	4,949	81,690	6,06
1974–1975	6,914	103,557	6,68
1975–1976	6,103	119,736	5,10
1976–1977	8,121	135,982	5,97
1977–1978	9,675	159,840	6,05
1978–1979	10,302	177,844	5,79
1979–1980	12,655	210,253	6,02
1980–1981	15,300	247,029	6,19
1981–1982	18,631	289,788	6,43
1982–1983	23,224	327,909	7,08
1983–1984	26,798	375,792	7,13
1984–1985	31,794	435,015	7,31
1985–1986	34,763	489,376	7,10
1986–1987	41,325	545,888	7,57
1987–1988	47,015	618,036	7,61
1988–1989	51,053	596,300	8,56
1989–1990	57,926	759,349	7,62
1990–1991	63,598	887,807	7,16
1991–1992	76,956	1024,529	7,51
1992–1993	87,150	1140,301	7,67
1993–1994	91,103	1288,084	7,07
1994–1995	101,849	1481,296	6,88
1995–1996	115,250	1677,000	6,88
1996–1997	131,170		5,80
1997–1998	131,803		5,30
1998–1999	139,818		4,90
1999–2000	143,420		4,40

БАЗЫ ВВС ИНДИИ

БАЗЫ ВВС ПАКИСТАНА

Научные Записки ПИР-Центра №17

Об авторах

Тимербаев Роланд Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке). В 1949 г. окончил МГИМО. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль за ограничением вооружений и разоружением», 1982). С 1949 по 1992 г. – в МИД СССР. Последняя должность в МИД: постоянный представитель СССР/России при международных организациях в Вене (1988–1992). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 г. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 г. – президент ПИР-Центра политических исследований. В настоящее время – старший советник ПИР-Центра. Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968». М.: Наука, 1999; «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2000. Автор двух глав учебного пособия для студентов вузов «Ядерное нераспространение». 1-е и 2-е изд. М.: Библиотека ПИР-Центра, 2000, 2002. Соавтор: справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2001 и монографии «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2001.

Шилин Александр Андреевич родился в 1973 г. в Москве. В 1996 г. окончил Московский государственный институт международных отношений. С 1996 года находится на дипломатической службе. В настоящий момент работает вторым секретарем в департаменте по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ. В 1997–2000 гг. работал в Посольстве РФ в Нью-Дели, Индия. Также работал в Пакистане, Шри-Ланке, США и Австрии. Специалист по внешней политике Индии и Пакистана, вопросам стратегической стабильности и обычных вооружений в Южной Азии. Автор 15 публикаций по данной тематике.

Федченко Виталий Геннадьевич родился в 1979 г. в г. Красногорске Московской области. Выпускник Московского инженерно-физического института. С 2002 г. Младший научный сотрудник ПИР-Центра. Сфера научных интересов: российско-индийское сотрудничество в ядерной области, вопросы нераспространения и безопасности в Южной Азии, программа Совместного уменьшения угрозы.

Научные Записки ПИР-Центра №17

SUMMARY

By refusing to sign an NPT India and Pakistan put themselves directly under certain international obligations and sanctions. But many developed countries from the outside of the region comprehend great incentives to establish tight political and commercial connections with India and Pakistan. This contradiction of ideas of Western policymakers became a cause of the heated international debate for developed countries about the way to deal with South Asian nations.

Russia is one of the key players in this region. Being an official strategic partner of India, Russia has very strong political, trade, military, industrial and scientific ties with this country. Pakistan and China are also vitally important to Russia as neighbor countries that have serious military nuclear capabilities and well known in many cases as India's rivals. Therefore, good analysis of the South Asian military and nuclear strategic trends is unfeasible without comprehensive study of Russian influence on, and cooperation with, states of South Asia.

PIR Center issued a publication in PIR Study Papers Series named «Proliferation and Nonproliferation Issues in South Asia: Present Situation and Prospects for the Future». This monograph consists of three chapters.

First chapter: the development and structure of the Indian and Pakistani nuclear and missile program, focusing on the role of Russia, China, and USA. This chapter reviews the history of the nuclear and missile programs of India and Pakistan to analyze their military, strategic and geopolitical consequences and its interference with Russia and Western countries. Kinds of measures Russia and US are able to apply to involve both India and Pakistan into arms control and nonproliferation procedures are also discussed.

Second chapter of the publication is focused on conventional arms on the sub-continent, and on the major trends of the future arms trade development. This chapter reviews the conventional arms race between India and Pakistan. It is shown that the development of the South Asian arms race was caused by the regional impact of the Cold War, but was not diminished with the breakup of the Soviet Union. Author shows that the cause of this lies in growing ambitions of India and Pakistan and in the presence of world powers' military interests in the region.

Third chapter of the book reviews complete history of the USSR/Russian-Indian nuclear cooperation, previous and possible future attempts of the Western countries to establish nuclear trade to India and Pakistan. This chapter describes the hope of many countries for the vast nuclear market of India and Pakistan to be open. Author analyzes cases of the nuclear power cooperation of Russia and India. Thereupon reasons for the Nuclear Suppliers Group to be established are shown and the impact of those projects on the future of the NSG is considered. Internal situation in India and Russia are also taken into consideration as a factor, which exerts a substantial influence on the nuclear trade with India.